

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ

В.А. ЛЯШЕВ

**ФОНЕТИКО-МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ
ОСОБЕННОСТИ ВЫМСКОГО ДИАЛЕКТА
КОМИ ЯЗЫКА**

ООО «Издательство «Кола»
Сыктывкар
2014

Российская академия наук
Уральское отделение
Коми научный центр
Институт языка, литературы и истории

Серия «Научное наследие»

Выпуск 3

В.А. ЛЯШЕВ

**ФОНЕТИКО-МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ
ОСОБЕННОСТИ ВЫМСКОГО ДИАЛЕКТА
КОМИ ЯЗЫКА**

ООО «Издательство «Кола»
Сыктывкар
2014

Российская академия наук
Уральское отделение
Коми научный центр
Институт языка, литературы и истории

В.А. ЛЯШЕВ

**ФОНЕТИКО-МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ
ОСОБЕННОСТИ ВЫМСКОГО ДИАЛЕКТА
КОМИ ЯЗЫКА**

ООО «Издательство «Кола»
Сыктывкар
2014

УДК 811.511.132'282'342'366

ББК 81.2 Коми – 67

Л 99

Ответственные редакторы
кандидат филологических наук А.Г. Мусанов,
кандидат филологических наук С.А. Сажина

Ляшев В.А.

Л 99 Фонетико-морфологические особенности вымского диалекта коми языка / В.А. Ляшев; [отв. ред. А.Г. Мусанов, С.А. Сажина].— Сыктывкар: ООО «Издательство «Кола», 2014.— 176 с.

Владимир Александрович Ляшев (1942–1999) — известный учёный-языковед, кандидат филологических наук, основатель лингвогеографического направления в исследовании коми-зырянских диалектов.

Монография издана в соответствии с авторским текстом кандидатской диссертации В.А. Ляшева «Фонетико-морфологические особенности вымского диалекта коми языка», хранящегося в архиве Коми научного центра УрО РАН (ф. 5, оп. 2, ед. хр. 218). Исследование посвящено фонетико-морфологическим особенностям одного из окраинных коми-зырянских диалектов, распространённого на территории бассейна реки Вымь.

Книга адресована специалистам и широкому кругу читателей.

УДК 811.511.132'282'342'366

ББК 81.2 Коми – 67

ISBN 987-5-9905724-6-1

© Ляшев В.А., 2014

© ООО «Издательство «Кола», 2014

ОГЛАВЛЕНИЕ

IN MEMORIAN. ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ ЛЯШЕВ (1942–1999). 7	
ВВЕДЕНИЕ	10
§ 1. История изучения вымских говоров	10
§ 2. Краткий очерк истории формирования диалекта.....	13
ГЛАВА I. ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВЫМСКОГО	
ДИАЛЕКТА	21
Раздел 1. ВОКАЛИЗМ	21
§ 1. Фонема <i>i</i>	21
§ 2. Фонема <i>e</i>	23
§ 3. Фонема <i>j</i>	25
§ 4. Фонема <i>e</i>	26
§ 5. Фонема <i>u</i>	26
§ 6. Фонема <i>o</i>	28
§ 7. Фонема <i>a</i>	29
§ 8. Долгие связанные фонемы	29
§ 9. Инструментальный анализ долгих фонем	31
§ 10. Вторичная эмфатическая долгота гласных	32
§ 11. К проблеме возникновения связанных фонем	35
Раздел 2. МОДИФИКАЦИЯ ГЛАСНЫХ	39
§ 1. Ассимиляция гласных.....	39
§ 2. Выпадение гласных.....	40
Раздел 3. КОНСОНАНТИЗМ	41
§ 1. Особенности употребления аффрикат	42
§ 2. Модификация согласных звуков	46
а) прогрессивная ассимиляция согласных	47
б) регрессивная ассимиляция согласных	48
в) ассимиляция согласных по палатальности.....	50
г) диссимиляция согласных	52
д) вставка согласных звуков	52
е) выпадение согласных звуков.....	54
ж) влияние палатальных гласных на согласные.....	55
з) <i>t' – jt, d' – jd</i> в конце морфем	57
и) удвоение согласного	58
к) метатеза.....	58
Раздел 4. УДАРЕНИЕ	58
Выводы по главе	62
ГЛАВА 2. МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДИАЛЕКТА ..	64
Раздел I. ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ	64

§ 1. Особенности склонения	64
§ 2. Лично-притяжательное склонение	68
§ 3. Выражение категории числа	69
§ 4. Словообразование имен существительных	70
Раздел 2. ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ	71
Раздел 3. ИМЯ ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ	74
Раздел 4. МЕСТОИМЕНИЕ	77
§ 1. Личные местоимения	77
§ 2. Усилительно-личные местоимения	79
§ 3. Взаимно-личные местоимения	79
§ 4. Счетно-личные местоимения	80
§ 5. Притяжательные местоимения	80
§ 6. Указательные местоимения	81
§ 7. Вопросительно-относительные местоимения	81
§ 8. Отрицательные местоимения	82
§ 9. Неопределенные местоимения	82
§ 10. Обобщительно-определятельные местоимения	82
Раздел 5. ГЛАГОЛ	83
§ 1. Настоящее время	83
§ 2. Настояще-будущее время	85
§ 3. Первое прошедшее (претерит)	89
§ 4. Второе прошедшее время (перфект)	91
§ 5. Категория вида	93
§ 6. Категория залога	96
§ 7. Глагольное словообразование	98
§ 8. Инфинитив	106
Раздел 6. ДЕЕПРИЧАСТИЕ	110
Раздел 7. ПРИЧАСТИЕ	113
Раздел 8. НАРЕЧИЕ	117
Раздел 9. СЛУЖЕБНЫЕ ЧАСТИ РЕЧИ	119
§ 1. Послелоги	119
§ 2. Частицы	122
§ 3. Союзы	124
Выводы по главе	125
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	128
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	132
СОКРАЩЕНИЯ	138
ПРИЛОЖЕНИЯ	139
Приложение 1. Таблицы	139
Приложение 2. Тексты	145
Приложение 3. Топонимия бассейна р. Вызь	159

In Memoriam. Владимир Александрович Ляшев (1942—1999)

Владимир Александрович Ляшев — известный финно-угровед, коми лингвист, кандидат филологических наук. Он автор более 80 научных работ, среди которых методические и учебные пособия, разделы в обобщающих трудах, статьи в энциклопедических изданиях, центральных и зарубежных журналах.

Родился Владимир Александрович 7 февраля 1942 г. в д. Кольель с. Визинга Сысольского района. Окончив среднее учебное заведение в 1960 г., он поступил на историко-филологический факультет

Коми государственного педагогического института. По окончании КГПИ в 1964 г. В.А. Ляшев был призван на военную службу. После возвращения из армии он шесть лет преподавал коми и русский языки в школах Сыктывдинского района. Но любовь к родному языку и литературе привела В.А. Ляшева в филологическую науку, где он проявил разносторонние способности и таланты как ученый и педагог. В 1971 г. он поступил в аспирантуру Коми филиала АН СССР по специальности «финно-угорские языки». Тогда же Владимир Александрович познакомился с В.И. Лыткиным, известным финно-угроведом, доктором филологических наук, профессором, который стал его научным руководителем и сыграл огромную роль в становлении молодого ученого. В.А. Ляшев всегда относился с глубокой признательностью и уважением к своему наставнику.

В 1977 г. на заседании специализированного совета по защите диссертаций при Тартуском государственном университете в Эстонии В.А. Ляшев успешно защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук по теме «Фонетико-морфологические особенности вымского диалекта коми языка». Данная работа является наиболее крупной и важной в научном наследии ученого. В ней он осветил особенности фонетики и морфологии вымского диалекта, его связи с соседними диалектами. В основу исследования фонетического строя диалекта были положены экспериментальные данные: методом прямого палатографирования и лингвографирования информантов проверялась система звукового инвентаря, проводился инструментальный анализ звуков в спонтанной речи, уточня-

лись различные ассимилятивные явления в вокализме и консонантизме с целью выявления степени модификации звуков в дистрибуционных отношениях. В диссертации также подробно изложена грамматическая структура вымских говоров. Данное исследование было написано В.А. Ляшевым на основе богатого полевого материала, собранного в ходе многочисленных диалектологических экспедиций.

С 1974 по 1987 гг. В.А. Ляшев работал научным сотрудником в Институте языка, литературы и истории Коми филиала АН СССР. С первых дней своей работы он активно проводил лингвистические исследования. Область научных интересов ученого — диалектология, фонетика, орфография, лексикология, лексикография, методика преподавания. Особенно значительным является вклад В.А. Ляшева в исследование коми диалектов.

В.А. Ляшев одним из первых использовал в исследовании коми диалектов метод лингвистического картографирования. Начало научному направлению было положено в конце 70-х гг. и связано с участием пермских лингвистов в крупном международном проекте «Лингвистический атлас Европы» (ЛАЕ). В задачи ЛАЕ входило предоставление соотносительных черт языков индоевропейской, финно-угорской, кавказской, алтайской, семитской семей в их диалектных разновидностях. Исследователь подготовил и предоставил материалы для ЛАЕ по коми-зырянским диалектам. Результаты проделанной работы изложены В.А. Ляшевым в двухтомном научном отчете, хранящемся в Научном архиве Коми НЦ УрО РАН.

Научные труды В.А. Ляшева в области лингвогеографического исследования коми языка, такие как «Опыт картографирования коми диалектологического материала в европейском атласе» (1979), «Лингвогеографический аспект в пермской лексикологии» (1984), «Межъязыковая лингвогеография и вопросы истории коми языков» (1987), «К вопросу о диалектном районировании коми языков» (1987), «Die Probleme der Komi Sprachgeographie» (1990) и др., являются надежной основой для дальнейших изысканий в области ареального исследования коми диалектов, составления диалектологического атласа коми языка.

В научном наследии В.А. Ляшева немало статей, посвященных вопросам исторической диалектологии коми языка. К таковым относятся «Диалектное членение древнекоми языка» (1980), «Вопросы коми-зырянского лингвоэтногенеза» (1987), «Верхневычегодский диалектный ареал в этногенетическом аспекте» (1985), «Миграционный фактор в развитии средневековых культур Северного Приуралья» (1984, соавторы А.М. Мурыгин, К.С. Королев).

Научную работу В.А. Ляшев успешно совмещал с преподаванием в Сыктывкарском государственном университете на кафедре коми языка и

литературы: читал основные и специальные курсы, руководил курсовыми и дипломными работами. Ученый активно сотрудничал с коллегами из Удмуртии, Венгрии.

В.А. Ляшев — организатор и активный участник ряда крупных научных форумов: XV Всесоюзной конференции финно-угроведов в 1979 г., VI Международного конгресса финно-угроведов в 1985 г. и др.

С конца 80-х прошлого столетия начинается новый этап в научной деятельности В.А. Ляшева. С 1987 г. он — доцент Института усовершенствования учителей, с 1996–97 гг. — заведующий кафедрой коми языка, литературы и культуры, разработчик образовательных программ и спецкурсов по коми языку для детских садов, неполных и средних школ.

Долгое время В.А. Ляшев был членом термино-орфографической комиссии при Министерстве по делам национальностей Республики Коми, вел активную деятельность по внедрению новой коми лексики в язык учебников и методических пособий.

По проблематике исследований В.А. Ляшев опубликовал более 80 научных работ, он — соавтор многих крупных коллективных изданий, таких как «Современный коми язык. Лексикология» (1985), «Словарь антонимов коми языка» (1992), «Школьный этимологический словарь коми языка» (1996), «Коми язык. Энциклопедия» (1998), «Республика Коми. Энциклопедия» в трех томах (1997, 1999), учебник «Коми кыв» для 8–9 классов национальных школ и др.

В последние годы жизни В.А. Ляшев огромное значение придавал преподавательской деятельности, стремился как можно больше сил и знаний дать молодому поколению, передать ему свой опыт. В интересных лекциях и содержательных докладах ученого отражалось абсолютное понимание общих и частных языковых проблем.

13 апреля 1999 года Владимира Александровича Ляшева не стало...

В.А. Ляшев, будучи человеком чрезвычайно скромным, не был отмечен почестями и наградами, но все же он является гордостью Института языка, литературы и истории и Института усовершенствования учителей (ныне «Коми республиканский институт развития образования»). В.А. Ляшев был награжден Почетной грамотой Президиума Верховного Совета Коми АССР, имел звания «Ветеран труда» и «Отличник народного просвещения».

Самоотверженным тружеником науки, замечательным преподавателем, добрым и искренним человеком он останется в благодарной памяти своих коллег, учеников и всех, кто его знал.

Гуляева Н.И.

ВВЕДЕНИЕ

§ 1. История изучения вымских говоров

Вымский диалект впервые¹ упоминается в представленном в 1848 г. в Императорскую Академию наук «Полном Российско-зырянском словаре» Н.П. Попова². Как известно, систематическая работа над составлением словаря началась с 20-х гг. XIX в. по инициативе академика А.М. Шегрена. Авторами этого труда были, прежде всего, носители коми-зырянского языка, Н.П. Попов и Ф. Попов. При составлении полного лексикона коми языка материалы для словаря поступали из разных пунктов Коми края, в том числе из бассейна Выми.

Однако в большинстве последующих лингвистических трудов XIX в. говоры вымичей еще не были отнесены к отдельному, самостоятельному диалекту. Это — грамматические пособия П.И. Савванитова (100), И.А. Куратова (72), Ф.И. Видемана (143), Г.С. Лыткина (14). Как правило, упомянутые исследователи говоры нижней Выми относили к вычегодским, а локальный речевой регион верховьев Выми — к ижемскому диалекту. Это объяснялось близостью вымского диалекта к упомянутым соседним.

В работах Ю. Вихмана и Т. Уотилы (144) мы также не находим описания вымского диалекта. В словаре, правда, встречаем пометы *Vum*.

В качестве самостоятельного, имеющего своеобразную фонетико-морфологическую структуру и богатую лексику, рассматривал данный ареал венгерский лингвист Д. Фокош-Фукс.

Начав изучение говоров в 1913 г., он продолжил работу и в течение нескольких десятилетий работал над словарем, где представлена и вымская лексика (138).

Ценными являются тексты (139, с. 351–396), записанные в годы первой мировой войны от военнопленного. Из фонетических особенностей бассейна выделены: нуль-эловая разновидность говоров, ассимиляция согласных по глухости-звонкости и палатальности (139, с. 351). Ввиду большого объема работ по изучению коми диалектов, широкой языковой территории,

¹ В вышедшей в 1813 году первой грамматике зырянского языка («Зырянская грамматика, изданная от главного правления училища». Сочинения. А. Флеров. СПб 1813.) говоры по Выми еще не были выделены в качестве самостоятельного диалекта.

² Подробнее о словаре, хранящемся в Архиве востоковедов при Ленинградском отделении Института востоковедения АН СССР, см.: Туркин А. Русско-зырянский словарь Н.П. Попова // Советское финно-угроведение. 1976. № 4. С. 293–299.

недостатка времени венгерский ученый не смог охватить говоры детальным исследованием.

Некоторую разработку вымский диалект получил в работах ученых советского периода. Так, описанию его некоторых грамматических особенностей посвящена статья В.И. Лыткина в «Записках Общества изучения Коми края» (80, с. 31–40). Лексика частично нашла отражение в «Диалектологической хрестоматии по пермским языкам» (74).

В 1946–1949 гг. был собран диалектологический материал в верхневымских населенных пунктах (сс. Онежье, Кони, Весляна, Синдор) Т.И. Фроловой (Жилиной). Фактический материал послужил основой для кандидатской диссертации «Именные категории верхневымских говоров северного диалекта коми языка». По замечанию автора, «данная работа является первой попыткой описания особенностей говоров в области именных категорий в сравнении с коми литературным языком» (129, с. 2). Локальная лексика, выявленная Т.И. Фроловой, представлена в «Сравнительном словаре коми-зырянских диалектов», вышедшем в 1961 г. (116).

Широкий круг читателей имел возможность познакомиться с образцами верхневымской речи по сборнику «Образцы коми-зырянской речи» (94).

Однако эти работы еще не отразили полностью всей специфики говоров бассейна р. Вымь, отличающихся своими фонетическими, морфологическими, лексическими особенностями.

Таким образом, до настоящего времени еще не было полного описания системы интересующих нас говоров. Отдельные черты вымского диалекта, отмеченные исследователями, были основаны на территориально ограниченном материале. До настоящего времени не была уточнена естественная граница диалекта. В научной литературе констатировалось: «Вымский говор распространен в бассейне р. Вымь, являющейся северным притоком Вычегды, при этом население нескольких сельсоветов, примыкающих к Усть-Выми, говорит на нижневыхгодском говоре» (74, с. 31).

Современные задачи диалектологии диктуют именно целостное рассмотрение диалекта как развивающейся системы, поэтому исследование данного языкового ареала, как структурно-территориальной единицы, с применением общей идеи системности языка (диалекта) является настоятельной необходимостью в дальнейшей разработке актуальных проблем пермской филологии.

В настоящей работе ставится задача: 1) детального фонетико-морфологического исследования диалекта; 2) определения и характеристики пограничных с нижневыхгодским диалектом вымских говоров.

Работа основывается на материале, собранном автором во время экспедиций в 1971–1975 гг. методом прослушивания информаторов в 25 населен-

ных пунктах Сереговского, Княжпогостского, Шошецкого, Турьинского, Ветчинского и Синдорского сельсоветов Княжпогостского района Коми АССР (38 информаторов записаны на магнитную пленку). При изучении говоров использованы также архивные материалы Т.И. Фроловой по верхневымским говорам (134) и фольклорные тексты литературоведов (17). В основу исследования фонемного¹ состава диалекта и фонетических процессов положены экспериментальные данные; фонемный состав проверялся в лаборатории экспериментальной фонетики Института русского языка АН СССР под руководством профессора С.С. Высотского и сотрудников лаборатории методом прямого палатографирования и лингвографирования информаторов, проводился инструментальный анализ звуков в спонтанной речи на вращающейся магнитной головке (ВМГ), уточнялись различные ассимилятивные явления в вокализме и консонантизме с целью выявления степени модификации звуков в дистрибуционных отношениях. Фиксация степени палатализации *g*, *k* перед *i*, *e* проводилась с помощью рентгенографирования информаторов. К экспериментальному исследованию, проводимому в диалекте впервые, были привлечены следующие дикторы: А.П. Габов, 1928 г. р., А.П. Габов, 1937 г. р., — уроженцы дер. Весляна; В.П. Шылашядов, 1939 г. р. — житель дер. Половники.

В результате синхронического рассмотрения фонетико-морфологической структуры в диалекте выявляются три языковых зоны: переходная, граничащая с нижевычегодскими говорами, средневымская и верхневымская. Сравнительно-сопоставительным анализом грамматической структуры в диалекте можно выделить несколько языковых пластов: 1) его основное ядро, выработавшееся на основе общепермского языка; 2) северо-западные языковые элементы, характерные для Выми, нижней Вычегоды, Удоры, Ижмы и Вишеры; 3) специфический вымский слой.

Теоретические положения исследования могут быть использованы при разработке истории коми языка, а также различных проблем пермской и финно-угорской диалектологии. Детальное изучение диалекта имеет и не меньший практический смысл: 1) обеспечивает возможность прогнозирования и сознательного управления функционированием местных говоров; 2) обуславливает правильный, обоснованный подход к проблеме взаимодействия диалекта с литературным коми языком; 3) предоставляет иллюстративный материал при написании учебных пособий и методических разработок для школ и вузов республики.

¹ Фонема нами понимается как единица реляционно-физическая, как класс аллофонов. При описании фонетики выделяются как основные, так и факультативные варианты фонем.

§ 2. Краткий очерк истории формирования диалекта

Язык, как известно, является выражением единства коллектива. Проблема возникновения и развития вымского диалекта теснейшим образом связана с проблемой истории их носителей, с историей развития конкретно языкового коллектива.

Центральное место в исследовании данной проблемы должно занимать решение вопроса о компонентах (субстратах), принявших участие в формировании «емватаса» (самоназванию жителей бассейна р. Вымь: коми *Емва* «Вымь», *тас* «жители, народ»).

Ранние письменные источники, упоминающие древнюю «Пермь» и «пермян», ничего не сообщают о происхождении их жителей, о племени или этнической группе, легшей в основу коллектива — носителя диалекта. Поэтому возникает необходимость обратиться к таким источникам, как данные археологии, этнографии, антропологии и исторического языкознания, которые позволяют проникнуть в «бесписьменный» период и в общих чертах поставить вопрос о формировании языковых говоров.

О появлении финно-пермского населения в Вычегодском бассейне, по утверждению археологов, можно говорить, начиная с ананьинского времени, или с эпохи поздней бронзы, представленной лебязской культурой (2). «Район Синдорского озера вместе с окружающими территориями (Вычегодский край, Припечорье) попеременно примыкал к трем основным областям: Верхнему Прикамью, Нижнему Приобью и Волго-Окскому бассейну» (3, с. 184).

В I тысячелетии н.э. Вычегодский край входит в ареал ванвиздинской культуры, непосредственно предшествовавшей культуре Перми вычегодской и явившейся одним из ее основных компонентов (30, с. 132–133). К ванвиздинской культуре отнесен I Веслянский могильник, датируемый IV–VIII вв. нашей эры (29, с. 96–97; 30, с. 139). Последующую культуру, представленную на Выми Евдинским, Важкарским, Карувшорским, Княжпогостским городищами и Жигановским поселением (все XII–XIV вв.), а также многочисленными могильниками — Кедвавымским, Ошмосским, Кичилькосьским (все X–XII вв.), вторым Веслянским, Ветьюским, Бдждьбельским, Жигановским, Вадьягским, Кокномьягским, Петкойским, Гидсайгским, Часадорским, Лялинским (все XII–XIV вв.), именуют вымской культурой и связывают с «непосредственными предками коми-зырян» (30, с. 157). Ранний этап вымской культуры (X–XII) — время формирования культуры перми вычегодской, когда в ней еще довольно четко ощутимы разнородные компоненты, участвовавшие в ее сложении (30, с. 45). Эта своеобразная культура слагалась на основе местных ванвиздинских племен при

участии пришлого верхнекамского населения. На могильниках раннего этапа вымской культуры встречаются вещи камского происхождения, точнее родановские (30, с. 64).

В формировании коми населения Вычегодского края немаловажную роль смогли сыграть также прибалтийско-финские племена. Об этом позволяют судить заимствования из вепсского и карельского языков, которых насчитывается до 50 (73, с. 179–189; 81, с. 204–207). В настоящее время список заимствований пополняется (58, с. 84–85; 126, с. 82–84). О тесных контактах с прибалтийским миром свидетельствуют археологические данные раннего этапа вымской культуры. Так, раскопки Кичильковскийского могильника дали чрезвычайно важные материалы о направлении торговых путей коми. Чешские, германские, датские, голландские денарии, а также привозные украшения определенно указывают на превалирование западных торговых и культурных связей по Северной Двине, Сухоне, Вычегде, Выми через земли прибалтийских финнов. Вещи южного, в частности, болгарского происхождения, так же как и саманидские монеты, единичны (27, с. 97). Этнографические материалы также дают основание считать, что в формировании западных коми-зырян участвовали прибалтийско-финские племена, в частности вепсы (1; 26).

Известный антрополог Н.Н. Чебоксаров убедительно доказал, что большая часть современных коми-зырян является представителями европейского беломорского и восточно-прибалтийского типов (33). Новейшие исследования в антропологии подтверждают вышесказанное (16, с. 136–140; 141, с. 211–220).

В фольклорной традиции западных коми «замечено участие финского (прежде всего вепсского) и восточнославянского компонентов» (18).

Вымская культура, по утверждению Э.А. Савельевой, близка также ряду культур Волго-Окского междуречья, оставленных финно-угорским населением, — мерянской, муромской, древнемарийской, древнемордовской (30, с. 174).

Б.А. Серебренников во всей северной, а также средней полосе Европейской части СССР выделяет топонимический слой, представленный речными суффиксами *-ма*, *-га*, *-да*, *-ша*, *-жа*, *-са*, *-за*, *-ла*, *-ра*, *-та*. Названия с данными суффиксами Б.А. Серебренников относит к языку Волго-Окского населения, которое не являлось финно-угорским, но позднее было ассимилировано финно-угорскими народами (105, с. 25).

Учеными выдвигается предположение, согласно которому в древние времена коми-зыряне проживали в непосредственном соседстве с древними марийцами, поэтому не исключено этническое взаимодействие племен (31, с. 176; 49, с. 32–34), результатом которого явилось относительно близ-

кое сходство современной марийской лексики с лексикой пермских народов (42). Таким образом, в состав населения вымского бассейна мог войти и какой-то волжский компонент.

В Вычегодском бассейне, куда входит и Вымь, топонимисты выделяют определенный угорский пласт (127, с. 194–198), о древних связях угров и предков коми-зырян говорит большое количество коми заимствований в мансийском языке (146), поэтому известное воздействие древних угров на насельников Выми возможно.

Указанные компоненты не являются единственными. В формировании коми народа в целом и вымского населения в частности принимал участие археологически пока четко не выявленный самодийский компонент (30, с. 181). Культурно-историческое и языковое воздействие вымичи, как и население других ареалов коми речи, испытывали с севера, где издавна проживали самодийцы (75, с. 85).

Хронологически наиболее поздними являются восточно-славянские языковые и этнокультурные контакты с вымскими коми, влияние которых особенно ощутимо в XII–IV вв. На позднем этапе вымской культуры (XIII–XIV вв.) происходит окончательное оформление её этнических особенностей. Культура становится более однообразной, хотя в ней сохраняются локальные особенности (30, с. 108).

В рассматриваемый период здесь предполагается наличие значительного количества населения, общественный строй и идеология которого характеризовались чертами последней стадии патриархально-родового строя (20, с. 31).

С 60-х гг. XIII в. и позднее **Вымь неизменно входила в список новгородских волостей** (6, № 1-3, 6, 7, 9, 10, 14, 15, 19, 22, 26, 27); управляясь новгородскими мужами, а также сотниками, вербовавшимися из местного населения (11). На жизнь местного населения не могло не оказать большого влияния то обстоятельство, что их территория была расположена на одном из великих речных путей, связывавших северную Европу с северной Азией, известном с глубокой древности. Вымь долгое время была основной артерией, по которой происходили все сношения с северным Зауральем (4).

Природные богатства, удобное государственное расположение, многочисленное население привлекали также взоры крепнущих московских князей. В XV в. Вымь постепенно переходит под влияние Москвы. С началом христианизации (1379 г.) и образованием в Усть-Выми Пермской епархии (1383 г.) коми постепенно присоединяются к Русскому государству (20, с. 45).

Важнейшим письменным источником, освещающим жизнь коми народа и, в особенности, вымичей в эпоху христианизации, является «Житие Св. Стефана епископа Пермского». Этот исторический документ дает нам

следующие сведения о территории пермян: «Река Одина, ей же имя Вымь; си обходящая всю землю Пермскую и вниде в Вычегду. Река же другая именем Вычегды, си обходящая из земли Пермской и шествующая к северной стране, и своим устьем вниде в Двину, ниже града Устюга за 40 поприщ»... (11, с. 9).

Из этого описания следует, что под Пермской землей в это время понимали Вымь и часть Вычегды. При изучении памятников древнепермской письменности XIV–XVI вв. **профессором В.И. Лыткиным установлено** наличие трех диалектов — вымского, вычегодского и сысольского, причем два первых были близки друг к другу, а сысольский диалект заметно от них отличался (76, с. 121).

Многие исследователи склонны считать, что на Выми существовал как духовный, так и административно-культурный центр вычегодских коми (32). В том, что центром Перми являлись вымские земли, убеждает следующая фраза: «Всякому же хотящему шествовать в Пермскую землю, удобезден путь от града от Устюга рекою Вычегдою в верх, доидеже внидет в самую Пермь» (11, с. 9).

Автор «Жития», никогда не бывавший на земле пермян, естественно, не мог дать описания населенных пунктов и количества жителей. Центром епархии являлась Усть-Вымь. Административная власть над погостами принадлежала вымским князьям, резиденция которых была, по преданию, в Княжпогосте (20, с. 51). В XIV в. уже явственно обнаруживаются признаки дальнейшего развития феодальных отношений (20, с. 51). По историческим документам XV в. **прослеживаются три поколения одной династии вымских князей**, власть которых простиралась не только на вымичей, но на всех окрестных вычегодских и сысольских коми (7, с. 261–264).

Вымские князья выполняли и некоторые государственные функции. Очень интересна запись в Вычегодско-Вымской летописи: «Лета 6988 (1480 г.) начал князь Василей Вымской город на Выме на Турею строити, а вымичем не любо тое городок строити пошто нам этот городок и на кого, и посекли вымичи Василья князя насмерть» (7, с. 262).

Впоследствии Турья все же становится самым крупным населенным пунктом бассейна — укрепленным городком, посадом (5, с. 316). По-видимому, она является в XV–XVI вв. **княжеской, затем воеводской резиденцией**, вплоть до того, как торговый путь в Сибирь не переместился на Сысолу (середина XVII в.).

Первые исторические данные о Сереговском усолье датируются 1583–1584 гг. Здешние надель приобретаются купцом Строгановым, заложившим начало соляных разработок (12, с. 119).

После окончательного присоединения территории коми-зырян к Рус-

скому централизованному государству (после 1472 г.) вымские земли входят в состав Яренского уезда. Власть передается великокняжескому наместнику, позднее — воеводам (7, с. 264). Правительство предпринимает проведение переписей населения. Однако данные по вымским погостам (1481 г., 1530 г., 1584–85 гг.) до нас не дошли (15, с. 215).

Процесс христианизации местного населения бассейна сопровождался известным перемещением части жителей на Вишеру (9, с. 84–85), Ижму, Удору (10). Принято считать, что в сложении «изъватаса» (самоназвание ижемцев) большую роль играл вымский компонент (13, с. 148–149). Поэтому в XV в., особенно в XVI в., население вымских погостов значительно убывает. Большие людские резервы требовались для колонизации Сибири и Зауралья, где в основном использовались смелые и выносливые пермяне.

Правительство всячески способствовало в освоении Сибири и предприимчивым торговцам. «Лета 7088 (1580) за службы великие государевы пожаловал князь великий Иван Васильевич пермичем промышленным и торговым людям торговати в Югре и в Монгазее и в сибирских городах безпошлинно 10 лет, и таможенные им не платит инкоoliko» (7, с. 266).

Таким образом, к концу XVI в. **предполагается не рост населения вымских погостов**, а его утечка. Дошедшие до нас данные писцовой книги 1608 г. ярко отражают состояние края начала XVII в. (5, с. 267–354).

В 13 погостах и посаде Турья писцы обложили налогом 286 крестьян в 260 хозяйствах. По сравнению с 1585–86 гг. население убывло. «В 6994 году (1586 г.) было крестьянских 247 дворов, а людей в них 292 человека...» (5, с. 323).

Как правило, погосты состоят из множества деревень (см. Приложение 1, Таблица 1). Церковные приходы имеются в Ляли, Княжпогосте, Онежье, Турье. На месте будущего усолья фигурирует починок, при котором имеется одна варница. Через 90 лет здесь действует уже 17 варниц, производящих в год 30000 пудов соли, а в конце XVIII в. на разработках занято 500 человек (20, с. 122).

Хозяева Усолья всячески стремились расширять свои владения на Выми. Так, недалеко от Княжпогоста упоминается починок, где живет полонник сереговского заводовладельца. Позднее бывший починок переходит в категорию самостоятельной деревни, получив название Половники.

По писцовой книге 1688 г. по всем вымским погостам значится 163 заброшенных хозяйства. Пустошей насчитывается до двадцати. Причины запустения: «умер — 59, убили в Югре — 31, убили в Монгазее, Березове, Тобольске — 9, обнищал и ходит по дворам — 18, сбежал в Югру — 7, взят на Берізов в казаки — 2». Как видно, большинство хозяйств заброшено по причине смерти кормильца. Вычегодско-Вымская летопись, например,

сообщает: «Лета 7110 (1602) много людей государевых померло, потому в Руссии голод великий был два лета. Пермьяки многие в голод тот разбрелись вятским и сибирским городам, а иные померли с неядения» (7, с. 268). Именно в эти годы было большее количество умерших и разорившихся. Убитые помечены 1590—1604 гг, т.е. периодом самых многочисленных и трудных доходов в Зауралье.

Одной из главных причин разорения являлось непосильное обложение налогами. «А по государевой жаловальной грамоте велено Вычегоцкие и Вымские земли крестьян оброк за соболь и за белку и за годовое и за засечное и за емчужное дело и за рыбную ловлю и за бобровые гоны и за всякие угоды платить» (5, с. 322).

Кроме того, вымские крестьяне несли все тяготы по обслуживанию торгового пути. Все это непосильным бременем ложилось на плечи беднейшего слоя населения (по писцовой книге 1603 «молотчие» (бедняки) составляли 230 дворов против 10 «лутчих»). Поэтому в поисках лучшей доли крестьяне бежали в Зауралье. В XVI—XVIII вв. **остяки называли дорогу между Ляпином и Березовом «зырян юш», т.е. зырянская дорога** (10, с. 270).

Показательна царская грамота 1610 г., направленная Сургутскому воеводе: «...Бил нам челом Сургуцкого уезда мурза Нырнохта Едунов подгородных волостей Яганской Большой и Меньшей и Салымской и Полянкой и Солиарьской ясашных людей, а сказали. Да с ним же де приезжают из Сургута на русских городов зыряне и вымичи и по их вотчинам по угодным местам, по лесам и по речкам зверуют, бьют соболи и бобры и лисиц и зверь выбили и им в том нужда великая: в ясан соболей добыти негде» (5, с. 371).

Запустение погостов продолжается и в последующие десятилетия XVII в. С 30-х гг. XVII в. **Вымский край был разделен по административному признаку на три трети: Турецкую (Турьинскую), Княжпогостскую и Ляльскую.** Это административное деление на «трети» существовало до конца XVIII столетия.

Бедственное положение крестьян Ляльской трети, например, видно из челобитной 1631 г., направленной крестьянами царю: «Обнищали, обдолжали велики долги и многие с Выми Ляльской трети крестьяне розно разбрелись в Сибирские города» (13, 198).

Большая часть населения Выми выбывает в годы катастрофических неурожаяев, от которых население края долго не могло оправиться. «Канун Ильина дня (19 июля) во всем Пермском уезде снега выпали великие, и хлеб позяб без остатку. И от того хлебного непомерного голоду во 7153 году (1645) многие посадские и уездные крестьяне разбежались в иные города в хлебородные места, и многие погосты и деревни запустели» (7, с. 148).

При переписи 1646 г. (21, с. 238–275) писцы отметили 97 заброшенных

хозяйств. Из оставшихся по всей Выми 169 дворов 119 отмечены бобыльскими, т.е. неспособными нести тягловую повинность. Наиболее крупные погосты (Княжпогост, Онежье, Турья, Весляна) недосчитались половины и даже больше жителей. В разряд деревни переходят бывшие погосты Кошки, Отла, Шошка, Вейкони, зато прибавилось половницких хозяйств, зависящих от сереговского заводовладельца. В устье Кылтовы появляется деревня Половники.

К концу XVII в. вымские погосты представляют еще более жалкую картину. Переписная книга 1673 г. (22, с. 280–385) насчитывает до 100 пустых дворов, 38 из которых заброшены из-за смерти кормильца, 21 налогоплательщик ушел в другой район. К концу XVII в. произошли большие изменения в хозяйственно-политической жизни коми. Во-первых, торговый путь окончательно переместился с Выми на Сысолу, во-вторых, наступили благоприятные условия для заселения верхней Вычегды. Поэтому среди мигрировавших вымичей значительное количество направилось на Сысолу и верхнюю Вычегду. В Помоздино поселились Мингалевы и Мартюшевы, в Усть-Неме и Мыелдине — Бабины, Опарины и Габовы, Керчемье — Гичевы, Катаевы, Тимушевы (8, с. 54). Вымские Подоровы, Каракчиевы через Вишеру обосновались также на Вычегде. На верхней Печоре укоренились Мартюшевы.

Начало XVIII в. в жизни вымичей ознаменовалось важнейшими событиями. По царскому указу 1700 г. вымские погосты были приписаны к Сереговскому Усолю, купцы Панкратьевы стали полновластными хозяевами жителей Выми (10, с. 123). Соляные разработки требовали большого количества местного топлива, а также рабочей силы. Правительство стремилось закрепить бедняков и предотвратить массовую убыль населения. Но переписная книга 1710 г. (23, с. 256–290), а также данные первой ревизии 1719–1720 гг. (24, с. 154–173) позволяют судить о непрекратившейся еще миграции насельников, как верховьев, так и низовьев Выми. В Турье, по спискам ревизии, отсутствуют Суворовы и Мингалевы. Все Жилины покинули бывший погост Вейкони, в деревне осталось несколько половников. В Весляне на шесть дворов приходится четыре бобыльских. В Ляли уже не фигурируют Поздеевы, Ивашины, Мякишovy, их можно найти на Вычегде. Правительству, прилагавшему большие усилия для «оседлания» крестьян, еще не удалось остановить утечку дешевой рабочей силы.

Большую роль в закреплении жителей Выми сыграл правительственный указ 1724 г., который затруднил перемещение крестьян даже внутри уезда (13, с. 212–213). Поэтому последующие десятилетия характеризуются естественным ростом населения всех «третей».

Цифры второй ревизии 1747 г. (25, с. 413–508) в сравнении с данными

переписи начала века (1710 г.), отражающие количество хозяйств и мужское население деревень и погостов, показывают этот прирост. Так, если в Ляльской трети 1710 г. в 80 хозяйствах проживало 153 человека мужского пола, то в 1747 г. эти цифры возросли до 166 и 456. Княжпогостская треть выросла с 61 двора при 100 человек до 201 двора, где в 1747 проживало 580 человек мужского пола. В Турецкой трети в начале века в 78 хозяйствах был записан 131 человек, вторая ревизия отметила 229 хозяйств и 577 человек мужского пола. Как видим, за короткий промежуток времени население увеличилось в несколько раз. Аналогичное явление наблюдается в бассейнах Вычегды, Сысолы, на Удоре (13, с. 209–210).

Цифры генерального межевания 1780 г. превышают приведенные данные 1747 г. В Ляльской трети (вместе с Сереговом) переписано свыше 700 человек мужского пола, в Княжпогостской и Турьинской соответственно 607 и 672 крестьянина. Генеральное межевание окончательно закрепило насельников края к Усолюю.

К середине XVIII столетия стабилизировался и **фамильный состав** жителей края. При сопоставлении фамилий по данным II ревизии (1747 г.) с нынешними выделяется однородность его состава. Нынешние вымские селения в основном сохранили этот же состав. Таким образом, несмотря на обрисованные выше социально-экономические и демографические процессы, характерные для завершающего оформления одной из групп коми-зырянского населения на Выми, основной состав носителей диалекта в рассматриваемый письменный период сохранялся.

Формирование диалекта проходило на широком историческом фоне развития народов Европейского Севера, поэтому этот процесс характеризуется исключительной сложностью. За годы Советской власти и, особенно, в послевоенный период произошли большие изменения в сторону значительного роста народонаселения как путем естественного прироста, так и увеличения его за счет вновь приезжающих, что привело, конечно, к существенным изменениям в этническом составе жителей бассейна.¹

¹ По переписи 1970 года в Княжпогостском районе население составило свыше 37 тысяч человек, из них сельское — 16 тысяч.

ГЛАВА I. ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВЫМСКОГО ДИАЛЕКТА

Раздел 1. Вокализм

В задачу фонетиста любого языка входит, по определению Л.В. Щербы, помимо выяснения фонетического состава данного языка, также и полное описание самостоятельных фонем в соответствии с имеющимися средствами, регистрация всех оттенков фонем, объяснение условий и причин возникновения этих оттенков (133, с. 122). Причем при описании фонемы за основу следует брать тот ее вариант, который находится «в наименьшей зависимости от окружающих условий» (133, с. 119). В соответствии с этими положениями наше описание фонем вымского диалекта состоит из следующих компонентов:

- 1) указание основных артикуляционных признаков;
- 2) характеристика особенностей дистрибуции фонемы в структуре слова;
- 3) выявление, по мере возможности, ее позиционных вариантов.

Современный вымский вокализм отличается от вокализма присыктывкарского диалекта, легшего в основу коми литературного языка, наличием дополнительных фонем. Как известно, в присыктывкарском диалекте и литературном языке 7 гласных и 26 согласных (115; с. 41). В вымских говорах при определенных фонетических условиях функционируют также долгие гласные \bar{e} , \bar{i} , \bar{e} , \bar{u} , \bar{o} (см. § 8).

Дадим характеристики гласным фонемам диалекта.

§ 1. Фонема *i*

Основным позиционным вариантом ее является передний гласный, верхнего подъема, нелабиализованный.

Фонематичность *i* очевидна в следующих словесных парах: *kis'* «бердо» — *kos'* «борьба», *kič* «звук подражание стрекоту сорок» — *kuč* «серая сова», *rizjōnj* «носиться, бегать» — *rozjōnj* «цвести (о ягодах)», *vir* «кровь» — *ver* «самец».

Дистрибуцию фонемы *i* внутри слова можно выразить следующими формулами (| — линия слогораздела):

- 1) VC: *iz* «камень», *id* «ячмень», *in'* «самка», *in* «место»;
- 2) VC | -: *izas'nj* «фругаться», *iz'a din* «стерня, жнивье», *itnj* «связать, объединить»;

- 3) CVC: *viž* «желтый», *s'ir* «щука», *s'is'* «свеча»;
- 4) CVV, CV|V-: *bia* «светлый, освещенный», *biō* «зажги (свет)», *s'iō* «насторожи (ловушку)», *pijd* «твой сын» (кош. полов.);
- 5) -|CV| -: *tujis* «туес, туесок», *n'istjnj* «чесать», *n'ilēm* «пот», *čapič'č'js'* «чванливый» (кош. полов.);
- 6) CV: *l'i* «сосновая мезга, сосновый сок», *ti* «вы»;
- 7) - | CV: *zarn'i* «золото», *mjs'ti* «через какое-нибудь время», *vjiti* «по поверхности».

Совокупность языкового материала, приведенного в настоящей дистрибуционной системе, составляют минимальные высказывания (слова), нормальные по темпу речи и выступающие в своей основной форме.

Встречаемость фонемы в непервых слогах в различных говорах диалекта неодинакова. В суффиксальных слогах после мягких согласных и переднерядных гласных *i* утвердилась в кощечком говоре, контактирующем, как известно, с нижневыхгодской речевой зоной. Изоглосса данного явления частично распространяется также на половницкий говор. На средней и верхней Выми употребляется *j*, что сближает описываемый диалект с сысольскими говорами:

кош. (полов.)	ВЫМ.	СЫС.
<i>von'is</i> «пояс(его)»	<i>von'js</i>	<i>včn'js</i>
<i>tal'išnj</i> «наступить (ногой)»	<i>tal'išnj</i>	<i>tal'išnj</i>
<i>Kol'eis</i> «Коля-то»	<i>Kol'ejs</i>	<i>Kol'ejs</i>
<i>jiin</i> «во льду»	<i>jiin</i>	<i>jiin</i>

Редкие примеры типа *n'ilēm* «пот», с фонемой *i* в корневой морфеме (скр. сс. *n'jļem* «запотеть») являются, по-видимому, реликтовым явлением.

Между говорами отдельных населенных пунктов бассейна имеется чередование *i ~ j*:

княж., рак.	онеж., тур., кони
<i>grjmgjnj</i> «грохотать»	<i>grimgjinj</i>
<i>zjmgjnj</i> «громко стучать»	<i>zimgjinj</i>
<i>vežjn'</i> «кривизна, кривой»	<i>vežin'</i>
<i>kusjn'tnj</i> «согнуть»	<i>kusin'tnj</i>
<i>kjmnj'</i> «ничком»	<i>kjmin'</i>
<i>objs</i> «обыск»	<i>obis</i>

<i>švir̥kjɛdl̥jɪ̃</i> «прясть, производя веретеном жужжание»	<i>švir̥kjɛdl̥jɪ̃</i>
<i>šjvin'</i> «жерди поперек плота»	<i>šjvin'</i>
<i>šjbit̥, šjbit</i> «брось»	<i>šjbit</i>

В вымском диалекте в отрицательных глаголах прошедшего времени фонема *i* употребляется на месте *e* присыктывкарских говоров: *ig* «я не», *in* «ты не», *iz* «он не» (сделал).

В диалекте нет фонемы \bar{i} , поэтому долгота или краткость *i* в говорах не является релевантным признаком соответствующих фонем. Например, под ударением гласный *i* может произноситься довольно длительно, но его нельзя считать самостоятельной долгой фонемой. Такую аналогию мы видим в Присыктывкарье, чьи говоры легли в основу литературного коми языка.

§ 2. Фонема *e*

Это гласный среднего подъема, переднего ряда, нелабиализованный. Фонему легко можно выделить в следующих квазиомонимах: *kerkajase* «наши дома» — *korkejase* «иногда», *pera* «ледяные глыбы» — *pjra* «зайду», *rez* «кропи» — *rjz* «соцветие», *šer* «град» — *šor* «ручей».

Фонема *e* занимает в слове три релевантные позиции: начало, середины и исход слова:

- 1) VC: *ež* «покров», *ej* «эй, гей (междометие)», *ed* «ведь»;
- 2) VC | -: *el'va'č'č'jɪ̃* «дразниться», *embur* «добро», *ergjɪ̃* «рычать»;
- 3) CVC: *geč'* «игра в пятнашки», *šel'* «молодой, игривый»;
- 4) CVC-: *repas* «ямки в снегу (тетеревидные)», *reped* «крыша сарая»;
- | CV | -: *l'imen'evaj* «алюминевый»; *belej, belɛj* «белый»;
- 5) CVV, CVV-: *tead* «твой», *t'ied* «по руке» (кош. полов.), *meis'* «меня, от меня» (кош. полов.);
- 6) - | CV, CV: *me* «я», *kjč'e* «куда», *uz'e* «спит» (кош. полов.).

Говоры сохранили немало интересных примеров, содержащих фонему *e* на месте *ɛ* присыктывкарско-сысольских диалектов. Приведем примеры с *e* в первом слоге:

ВЫМ.	скр.	сс.
<i>bɛlen'</i> «заболонь»	<i>bɛlen'</i>	
<i>dal'eg</i> «закалистый»	<i>dal'eg</i>	
<i>izermjɪ̃</i> «истощиться (о поле)»		<i>izɛrmjɪ̃</i>
<i>izermɛdnj</i> «запустить»		<i>izɛrmɛdnj</i>

<i>ješče</i> «еще»		<i>ješšę</i>
<i>kores'</i> «веник»	<i>koręs'</i>	
<i>meč'č'en</i> «самый, наи-»	<i>meds'čm</i>	
<i>pel'es</i> «угол»		<i>pel'ęs</i>
<i>grameta</i> «грамота»	<i>gramęta</i>	<i>gramęta</i>

Говоры вымского диалекта в отношении употребления *e* – *ę*, *i* – *j* в первом слове не представляют единства: в кошецком и реже половницком говорах после палатальных согласных или узких (переднерядных) гласных, как и в нижневычегодском варианте, выступают *e* и *i*. В остальных случаях произносится *ę* и *j*. Средне- и верхневымские говоры характеризуются *ę* – *j*-овой огласовкой.

Как известно по письменным памятникам XVIII в., диалекты коми языка в XVII–XVIII вв. представляли еще однородное явление, *e* – *ę* и *i* – *j* фонематически в первом слове не различались (69, с. 213–240). «Процесс перехода *e* в *ę* и *i* в *j* шел на протяжении конца XVIII и XIX вв.» (40, с. 61).

В указанных нижневымских говорах переход не завершился до сих пор. Как остаточное явление, сохранилось оно и в верховьях Выми, sporadически появляясь в соседстве с палатальными согласными в первом слове: *kores'* «веник», *pel'es* (скр. *koręs'*, *pel'ęs*).

Есть несколько примеров с *e* в корневой морфеме: *ed* «усилительная частица» — скр. *ęd*; *n'emtjnj* «задержаться» — скр. *n'ęmdjnj*; *rež* «игла для вязания сетей» — скр. *rež*; *t'es* «тёс» — скр. *t'ęs*.

В кошецком и частично в половницком говорах в первом слове после палатальных согласных и переднерядных гласных *e* употребляется значительно шире, чем на средней и верхней Выми. На средней и верхней Выми, как и в сыольских говорах, в этой оппозиции выступает *ę*: *sabriež'* «до стога», *uz'ę* «спит».

Для всех вымских говоров, включая переходный, характерно произношение *e* в русских заимствованиях, прилагательных и существительных, на *-ый*, *-ий*, *-ой*.

Как отмечено в диссертации Т.И. Фроловой, в верхневымских говорах в словах указанной категории последовательно употребляется *e*: *mannej*, *n'ernej* (130, с. 45–46).

По нашим наблюдениям, в настоящее время после палатальных согласных по всему бассейну выступает *e*. В эту категорию попадают ранние и поздние заимствования: *pevč'ejjas* «певчие», *sred'n'ej* «средний», *s'in'ej* тоге «синее море», *gon'č'ej pon* «гончая собака». Но в соседстве с твердыми согласными носители диалекта используют *e* и *ę*. Примеры с гласным *ę*

встречаются повсеместно, причем это характерно для людей молодого и среднего поколения. Как правило, *ɛ* произносятся они и в древнейших заимствованиях: *vrɛnɛj* «вороной», *zɛlɛnɛj* «золотой», *kol'č'užnɛj* «кольчужный», *prikodskɛj škola* «приходская школа». Старшее поколение ориентируется на *-e*: *gazɛvej* «газовый», *ruč'neɛj* «ручной», *splošneɛj* «сплошной», *krasneɛjas* «красноармейцы».

§ 3. Фонема *j*

Фонема *j* представляет собой среднерядный гласный верхнего подъема, нелабиализованный¹.

В самостоятельности фонемы можно убедиться при сопоставлении словесных пар: *jitkɛrɛ* «объем-то, узел-то» — *jit kersɛ* «соедини бревно-то»; *kjɛkɛd* «тяги в печи» — *koskɛd* «за пояс», *pjɛ* «игольное ушко» — *pas* «знак, отметина».

Дистрибуция фонемы выражается:

- 1) VC : *jɔ* «возвышенное место», *jʒ* «овца»;
- 2) VC | - : *jʒɪd aj* «дед», *jka* «хвастун», *jlla* «улица»;
- 3) CVC : *bjg* «пена», *zjk* «шум, спор»;
- 4) CV|C-, CVV, CV|V : *galɛ* «рябит, волнуется»; *tjjs* «озеро-то», *rujn* «в тумане»;
- 5) CV : *rj* «полынья», *sj dorɛ* «к нему»;
- 6) -CV- : *vič'č'j* «жди», *č'usj* «серьги», *askj* «завтра», *laps'inj* «присмиреть», *laps'inj* (кош. полов.).

В переходной зоне в суффиксальных слогах на место *j* вымского и сысольских диалектов употребляет *i*: *ɛvs'i* «успокойся», вым. *ɛs'j*.

Характерной особенностью в диалекте является употребление *j* в первом слоге дестимологизированных слов после твердых согласных в конце слов: *aržj* «холщевый сарафан», *vezvj* «длинный кровавый след на теле», *jikj* «ость», *jodj* «лещ», *jɛzvj* «сустав», *šabdj* «конопля», *šobdj* «пшеница». Во всех коми диалектах здесь на месте вымского *j* корреспондирует *i*. Исторический вокализм отмечает, что *i* и *j* в подобных словах появились «из единого *i* в определенных фонетических условиях» (78, с. 230).

Диалект располагает также небольшим количеством примеров, содержащих фонему *j* в корневой морфеме на месте *i* других диалектов: *kjz'* «пуговица», *kjn'* «искра», *ljč'jd* «просторно», *jslas'nj* «кататься».

¹ Вымские среднерядные *j* и *ɛ* тем самым отличаются от соседних вишерских лабиализованных фонем (134, с. 253).

Гласный *j* выступает в непродуктивных суффиксах: *purtjkaš'ni* «барахтаться», *partijǫjǫni* «ссучивать пряжу», *pjǫjktjǫni* «крошить», *torpjǫjk* «крошки». Деепричастие с твердой основой на *-ig, -igǫni* приобретают форму на *-jg, -jgǫni*: *kaljgǫni* «когда поднимался», *mojdjgǫni* «рассказывая сказку», *oljgad* «живя»;¹ *-jg* произносится также после палатальных согласных: *uz'jgǫni* «когда спал».

Диалектное *-j* утвердилось на месте других гласных соседних диалектов: *vizj* «течение» (ср. *vizul*), *mjž'ni* «устать» (скр. ср. *muž'ni*), *pondj, pondjs'* «за, из-за, ради» (скр. *ponda*), *rjz* «соцветие» (скр. *roz*).

§ 4. Фонема *ɛ*

Основным позиционным вариантом фонемы является гласный среднего ряда, среднего подъема, нелабиализованный.

Фонематичность гласного легко проверить: *vɛz'* «связь (вид утки)» — *viz'* «линия», *vɛk* «чувство отвращения» — *vok* «брат», *jɛg* «свет», — *jag* «бор», *ɕɛgɛt* «жирный» — *ɕjgɛt* «тесно».

Фонема встречается как в начале слова, так в середине и конце слова:

- 1) VC : *ɕ* «бык», *ɕt* «разве»;
- 2) VC | - : *ɕbɕs* «дверь», *ɕzagaj* «неуклюжий», *ɕkmɕdnj* «собирать»;
- 3) CVC : *rɕt* «цвет, краска», *pɕk* «икра»;
- 4) - CVV, CVV : *tamɕjs'* «от матери», *Vas'ɕan* «Вася и другие», *bažɕɕs* «голубчика»;
- 5) CV : *pɕ* «де», *kɕ* «если»;
- 6) - | CCV, -V | CV : *as'sɕ* «себя», *t'at'ɕ* «мой отец», *uskɕt't'ɕ* «ускотье, падеж скота»;
- 7) - VV : *gažɕɕ* «весело», *n'ašɕɕ* «с илистыми отложениями».

Диалектной спецификой, представляющей собой остаток более раннего состояния (73, с. 44), является частое употребление фонемы *ɛ* вместо *a* других диалектов в наречных словах: *vožɕɕ* «развесистый», *mij ɕdjaɕ* «так быстро», *mijaɕ* «нежно», *poraɕ* «жалобно», *ta škɕraɕ* «так сердито».

§ 5. Фонема *u*

Фонема представляет собой лабиализованный гласный, заднерядный, верхнего подъема.

¹ В памятниках древнепермской письменности деепричастия зафиксированы с формативом *-ыг, -ыгǫni* (реже *-иг, -игǫni*). См. Лыткин В.И. Древнепермский язык.— М., 1952.— С. 114.

Смыслоразличительная функция фонемы выступает в следующих словесных парах: *bur* «добрый, хороший, хорошо» — *ber* «много», *vuž dod'* — *važ dod'* «старые сани», *čip* «заруби» — *čar* «хватка», *čič* «съедобные внутренности крупных рыб» — *čěč* «одновременно».

Приведем встречающиеся формулы дистрибуции:

- 1) VC: *un* «тетя, самая старшая сестра матери», *ur* «белка»;
- 2) VC | -: *uręs* «паршивый», *utjōnj* «сделать подкладку»;
- 3) CVC: *vuž* «корень», *tun* «знахарь», *šun* «сыроватый»;
- 4) CV | -, CV | V-: *murōnj* «глухо урчать», *čičkuas'nj* «забеременеть», *rua* «туманный»;
- 5) CV: *ku* «кожа», *tu* «земля», *s'u* «рожь»;
- 6) -CV: *gul'u* «голубь», *pežku* «пыжик».

Фонема *u* в коми языке в первом слове встречается в ограниченном количестве. В процентах к общему количеству звуков контекста *u* в первом слове составляют 0,1 (78, с. 235). Вымские говоры характеризуются еще меньшей встречаемостью, чем в Присыктыварье, фонемы *u* в указанной позиции.

В нашем распоряжении имеются примеры, где *u* является фонемой-субститутом для переднерядных гласных в корневых слогах:

вым.	скр.
<i>vukjōnj</i> «резвиться»	<i>vizkjēdljnj</i>
<i>vužin'-vežin'</i> «криво-косо»	<i>vezjn'</i>
<i>ęsun</i> «окно»	<i>ęšin'</i>
<i>č'ukrēdlę</i> «щурит (глаза)»	<i>č'ikrēdlę</i>

Вымское *u* замещает средне- и заднерядные других диалектов:

вым.	скр., сс.
<i>buks'as'ęma</i> «заплесневело»	<i>bakšas'ęma</i>
<i>bugl'ędljnj</i> «катать»	<i>bjęl'ędljnj</i>
<i>vukjēdljnj</i> «тошнить»	<i>zjvęk</i>
<i>zurjōnj</i> «ходить натыкаясь»	<i>zarjavnj, zarjalnj</i>
<i>kuž', kuž'i, kuž'ik</i> «как»	<i>kjž'i</i>
<i>ruz'</i> «дыра»	<i>roz'</i>
<i>struk</i> «удобный случай»	<i>stręka</i>
<i>sus's'js'nj</i> «отпираться»	<i>sos's'inj</i>
<i>šujmjnj</i> «родиться мертвым»	<i>šojmjnj</i>

В случаях, когда мы имеем междиалектное чередование *u* – *o* (*ruz'*, *sus's'js'nj*, *šujmijnj*), проявляется рефлекс заднерядного закрытого *ô*, функционировавшего в древнем вымском диалекте (78; 61; 64; 68).

§ 6. Фонема *o*

Гласный среднего подъема, заднего ряда, лабиализованный. Фонематичность гласного обнаруживается в словесных парах: *koma* «с недостатком» — *kəta* «обутый», *kobnj* «перестать дождю» — *kjbnj* «лучить рыбу», *lojljnj* «стирать» — *ljljjnj* «стрелять», *pož* «решето» — *puž* «иней».

Фонема употребляется во всех положениях в слове: инициале, ядре и финале. Приведем схемы дистрибуции:

1) VC: *og*, *on*, *oz* «я, ты, он не...», *ol'* «сырое кочковатое место», *ot* «ширина»;

2) VC | -: *ojim* «разлив воды», *oktjnas'nj* «ловить рыбу неводом», *ordjm* «просека»;

3) CVC: *voj* «ночь», *soj* «предплечье», *šom* «закваска, кислота»;

4) VV, CV|V-: *loa*, *loan*, *loas* «я буду, ты будешь, он будет», *tjok* «небольшое озеро»;

5) CV: *vo* «год», *so* «вот», *no* «ну, ладно».

Меньшее распространение получила фонема *o* в суффиксальных словах (78, с. 285). В вымском диалекте, как уже отмечалось Т.И. Фроловой, многие абстрагирующие суффиксы на *-o* (*tor*, *šoj*) отсутствуют (128, с. 60), чем несколько снижается процент встречаемости описываемой фонемы в непервых слогах. Но интересен факт наличия редкого для коми говоров суффикса *-ок*. В диссертации Т.И. Фроловой приводится пример *tjok* «небольшое озеро». К нему можно добавить: *včr diok* «лесной островок». Данный суффикс, по-видимому, закрепился в диалекте под влиянием русских говоров. Он получил широкое распространение в коми-пермяцких диалектах, что также объясняется влиянием русской речи (68, с. 208; 38, с. 18).

Фонема *o* в ряде примеров корреспондирует на месте среднерядных гласных:

ВЫМ.	скр., сс.
<i>gogijl'</i> «круг»	<i>gəgijl'</i>
<i>gogl'čdljnj</i> «катать»	<i>gəgəl'čdljnj</i>
<i>volōnj</i> «скоблить»	<i>vəlavnj</i> , <i>vəlalnj</i>
<i>vojmis</i> «истопилось»	<i>vajmis</i>
<i>von'</i> «пояс»	<i>vən'</i>

<i>voč'nj</i> «делать»	<i>včč'nj</i>
<i>voč'ėdnj</i> «заставить делать»	<i>včč'ėdnj</i>
<i>z'otkĭnj</i> «стукнуть»	<i>z'atkĭnj</i>
<i>mėdor, namėdor</i> «другая сторона»	<i>mėdar</i>
<i>okmĭs</i> «девять»	<i>čkmĭs</i>
<i>omĭž'</i> «малина»	<i>čmĭž'</i>
<i>ėtor</i> «одна сторона»	<i>čtor</i>

§ 7. Фонема а

Гласный нижнего подъема, среднего ряда, нелабиализованный.

Сопоставляя следующие слова, мы убеждаемся в смысловозначительной роли фонемы: *az'las* «острога» — *uz'las* «будет спать», *gažjōnj* «гулять» — *gožjōnj* «загорать», *važ* «старый» — *vež* «зеленый», *bažč* «голубчик» — *bčžč* «на хвост».

Употребление фонемы в слове можно изобразить в формулах:

- 1) VC: *az'* «закваска», *ar* «осень»;
- 2) VC -: *abač'a kojđ* «толстый», *al'kęs* «отлогий», *aspom* «собственный»;
- 3) CC: *kat* «плыви вверх по воде», *čak* «гриб», *sar* «царь»;
- 4) CVV: *męs'tras'nj* «перетаскиваться через волок», *kamas'ę* «лезет, придирается», *njdaęs's'is* «загрязнилась», *goraę* «громко», *vaas'nj* «пить»;
- 5) CCV: *akka* «крестная», *lasta* «равнина»;
- 6) CV: *ka* «поднимись», *ma* «мед», *sa* «сажа».

§ 8. Долгие связанные фонемы

Вымский диалект, как известно¹, относится к нуль-эловой разновидности коми языка. Противопоставление обычных гласных фонем «связанным»², возникшим в результате вокализации *l* и выполняющим фонологическую функцию, образует в диалекте систему двух степеней долготы.

Качественная определенность фонем *ē, ĭ, ę, ū, ǫ* обусловлена теми же органами речи, что и для обычных (*e, ĭ, ę, u, o*), но для различения долгих гласных решающее значение приобрел семантический критерий: способность дифференцировать слова и их формы. Две степени долготы вымских

¹ Специфика нуль-эловых говоров нашла отражение во многих работах (60; 82; 95; 118; 128; 136).

² Термин «связанные фонемы» принадлежит Лыткину В.И. (82, с. 259–261)

гласных выполняют фонематическую функцию различения слов и словоформ и тем самым являются самостоятельными фонемами, а не оттенками или аллофонами одной и той же фонемы.

Противоположное допущение привело бы к неясности в фонематической системе и к неразличению таких звуковых комплексов, как, например: *gurjĭ* «перерой» — *gurjĭ̄* «настежь»; *dod'd'assε* «сани-то» — *dod'd'as sĕ̄* «садись в сани»; *dorjĭ* «защити» — *dorjĭ̄* «полный до краев»; *ki pε* «рука, мол» — *ki pĕ̄* «одна рука»; *kjs's'j* «ползи» — *kjs's'j̄* «вовсю, бурно»; *kjĕm* «несвязанный» — *kjĭĕm* «молчаливый, безъязычный»; *lo* «будь» — *lō* «душа, дух»; *logen* «логом, ложбиной» — *lōgen* «волоски, ворсинки на теле»; *poz'as* «можно будет» — *pōz'as* «испугается»; *potem* «с трещиной» — *pōtem* «смелый»; *puĕ pε* «засучи» — *puĕpĕ̄* «прядь»; *putem* «некипяченный» — *pūtem* «без брусники»; *s'u* «рожь» — *s'ū* «кострика (льна, конопля)»; *s'us'a* «зерно» — *s'ū s'ā* «врасыпную»; *tujas'nj* «выслеживать» — *tūjas'nj* «забывать, заколачивать».

На современном этапе носители диалекта широко пользуются фонемами *ī, ē, ū, ō*; кроме того, имеется несколько слов с долгим *ā*: *pān'ic'ĕ'inj* «накинуть платок», *mātas* «смазка» и др. Что касается переднерядных долгих, то они имеются в синдорском говоре, представляющем изолированный языковой островок между вымскими и вишерскими говорами. В других вымских говорах спорадически встречается *ē*, примеров же с *ī* не найдено. Но былое существование долгих переднерядных в вымском диалекте допустимо. Этот признак, по-видимому, перенесен на Вишеру и Ижму вымичами.

Долгие вымские гласные не ограничены местом в составе слова, могут занимать инициальное положение, середину слова, абсолютный исход. Примеры на инициальное положение: *īdjĭnj* «задержаться, замешаться», *īgjĭštĭnj* «негромко замычать», *ĕjĭštis* «смахнул», *ĕs'ĭnj* «успокоиться», *ūtas* «низина», *ūjōnj* «полоть коноплю», *ōĕm* «нежилой», *ōgjĭs'nj* «хлынуть, нахлынуть», *āgjĭnj* «реветь, вопить».

Долгие гласные в середине слова: *vizĭĕ* «течет», *vetlĭla* «хожу (иногда)», *s'ĕmĕs* «сердцевина», *na pĕs'ĭn* «среди них», *dāgε* «звонит (колокол)», *kūkōtuni* «грохнуло», *kōĕm* «ненужное», *pĭrōĕ* «захаживает», *pān'ic'ĕ'is* «накинула на себя платок», *zĕtjĭš* «натяни немножко» (синд.), *Vĕrom* — «название деревни» (княж.).

Долгие гласные в финале: *mojdankĭ̄* «сказка», *rjĭt'avĭ̄* «под вечер», *n'edĕj vĕ̄* «гнедая лошадь», *rapō* «крупа», *jumō* «сладкий», *tū* «фунт», *kotkož'ū* «муравей», *pĕ̄* «большой палец» (синд.), *zō* «очень» (синд.).

§ 9. Инструментальный анализ долгих фонем

Для определения долготы гласных в лаборатории экспериментальной фонетики Института русского языка АН СССР были проведены исследования. На сегментаторе изменялись краткие и долгие гласные примерно в одинаковых фонетических условиях. Диктором являлся В.П. Шылашыдов из д. Половники Княжпогостского района.

Произнесение им фразы с обычной фонемой:

1) *Taja putem va* «Это некипяченая вода»; 2) *Peskjs potem* «Полено расколото»; 3) *Veli tjetem* «Я был там»; 4) *Votessca ž'ž'i* «Ягоды-то я нашел».

Фразы со связанной фонемой: 1) *Tavo pūtem vo* «В этом году брусники нет»; 2) *Vojtirjs pōtem* «Народ-то смелый»; 3) *Veli tjetem* «Я был без невода»; 4) *Tēsē vič'č'an taj* «Зиму ты, оказывается, ждешь».

Соотношение длительности фонем *j*, *e*, *u*, *o* и гласных \bar{j} , \bar{e} , \bar{u} , \bar{o} в миллсекундах выразилось следующим образом: $j \sim \bar{j} = 54 \sim 135$; $e \sim \bar{e} = 62 \sim 140$; $u \sim \bar{u} = 68 \sim 124$; $o \sim \bar{o} = 76 \sim 148$.

Для большей достоверности были проверены данные из связанных текстов, записанных на магнитную ленту в различных населенных пунктах Выми. Примеры: *Mijan seki tē ket' gožem* «У нас тогда хоть зимой, хоть летом» (Половники; $\bar{e} = 142$ мсек., $e = 66$ мсек., магн. лента). *Mijan eni os kō kūnj da* «Нам вот теперь не надо бы умирать» (Половники; $\bar{o} = 120$ мсек., $\bar{u} = 104$ мсек., магн. лента). *Zej una rēbitenj, mijan kž'js'enj* «Очень много работают, у нас послушные» (Половники; $\bar{j} = 96$ мсек, магн. лента). *Ivan kojmetpē petis* «Иван вышел в третий раз» (Шошка, $e = 116$ мсек, магн. лента). *Čaž žjn n'in kolē sgmjn ōnj* «Полчаса только осталось ждать» (Кони, $\bar{o} = 108$ мсек., магн. лента).

Неудивительно, что длительность одних и тех же звуков в потоке речи является далеко не постоянной величиной. Она зависит от характера самого звука, его положения в слове, в слого, его положения относительно ударения, темпа речи и других факторов.

Особенно сильно на длительность влияет ударение. Связанная под ударением отличается большой долготой и, наоборот, в безударном положении происходит редукция гласных и торможение их долготы следующими за ними согласными, но редукция гласных в фонетическом окружении является комбинаторным изменением и не касается фонологической функции долготы.

Например, сегментирование синтагмы *kojmeđ pē petis* «в третий раз вышел» дало следующие результаты: фонема \bar{e} , равнявшаяся 110 мсек., по длительности оказалась одинаковой с ударяемой фонемой *o* в слове *kojmeđ*.

В примере: *č'ē te! Nj̄r ūs'jt̄ t̄dan mj̄k̄!* «Молчи ты! Дальше носа не видишь!» - *ū* при очень быстром темпе речи по длительности равняется около 90 мсек., т.е. близка к обычной фонеме. Здесь связанные фонемы несколько сократились по длительности. Кратко произносится слово *š̄ek* «шелк».

Сокращающая тенденция особенно заметна в финале слога: *iz v̄ē stav̄js* «Не было все» (Шошка, \bar{e} = 80 мсек., магн. лента). *Sija iz tani v̄ē* «Его здесь не было» (Онежье, \bar{e} = 65 мсек, магн. лента).

Иногда частичное сокращение длительности фонемы происходит в соседстве с гласным звуком следующей морфемы или следующего слога. Получается стечение долгой гласной со смежной обычной, чего старается избегать диалект.

Действительно, слуховым методом в примерах: *juōnj* «спросить», *k̄j̄ iz š̄u* «ни слова не сказал», *z̄ē j̄ž̄id* «очень большой», *k̄ert̄tū us'i* «гвоздь упал», *n̄j̄ ol̄em* «девичья жизнь», *s̄ē ēdj̄e* «садись (в сани) быстро» нетрудно убедиться в сокращении долгих гласных. Нами была предпринята попытка определить точное соотношение долгой и смежной фонем. В наших магнитофонных записях имелись следующие примеры: 1) *b̄j̄č'ē'amanoḡjs loi d̄nj̄ una č'el'ad'nad* «По-всякому пришлось жить многолетней семье» (пол.); 2) *siž'i i os'ē vek* «так и все живет» (кырк.); 3) *saldat̄js iz j̄l̄ō, a te p̄e j̄l̄alin?* «солдат не заблудился, а ты заблудился?» (кырк.).

При измерении на специальной аппаратуре оказалось, что «связанные» гласные в соседстве с обычным гласным сокращаются вдвое. Таким образом, каждая «связанная» фонема имеет свою определенную длительность. Средняя величина зависит от формантной характеристики, определяемой артикуляционной базой. На длительность, однако, влияет положение фонемы в соседстве с другими. В целях удобопроизносимости диалект вносит определенные количественные изменения. Так, тенденция к редукции «связанной» фонемы имеет место: 1) в абсолютном исходе слова (-CV, CV); 2) при стечении гласных (-VV, -VV -)

§ 10. Вторичная эмфатическая долгота гласных

В диалекте наблюдается появление количественных различий также и обычных фонем. Но это различие не релевантно. В односложных словах (CVC) обычный гласный, предшествующий звонкому согласному, носителями диалекта произносится как долгий звук, причем даже слуховым методом можно фиксировать такое распределение долгот: чем дальше произносится гласный, тем короче артикулирует звонкий согласный. Такое явление

ние чуждо вз-эловым и эловым говорам, поэтому произношение следующих односложных слов в указанных ареалах отличается от вымского:

ВЫМ.	скр., сс.
<i>ba^ad'</i> «ива»	<i>bad'</i>
<i>bč^čz</i> «хвост»	<i>bčz</i>
<i>ge^čz</i> «веревка»	<i>gez</i>
<i>gʃ^ʃr</i> «ступа»	<i>gʃr</i>
<i>dʃ^ʃr</i> «долго»	<i>dʃr</i>
<i>pu^už</i> «иней»	<i>puž</i>
<i>do^on</i> «цена»	<i>don</i>
<i>po^oz</i> «решето»	<i>poz</i>

Если в произношении сысьцев все фонемы несут по длительности примерно равную нагрузку, произносятся одинаково четко, то на Выми отмечается ярко выраженная тенденция удлинить гласный, таким образом «превращая» обычные фонемы в «долгие». В вымских говорах возникает контрастирующая корреляция. Аналогия ижемской в ижемском диалекте (123, с. 255–257). Экспериментальные данные подтверждают слуховое восприятие большей длительности гласных (60, с. 56). В вымских односложных словах, оканчивающихся на глухой согласный, долгота перемещается на конечный глухой, предшествующий ему гласный произносится кратко: *das^s* «десять», *mjš^s* «спина», *pes^s* «дрова», *pos^s* «мест», *s'is^s* «свеча», *pač^č* «печь».

Весьма любопытен тот факт, что вымские говоры часто «нарушают» ижемский образец с глухим согласным в финале. Удлинение на Выми зафиксировано у гласных перед этимологическим глухим согласным: *ko^ok* «нога», *nč^čš* «деревянный молот», *u^us'* «падай», *v e^es'* «все, всё».

Явление удлинения гласных перед звонкими согласными и, наоборот, сокращения их перед глухими было установлено во многих языках мира (136, с. 15). В саамском языке, например, был открыт закон «контрастной корреляции»: «...саамский язык стремится образовать в каждом слове вершину либо в вокализме корня, либо в консонантизме, которая проявляется как в долготе, так и в качестве звука. Между вокалическим и консонантным элементом возникает контрастирующая корреляция. Чем длиннее вокализм корня, тем короче консонантизм и наоборот. Их сумма стремится сохранить одинаковую ценность» (140, с. 13–14). В результате позднейших тщательных экспериментов в саамском языке подтверждена постоянная

величина суммы долгот гласной и согласных при контрастирующей корреляции (65, с. 129).

Очевидно, контрастирующая корреляция является характерной для языков с долготными ступенями. Так, в мансийском языке «согласные звуки после долгих гласных несколько ослабляются и реализуются в своем ослабленном ненапряженном или более кратком варианте. После же сильных или удвоенных гласные (даже долгие) реализуются также в несколько сокращенном ненапряженном, ослабленном варианте» (98, с. 18).

В настоящее время удлинение гласного перед звонким согласным (иногда и перед глухим) в вымских говорах действует и в более чем односложных словах.

Д. Фокош-Фукс, одним из первых зарубежных лингвистов изучивший особенности фонетики говоров Выми, не мог не заметить имеющиеся тонкости вокализма. В транскрибированных на латинской основе вымских текстах (189, с. 363–371) звуки перед звонкими согласными закрытого слога снабжены знаком долготы (-) или полудолготы (˘). Проиллюстрируем, к примеру, встречавшийся долгий или полудолгий гласный *ī*: *iz mun* «не пошел», *īz̄tj* «проведи линию», *īd* «ячмень», *iz vo* «не пришел». Интересно, что полудолгая фонема *ī* выступает также перед глухими согласными закрытого слога: *iskj̄r* «искра», *istan* «перевозчик (птица)», и в открытом слоге: *bi* «огонь», *izis* «молот (муку)», *ji* «лед».

В двухтомном словаре Д. Фокош-Фукса (138) количественное удлинение помечено в 66 гнездах слов. На них долгая ступень зафиксирована 9 раз и полудолгая 60 раз, кратковокальные варианты встречаются 17 раз. Количественное удлинение чаще вызывается звонкими взрывными (24 раза), сибилантами (17 раз), фонемой *r* (9 раз). Кроме того, два случая наличествуют перед аффрикатой *ʒ'*, по одному перед *n* и *n'*. В 14 словах удлинение выступает перед первичным глухим согласным, в 10 случаях — в открытом слоге (136, с. 9). Такой разницей в проявлении удлинения, по видимому, дал повод венгерскому лингвисту объяснить появление долготы влиянием эмфатического фактора.

Наши непосредственные наблюдения в зоне говоров подтверждают достоверность предположения. Установить какой-либо строгой закономерности в проявлении описываемого явления не представляется возможным. Удлинение не локализуется в отдельных ареалах, оно изредка встречается уже в переходной зоне, но получило тотальное распространение во всех вымских говорах. Некоторые примеры из спонтанной речи: *le^eb* «лети», *ge^ez* «веревка», *ve^ejt* «крыша», *kj̄r* «обрыв», *kj̄z* «толстый», *gj̄z* «ноготь», *n'ε^eps'j* «покупай», *s'ε^ed* «черный», *bε^erd* «плачь», *ku^ed* «лукошко», *in* *ʒu^eks'j* «не запутайся», *č'u^ez̄j* «пни, толкни ногой», *mo^og* «цель», *šo^oč'* «ред-

кий», *va^{ad}* «низина», *ga^{art}* «закрути». Материал можно дополнить также русскими заимствованиями, в том числе позднейшими: *ma^{gn}'itopon* «магнитофон», *ša^g* «шаг».

Таким образом, гласные фонемы вымского диалекта перед звонкими согласными, а иногда и перед глухим имеют удлинённый вариант. Несомненно, здесь мы имеем дело с обычным статистическим вариантом фонемы. Эмфатическое ударение, оказывая свою растягивающее влияние на фонемы, не нарушает их фонологическую значимость. Появление же контрастирующей корреляции обусловлено возникновением двух степеней долготы в вымском диалекте. Факт её наличия «...свидетельствует о том, что долгие гласные ижемского диалекта (также вымского — *В. Л.*), зародившиеся в специфических условиях, связанных с судьбой согласного конца слова, впоследствии вышли за пределы своей колыбели и стали употребляться в иных условиях, не имеющих никакого отношения к судьбе этимологического *л*» (82, с. 160). Поэтому мы сознательно выделяем долгие связанные фонемы диалекта, рассматривая их в совершенно другой плоскости, прежде всего как фонемы, несущие социальную функцию. Следует отметить своеобразную интонацию при произношении связанных фонем. Интонация является сопутствующим фонетическим фактором, поэтому в характеристику долготы гласного следует включать, помимо фактического соотношения длительности, и специфическую тональность данной степени долготы. Если обычная гласная фонема имеет в диалекте чаще всего восходящий тон, то связанная характеризуется восходяще-нисходящим или нисходящим тоном.

В некоторых долготных языках исследователи признали интонацию определяющим компонентом при образовании степеней долготы. Например, в эстонском языке при определении дифференциальной функции интонации Н.С. Трубецкой называет её ведущим по отношению к количественности (125, с. 221). В вымском диалекте интонацию следует считать не определяющим компонентом, а лишь сопутствующим долготе фонетическим явлением, зависимым от долготы и ударения.

§ 11. К проблеме возникновения связанных фонем

В целом вопрос о функционировании связанных фонем в коми диалектах еще предстоит исследовать. Проблематичен и вопрос об их возникновении. Следует ли понимать долготу аналитически, т.е. является ли долгая гласная удвоением одной и той же фонемы? Можно ли свести это исторически образовавшееся явление в северных диалектах коми языка к двум ступеням интенсивности одной и той же фонемы? Очевидно, что решение

этой проблемы нуждается не в однозначном ответе, а «в детальной разработке проблемы возникновения и функционирования квантитативной корреляции гласных нуль-эловых говоров» (32, с. 260).

Исследователи северных диалектов коми языка (118, с. 20) ссылаются на концепцию Т.Е. Утилы, объяснявшего это явление следующим развитием: $*au > *a^o\hat{u} > ou > \bar{o}$; $*u\hat{u} > \bar{u}$; $*e\hat{u} > \bar{e}$; $*j\hat{u} > j$; $*e\hat{u} > e\hat{i}$ (14, 193), кроме верхней Вычегды, где $*e\hat{u} > \bar{e}$. Т. Е. Утила данное явление сравнивает с аналогичным развитием в вепсском языке. В вепсском языке, например, этимологическому конечнелоговому $-al$ в восточновепсском куйском говоре соответствует дифтонг $-o\hat{u}$ ($-a\hat{u}$, $< *al$), в другом восточновепсском, пондальском, говоре, сочетанию al соответствует au , в то время как в шокшинском al . В куйском говоре этимологическое ol заменено дифтонгом $i\hat{u}$ ($< o\hat{u}$, $< *ol$). В куйском и пондальском говорах в финале слога v коррелирует как \hat{u} (103, с. 43–44).

Русская диалектология также отмечает, что в севернорусских говорах наличествует переход $l > \hat{u}$, например, *païka* «палка», *stoï* «стол». «Указанная черта широко распространена, охватывая центр севернорусского наречия, от Онежского озера и далее на восток (нет ее на крайнем севере и в южной полосе этого наречия). В некоторых вологодских говорах $\hat{u} < l$ совмещается с $\hat{u} < v$. По-видимому, данное явление восходит к языку иноязычного населения и теперь соседящего здесь с русским населением. Для северных говоров можно указать на некоторые языки финно-угорского семейства» (99, с. 15).

Такое утверждение, на наш взгляд, является натяжкой. Известно, что традиционные русские говоры на Выми, сереговский и усть-вымский, не характеризуются описанной выше аналогией ($\hat{u} < v < l$). Особенно любопытным фактом выглядит отсутствие перехода $l > \hat{u}$ в Усть-Выми (92, с. 15), где, казалось бы, этому должно было сопутствовать междиалектное чередование $l \sim v$ (нижневыхегодский диалект).

Коми-пермяцкий язык характеризуется утратой l только в южных диалектах (68, с. 82–83). В удмуртском языке общефинно-угорский l не терпел изменений, исключая некоторые южные (63, с. 140–145) и средневосточные (46, с. 190–195), в которых l склонен переходить в билабиальный w (вариант фонемы v). Пермские языки подверглись корреляции независимо друг от друга, но процесс модификации этимологического l , охвативший говоры пермских языков, привел к результатам, определяющим своеобразный признак (критерий) диалектного членения (121, с. 41–46). По-видимому, предпосылки для развития данного явления вокализации l таились в самой специфике диалекта.

Так как появление долгих связанных гласных нельзя разрешить в отрыве от проблемы вокализации согласного *l*, здесь же, в этом разделе, наложим некоторые соображения о специфике фонемы *l*.

Нам кажется, требует дальнейшей разработки вопрос о качестве звука *l* в различных ареалах, всестороннее изучение его с привлечением новых диалектных данных, с применением экспериментального анализа. Проблема квантитативной корреляции в северных диалектах коми языка связана со спецификой звука. Вымское *l* напоминает европейское, полумягкое *l'*, близкое к присыктывкарскому, произносимое при плоской спинке языка без поднятия её к мягкому небу. Фонема несколько более заднего образования, чем русское велярное *l*, и приближается к какуминальным. Кстати, традиционные русские говоры в бассейне Выми: усть-вымский и сереговский — приняли полумягкий вариант (*l'*), что объясняют влиянием вымских коми (92, с. 16). В большинстве современных коми диалектов *l* напоминает полумягкое *l'*, а в прошлом, возможно, оно звучало еще мягче (115, с. 30). Вымское этимологическое *l* русские писцы часто воспринимали как *l'*, что отразилось в средневековых писцовых и переписных книгах (7, с. 244; 5, с. 222).

Древние коми насельники на Выми имели *l*-овый диалект. Как известно, коми язык, в том числе вымский диалект, рано подвергся влиянию северновеликорусских говоров, характеризующихся наличием велярного *l*. Многовековое соседство двух языков, несомненно, не исключало своеобразной интерференции между ними. Поэтому в качестве рабочей гипотезы мы допускаем возможность появления и функционирования в диалекте, в некоторых говорах, второго варианта фонемы *l*, имеющего велярный характер. Об этом втором варианте фонемы (*l*) вскользь упоминает и Д. Фокош-Фукс: «...ausn aus VYM habe ich einmal *illae* aufgezeichnet» (138, с. 27).

Появление велярного *l*, возможно, и ускорило начавшийся на Выми спонтанный процесс вокализации этого согласного. Способность вокализации велярного *l* ученые относят к фреквентативным явлениям языков мира (104, с. 87–90). Причина её кроется в стремлении предшествующего гласного сделать *l* более открытым, с одной стороны, и восприимчивостью к этому влиянию со стороны *l*, в результате чего язык при произношении ослабляется и его задняя часть поднимается к небу. Затем кончик языка совершенно утрачивает контакт и велярное *l* превращается в *û* (104, с. 90).

На некоторые признаки существования первой стадии вокализации указывает современное состояние переходного говора, имеющего на месте этимологического *l* билабиальное *w*: *t'ibarjow* (> вым. *kibarjō*) «наотмашь», *turipuw* (> вым. *turipū*) «клюква». Дальнейшее развитие процесса полной

вокализации в вымских говорах составило вторую стадию этого явления ($l > u > w > vocal$).

Позднейшими исследованиями в коми диалектологии установлено, что процесс вокализации мог происходить уже в XVI в. (40, с. 59). Неравномерность её протекания, на что указывалось в научной литературе (77, с. 121), коснулась и вымских говоров. Некоторые признаки неравномерности проявляются в настоящее время.

Рассмотрим функционирование фонемы в составе глагольных суффиксов *-all* (скр. *-avl*) и *-l̥jvl* (скр. *-l̥jvl*). В веслянском и синдорском говорах *l* в данной позиции переходит в гласный. В остальных населенных пунктах сокращается этимологическая форма или же модифицируется только предыдущий гласный.

весл.-синд.	другие
<i>kaz'ōl̥jnj</i> «замечать»	<i>kaz'oll̥jnj</i>
<i>l'usjōl̥jnj</i> «шататься пьяным»	<i>l'usjoll̥jnj</i>
<i>nōl̥ema</i> «доношенный»	<i>noll̥ema</i>
<i>pas'kōl̥e</i> «расширяется» (иногда)	<i>pas'koll̥e</i>
<i>šerōl̥jnj</i> «кроить»	<i>šeroll̥jnj</i>
<i>p̥j̥l'kjōl̥j̥lis</i> «хихикал (время от времени)»	<i>p̥j̥l'kjoll̥j̥llis</i>
<i>sirpas'l̥j̥lam</i> «ловим»	<i>sirpas'l̥j̥llam</i>
<i>č'omr̥eɖl̥j̥l̥e</i> «морщит глаза»	<i>č'omr̥eɖl̥j̥lle (s'ince)</i>
<i>č'is't'ul̥j̥l̥j̥</i> «очищай (время от времени)»	<i>č'is't'ull̥j̥llj̥</i>

Иногда локальная дифференциация нарушается, веслянско-синдорская аналогия изредка появляется на средней Выми, в частности, Княжпосте, также в Турье.

Мы предполагаем, что велярное *l* функционировало в словах типа *нолыны*, *шб̆роолыны*, *сирпас'лыылам*, так как «изменить свое качество может лишь *l* велярное, имеющее артикуляцию, близкую к *u* (34, с. 169–170). Любопытный материал получен нами в лаборатории экспериментальной фонетики. При лингво- и палатографировании носителей вымского диалекта в словах *лап* «ветка» и *бала* «колодка» можно отчетливо определить разницу мест образования вымского и присыктывкарского *l* в одних и тех же словах. На палатограмме вымское *l* более переднего образования, артикулирует как переднеязычный зубной. Присыктывкарское же приближается к какуминальным (41, с. 30). В наших палатограммах, по-видимому, и отразился твердый вариант фонемы *l*, тем более этому сопутствует гласное округление (*л-а-п*, *б-а-л-а*).

Таким образом, велярное *l* в вымских населенных пунктах только оставило следы и теперь sporadически появляется в словах типа: *bala, lap, jlla*.

Раздел 2. Модификация гласных звуков

§ 1. Ассимиляция гласных

Система вокализма ряда финно-угорских языков характеризуется наличием в них гармонии гласных¹. Пермские языки утратили данное свойство, но в диалектах встречаются явления уподобления гласных звуков, напоминающие явления гармонии.

В вымском вокализме уподобление гласных звуков по ряду и по подъему занимает незначительное место. В нашем распоряжении имеются только некоторые примеры, иллюстрирующие это явление.

Конечная гласная основы *o* может ассимилировать последующую смежную гласную *e* окончания или суффикса, т.е. здесь осуществляется ассимиляция по линии лабиализации (*oe > oo*): *vis'tō kolo oz?* «скажи, надо или нет?» (шош.); *daškε kjk's'ojd loo* «может, двести-то будет» (онеж.); *vooma pjšjalanins'js* «вернулся с места скрывания» (синд.). По встречаемости аналогичного явления вымские говоры уступают ижемскому и верхневычегодскому диалектам.

Имеются примеры прогрессивного и регрессивного уподобления лабиализованными гласными *o, u* гласных *i, j, e, a*: *luduktε oz oškjnj* «клопа не хвалят» (кош.); *Ponol'ainas vgli važ tuj* «В мелком сосняке была старая дорога» (кош.); *S'in kun'omεn t'apras'am* «Возимся (в темноте), закрыв глаза» (тур.); *Vežolun mjtta olis* «Около недели жил»; *Kodoreε munnj* «В какую сторону идти?» (всл.).

Наличествуя примеры такой губной аттракции, когда губные согласные *b, m, p, v* влияют на предыдущие или последующие гласные переднего и среднего рядов; среди примеров встречаются и русские заимствования: *aslanum os künj* «свои не умрут» (онеж.); *bugjł'tis* «покатил», *bugl'ōnj* «катать», *bugl'εs* «покатый»; *okmj's č'el'ad' bjiti* «девять детей вырастила»

¹ О гармонии гласных: в финском языке: 132, с. 16; в венгерском: 88, с. 63–69; в хантыйском: 124, с. 17–20; в мордовском: 44; в марийском: 51.

(княж.); *omiž'jd votem* «малина-то не собрана» (княж.); *bubl'ot'ekajd vijim klubjn* «библиотека-то есть в клубе» (шош.).

§ 2. Выпадение гласных

Выпадение гласных в различных говорах вымского диалекта на современном этапе приняло более интенсивный характер, чем в присыктьвкарском диалекте, а также в принятом литературном языке. Массовое выпадение гласных переднего и среднего рядов во втором закрытом слоге, если после согласного основы следуют суффиксы на гласный, мы считаем общераспространенным для коми языка: *kopjr* — *kopras'nj* «кланяться», *č'epər* — *č'epras'nj* «щипаться». Описываемый диалект дополняет явление выпадения следующими примерами: *nomjr* — *nomrəs's'inj* «червиветь, зачервиветь», *kjč'an* — *kjč'nōnj* «ощениться», *potan* — *potnōnj* «положить младенца в люльку», *məs'ər* — *məs'tras'nj* «перетаскиваться через волок», *s'ekjd* — *s'ekta* «тяжело», *č'orjd* — *č'orda* «твердо, жестко».

В потоке речи выпадают гласные переднего и среднего рядов между двумя одинаковыми согласными, в результате чего диалект создает искусственные «геминаты»: *sijəl ljlinj seni* (< *sijəlji*) «его расстреляли там» (кырк.); *s'a mijk karis sija, medan'ikas'is vaad* (< *mijkəkaris*) «потом он сделал это, кинулся в воду вниз головой» (шош.); *məs ljs'tannas vetli* (< *ljs'taninas*) «ходил туда, где доят коров» (онеж.); *as'njs naja jonžjk kurič'č'ənj (jonžjka)* «они сами больше курят» (весл.).

Выпадение зарегистрировано в абсолютном конце русских заимствований: *bakil* «бродни», *komant* «команда», *kartən vorsə* «в карты играет», *komlat* «комната», *sutug* «провода», *pabrik* «фабрика», *šakmat* «шахматы».

В некоторых заимствованиях, наряду с выпадением конечного гласного, обнаруживается явление обратного порядка — вставка гласных в неудобопроизносимых сочетаниях: *bjl'jd* «блюдо», *iskjr* «искра», *bjs't'er* «быстрина, течение».

Раздел 3. Консонантизм

Вымичи оперируют 26 согласными: *b, v, c, d, d', ž, z, z', j, k, l, l', m, n, n', p, r, s, s', t, t', č', š, č, ž, ž'*.

Место образования			Губные		Переднеязычные				
Способ образования			губно-губные	губно-зубные	дорсально-зубные	апикально-альвеоляр.	какуминально-альвеол.	среднеязычно-палатальные	заднеязычно-задненебные
шумные	смычные	взрывные аффрикаты	глухие звонкие глухие звонкие	<i>p</i> <i>b</i>		<i>t</i> <i>d</i>		<i>t'</i> <i>d'</i> <i>č</i> <i>č'</i> <i>š</i> <i>š'</i>	<i>k</i> <i>g</i>
	щелевые	однофокусные двухфокусные	глухие звонкие глухие звонкие	<i>(f)</i>	<i>s</i> <i>z</i>			<i>s'</i> <i>z'</i>	<i>(h)</i>
сонорные	обычнопроходные носовые			<i>m</i>	<i>n</i>			<i>n'</i>	
	щелевые (неносовые)	серединные	кругло-щелевые плоско-щелевые		<i>v</i>			<i>j</i>	
	боковые						<i>l</i>		<i>l'</i>
	дрожание							<i>r</i>	

По артикуляции и по акустическим признакам они не отличаются от соответствующих согласных присыктывкарского диалекта.

Долгие согласные фонемы в диалекте отсутствуют, но на стыке морфем они воспринимаются как долгие звуки, например: *akka* «крестная

мать», *vottem* «несобранный», *jejjōnj* «дурачиться», *kol'lōnj* «проводить», *pjššjnj* «убежать» (шош.).

Русская фонема *f* в говорах обычно заменяется звуком *p*: *pɕnar* «фонарь», *partuk* «фартук», *štrap* «штраф».

Фонему *h* старожилы передают фонемой *k*: *glavbuk* «главбух», *kɕ'ain* «хозяин», *sakar* «сахар», *staruka* «старуха».

Звук *c* субституируется *s*, *s'*, *č'*: *sar* «царь», *sarōna* «царевна», *mil's'ija* «милиция», *stans'ija* «станция», *mis'eč'* «месяц», *n'emeč'jd* «немец-то», *č'igan* «цыган». Причем, нельзя не отметить то, что *č'* на месте *c* употребляется уже в оригинале северо-русских говоров.

Имеются единичные случаи употребления носителями диалекта фонем *f*, *h*, *c*. Это касается слов позднего заимствования с русского языка. Некоторые примеры: *revol'ucija* «революция», *konferencija* «конференция», *hlornej* «хлорный», *centralka* «централка», *cekɕvej* «цеховой». Таким образом, фонемы *f*, *h*, *c* вымскому диалекту не свойственны. Случаи их употребления единичны. Интересно отметить, что в соседствующем с вымскими разговорами ижемском диалекте закрепились все названные три фонемы, активно выступая в речи (61).

§1. Особенности употребления аффрикат

В вымском диалекте, как и во всех пермских языках (115, с. 30–31; 50, с. 25–26), наличествуют четыре аффрикаты: *ž*, *ž'*, *č*, *č'*. Исследованию пермских аффрикат в диахронном плане посвящен ряд специальных работ (145; 150). Доказано, что твердая *č* и мягкая *č'* представляют собой наследие финно-угорского языка-основы, в пермских языках они сохранили свое качество (95, с. 144). Кроме глухой пары по мягкости-твердости, в диалектах общепермского языка развивались звонкие, также противопоставленные друг другу по палатальности. Как справедливо отмечал Л.П. Грузов, в этом отношении вряд ли можно согласиться с мнением Ю. Вихмана (149, с. 268–769), возводившего звонкие аффрикаты к праязыковому периоду. В данном вопросе взгляды Ю. Вихмана расходятся с мнением Э.Н. Сетеля и Х. Паасонена (52, с. 245).

Характеризуя особенности дистрибуции аффрикат в структуре слова, следует отметить встречаемость их в абсолютном начале слова: *ž'iban* «вилы для навоза», *žungɕ* «крутой отрыв на дне реки», *ž'arviž'e jugjd* «чрезвычайно ярко», *ž'ū* «узкая щель», *č'ul'k* «бугорок», *č'uškij'zi* «оса», *č'umpel' / ž'umpel'* «берестяной черпачок», *č'ur* «запруда», *č'ɕk* «закрытый, замкнутый (о веках)».

В середине слова: *n'ečjs* «вихрь», *pežgjr njra* «курносый», *ž'ož'eg* «гусь», *pužjd šunj* «возразить», *č'oč'kčms'jnj* «надеть чистую одежду», *č'urviž'nj* «торчать», *šač'kčmin'ž'i* «приятный, аккуратный», *eččmin* «этакий».

В абсолютном конце слова: *vomiž'* «сглаз», *ž'iriž'* «мелкая дрсва с пеплом», *kčž* «излучина реки», *lač* «основание, подставка», *pel'iž'* «рябина», *s'era kuč* «серая сова», *ččč* «вместе», *tūsač'* «веснушка».

Аффриката может сочетаться с аффрикатой. Примеры: *vož'č'aas'nj* «встретиться», *vož'č'un'* «указательный палец», *gažaž'ž'a* «ради веселья», *lež'ž'es'* «изобилующий оводом», *brač'č'ina* «складчина, братчина».

Однако аффрикаты подвержены некоторым фонетическим изменениям. Ниже мы рассмотрим особенности каждой из фонем.

Аффриката *ž*

Её произношение носителями диалекта не отличается от присыктывкарского, по артикуляции это твердый звонкий альвеолярно-какуминальный звук.

Фонема сохраняет свою устойчивость в сочетании с различными согласными: *jižtjs'č* «пропускает», *žižda* «вышина», *užteg* «без рыбы (нельмы)», *jižlas'js'* «ворочающийся», *pužlis* «засучивал», *jižnj* «проникнуть, просочится», *uždon* «зарплата», *pežgjr njra* «курносый», *pežgjrč'č'jnj* «загнаться кверху».

Появление аффрикаты отмечено в русских заимствованиях на *-ž* и *-žž*: *včžži* «вожки», *gužži* «гужи», *drožži* «дрожжи», *drčžžtinj* «дрожать».

Однако в ряде слов, кстати, характерных для всех диалектов коми языка, перед зубными аффриката *ž* теряет смычной элемент: *ježdō* «беловатый» *ižda*, *ižta* «величиной с...», *iždčdla* «величаю», *iždalč* «капризничает», *uždjs'č* «занимает». К ним присоединяются слова: *vužnj* «перейти», *vužras'nj* «мелькать тенью».

Аффриката *č'*

Произношением фонема не отличается от присыктывкарского *č'*. Об этом свидетельствуют данные лингво- и палатографирования и рентгенографирования. В соседнем ижемском диалекте распространено явление мягкого цоканья, объясняемое глубоким влиянием на диалект севернорусского говора (84).

В различных фонетических положениях *č'* сохраняет устойчивость своих элементов. Многочисленные примеры, отражающие материал раз-

личных вымских говоров, убеждают в этом: *voč'nj* «делать», *voč'lis* «делал», *mič'lun* «красота», *mič'nad* «красотой», *pač'te* «печку-то», *rač'nas* «котелком», *rač'te da kęč'te* «лычу и зайца», *č'eran' leč'nas* «паутиной».

В нашем распоряжении имеются редкие примеры деаффрикатизации *č'* в словах: *les'tan* точило, брусок», *les'tōnj* «точить», *mis'tem* «некрасивый». По-видимому, на более раннем этапе развития диалекта упомянутый процесс происходил, *č'* перед зубными согласными заменялся ффрикативным, так как примеры касаются и других диалектов: нижевыче-годского, ижемского, удорского (116, с. 257).

Аффриката *č*

Её фонетическая аттестация аналогична *ž*, составляет для последней глухую пару (*ž* – *č*), по происхождению не отличается от присыктывкарской.

Аффриката *č* в сочетании с *š* широко используется в говорах для передачи русских заимствований с орфографическим *ц*: *gušča* «гуща», *jamščik* «ямщик», *uščerb* «ущерб», *sortoščik* «сортовщик», *č'ašča* «чаща». В абсолютном начале слов-заимствований может выступать *č* (не сочетание): *čel'* «щель», *čerb* «щербатый, с зубуринкой». *Č* встречается также на месте *č'*, *sč'*, *tč'*: *čis't'ite* «чистит», *čekverik* «четверть», *čętač'č'jnj* «считать, вести счет на счетах», *uroččina* «урочная норма», *vočmas'nj* «кривляться», *peruččik* «попучик», *čas'l'ivej* «счастливый».

Аффриката *ž*

Как и в присыктывкарском диалекте, данная фонема характеризуется своим передне-среднеязычным положением, звонкостью и палатальностью. Идентичность фонем двух различных диалектов установлена с помощью лингво- и палатографиювания и рентгенографиювания. Фонема подвержена деаффрикатизации перед переднеязычными согласными, причем в говорах процесс протекает неодинаково. В переходном, половницком, княжпогостском говорах аффриката в сочетании с переднеязычными согласными теряет свой взрывной элемент: *viz'mu* (< *viž'mu*) «земельные угодья», *viz'te* (< *viž'te*) «луг-то (вин. пад.)», *viz'lis'an ręmpęštan* «зеркало», *kęz'dędnj* «похолодать», *lez'ljnj* «отпустить (на время)», *lejč'č'js'nj* «прислониться, опереться», *ręmjs'tan* «жвачка». Деаффрикатизация зафиксирована также в слове *ludz'jnj* (< *luž'ž'jnj*) «зачесаться».

Шошецко-онежские говоры представлены интересными примерами, где аффрикаты перед согласными теряют смычный компонент. Последний

субституируется зубной согласной, в результате чего в слове соседствуют палатальный зубной и непалатальный зубной: *vod' na* «рано еще», *kut' te až'ž'an?* «как ты видишь?» *kaga vid'nj* «няньчиться», *lejdlisnj* «отпускали, пускали», *oz led' da* «не отпускает да», *sit' taj* «так и есть».

Изгlossen подобной деаффрикатизации, т.е. замены аффрикаты палатальным согласным, охватывают верхневымские населенные пункты (Турья, Кони). Говоры представляют аналогичный материал: *vod'lazdoras* «впереди», *gižema sid' da* «написано же так», *kal'it'te kijd oz berted* «крючок-то рука не может повернуть», *bos' pal'it'se* «возьми палицу», *enčd' na olenj* «до сих пор живут», *pač'vod'doras* «перед ночью», *led'nj n'ekjč'e skteš* «выпустить скотину некуда».

Особо следует отметить веслянский и синдорский говоры, в которых отличается непоследственность в замене *ž'*, в тех же фонетических условиях. Если в Весляне наметилась тенденция к употреблению щелевой, в отличие от других верхневымских говоров, то в Синдоре засвидетельствованы оба варианта: *viz' n'imjasjs* «названия лугов», *kež'lis* «сеял было», *lež'lj* «отпусти-ка», *kut' te tōn voin?* «как ты сегодня пришел?», *vod'dera* «передник».

Процесс деаффрикатизации фонемы (*ž'*), как видим, коснулся всех говоров диалекта. Примеры, собранные в полевых условиях слуховым методом или зафиксированные на магнитной ленте, свидетельствуют о неодинаковой природе аффрикаты в говорах.

Некоторые экспериментальные данные, проведенные в коми диалектологии, позволяют сопоставлять наши материалы с материалами соседних диалектов. В ижемском диалекте, например, наиболее устойчивой частью палатальных аффрикат оказался смычный компонент. Осциллографические измерения показывают, что смычный компонент больше фрикативного в десятки раз (62, с. 40). В присыктывкарских говорах смычной и взрывной моменты в мягких аффрикатах примерно равновелики (41, с. 42).

Небезынтересно отметить, что процесс деаффрикатизации в вымских говорах поляризован с севера на юг. В верхних пунктах исчезает щелевой элемент и остается взрывной, а к югу исчезает взрывной элемент и остается щелевой. Некоторые наши измерения на сегментаторе установили приблизительное соотношение смычного и щелевого моментов мягких аффрикат. Так, на верхней Выми взрывная часть несколько длиннее щелевой. Например, во фразе: 1) *vač us'keč'č'as* «в воду бросился», — составила 158 мсек., из них 94 приходится на смык; 2) *volas beč'ž'č'edjs' seki* «придет тогда плакальщица», — такое же примерное соотношение. Устанавливая степень деаффрикатизации экспериментальным путем (разбивка аффрикаты на сегменты и измерение взрывного и щелевого моментов) в примерах: *olim*

voz' da «жили вот (мы) раньше» (кырк.), *voz'ladoras kerka karam* «вперед дом ставим» (полов.), *lez'lisnj daj* «отпустили ведь еще» (полов.), убедилась в полной утрате взрывного момента в фонемах *ž'*. Однако следует отметить, что четкой закономерности, строгой обусловленности подмены *ž'* палатальным *d'*, *z'* не существует. Можно было заметить зависимость явления и от возраста информаторов: большая частотность подмены замечена в речи носителей старшего поколения.

Деаффрикатизация и подмена палатальным отмечена в удорском говоре (119, с. 457), встречается она в некоторых удмуртских диалектах (119, с. 146; 120, с. 135). Наиболее последовательное проявление явления зафиксировано в языке бесермян, как оказалось, «фонетически обусловленная закономерность подмены свистящих и шипящих аффрикат палатальными *t'*, *d'* является специфической особенностью» (123, с. 144).

Более устойчивой в позиции неначала слова, как видим, оказались вымские аффрикаты *č'*, *č*, *ž*. Деаффрикатизация *č'* на Выми проявляется реже. Для большинства удмуртских говоров она также не характерна (128, с. 145).

Меньшей, чем *ž'*, способностью к деаффрикатизации обладают в вымском диалекте, также как и в современных коми языках, твердые *ž*, *č* (в удмуртском орф. *ж* и *ч*). Спорадически встречающиеся примеры на замещение *ž* фрикативным согласным приведены у В.А. Сорвачевой (116, с. 457).

Как известно, широко распространенная аналогия имеется в бесермянском консонантизме: *č* > *š*; *ž* > *ž*. Здесь этот процесс имплицировал, по мнению Б.А. Серебренникова (106, с. 39–45), следующий этап развития: *š* > *s*; *ž* > *z*.

Таким образом, исследование специфики вымских аффрикат в дистрибутивных отношениях приводит к выводу о меньшей устойчивости палатальных фонем, особенно *ž'*. В целом все четыре вымские аффрикаты в определенных фонетических положениях могут быть подвержены качественным модификациям, но в разной степени.

§ 2. Модификация согласных звуков

Ассимиляция

Уподобление смежных звуков друг другу в вымском диалекте представляет собой широко распространенное явление. Внутренняя его причина — так называемая адаптация артикуляции. При произношении быстро меняющихся друг за другом звуков артикуляция одного звука в той или

иной степени наслаивается на артикуляцию другого звука. Здесь может быть наслаивание, как инертного порядка, так и предвосхищение. В зависимости от этого выделяем:

1) ассимиляцию прогрессивную, когда последующий звук уподобляется предшествующему;

2) ассимиляцию регрессивную, при которой уподобление идет в обратном направлении — предшествующий звук уподобляется последующему.

Прогрессивная ассимиляция согласных

Это ассимиляция конечным мягким щелевым согласным основы последующего *j*, в результате чего получаются два одинаковых мягких согласных. Палатальным согласным ассимилируются:

1) вставочный *j*: *kjž'ž'js* «береза-то», *kjž'ž'en* «березой», *kartoška mol'lj's* «мелкий картофель», *kil'lj's'* «покрытый перхотью, шелухой»;

2) глагольный суффикс *j*: *viz'z'čdljnj* «проводить линии, чертить» в м. *viz'jčdljnj*; *žel'las's'jnj* «занозить», в м. *žel'jas's'jnj*; *vet't'jnj* «покрыть, сделать крышу» в м. *vetjnj*; *pas's'jnj* «разрушить» в м. *pas'jnj*; *prj's's'čdljnj* «прыскать, чихать» в м. *prj's'jčdljnj*.

Однако, в диалекте имеются исключения: *mjrdjnj* «отнимать, отнять», *šordjnj* «везать», *ljdjnj* «считать, подсчитать». Здесь смычный *d* оказался более устойчивым.

По-видимому, на более ранних ступенях развития диалекта ассимиляция *j* отсутствовала. В.И. Лыткин об этом пишет так: «В древнепермском языке уподобления *j* предшествующему согласному мы не наблюдаем (в орфографии не отражается), например: *лыдьяныс*, *лыдяныс* — л. 6; *лыдыяныс* — л. 9; *лыдыяныс* — л. 40. Двойкий способ обозначения (согласный + *й*, *дья*, *дыя*) указывает на то, что язык памятников стоит на стадии смягчения согласного последующим *й*: *дй* > *д'й*» (76, с. 100). Не отражена ассимиляция и в памятниках XVIII в. (70, с. 9);

3) начальный *j* второго слова или второго корня в сложном слове: *bjt't'uas'* в м. *bjt' juas'* «приходиться спрашивать», *kuz'z'ur* «вал согребомого сена» в м. *kuz' jur*, *ses's'ukō* «оттуда расщепляй лучину» в м. *ses' jukō*, *S'ed'd'akō* — Седьяков, фамилия, *Pi l'legor* в м. *Pil' Jogor*;

4) *j* в суффиксе множественного числа *-jas*: *velč'č'js's'as* «ученики», *vjl'las* «новые», *n'oz'z'as* «овраги», *leč'č'as* «силки», *č'el'ad'd'as* «дети», *č'an'n'as* «жеребята», *roč'č'as* «русские».

Регрессивная ассимиляция согласных

Этот вид уподобления имеет наиболее широкий характер. Здесь уподобление в диалекте различается по линии звонкости-глухости и способу образования.

Уподобление по звонкости-глухости

По данному признаку согласные звуки диалекта, как и в литературном языке, составляют 9 пар: $b - p$, $d - t$, $d' - t'$, $ž - š$, $z' - s'$, $z - s$, $ž - č$, $g - k$, $ž' - č'$.

Оглушение звонких согласных перед глухими выступает во всех говорах без различий. В зависимости от темпа речи происходит полное или частичное уподобление. Например, при наличии паузы в следующих сочетаниях: *kžz s'j* «вовсю», *so ed kučgm* «вот ведь какой», z и d перед глухими s' и k не оглушаются.

При быстрой речи ассимиляция полная. Это подтвердилось при экспериментальном сегментировании нужных фраз.

Нам удалось проверить на магнитной головке сегментатора следующие согласные:

1) d во фразе: *njr ūs'jd tēdan mijkč* «ничего ты не знаешь» (магн. лента, д. Удора). Происходит полное уподобление: *njr ūs'jt*

2) $ž$ в слове: *te kn'ažpogoskej* «ты княжпогостский» (магн. Лента, д. Кыркөтш). Уподобление полное: *kn'ašpogoskej*.

3) d во фразе: *reβtajd ed taj sija...* «работа-то она...» (магн. лента, д. Половники). Уподобление полное: *reβtajd et taj sija ...*

4) b в слове: *ž'eps'as'isnj bjdlag* «попрятались везде» (магн. лента, д. Княжпогост). Уподобление полное: *ž'eps'as'isnj bjdlag*.

При исследовании этого явления в диалекте нельзя не принимать в расчет смысловой момент при произведении, только этим можно объяснить отсутствие полного оглушения в примерах: *ž^ste viž'e* «овец держит» (магн. лента, д. Половники); *s'čd's'oj vajan* «черную глину принесешь» (магн. лента, с. Шошка).

Оглушение звонких согласных может происходить на стыке корня и суффикса: *kotteg* в м. *kodteg* «без него», *bjttinj* в м. *bjdtinj* «вырастить», *jeskčd* в м. *ječkčd* «с людьми», *ječs's'js* в м. *ječs'js* «от людей», *Turjaips'js* «из Онежья» в м. *Turjaips'js*, *itveštijš* в м. *itvežtijš* «на месте спайки, узла».

Оглушение имеет место и на стыке основ в составе сложного слова, и на стыке слов в потоке речи. Конечный звонкий согласный первой основы перед глухим согласным второй основы или второго слова уподобляется

начальному согласному следующего слова: *is kol'č'č'j* в м. *iz kol'č'č'j* «не остался»; *kuč' taja?* в м. *kuž' taja?* «как это?»; *arljč' tjrčž'* в м. *arljd tjrčž'* «до совершеннолетия»; *žoč' kuz'ajd* в м. *žož' kuz'ajd* «по полу-то»; *Us'vjmčž'jt kļēdan* в м. *Us'vjmčž'jd kļēdan* «до Усть-Выми сплавляем»; *os primit* в м. *oz primit* «не примет».

Приглушение зафиксировано также в словах, заимствованных из русского языка: *l'čška* «ложка», *retka* «редька».

Оглушение, по-видимому, следует считать явлением древним. В списках древних коми-зырянских памятников XIV–XVIII вв. в какой-то степени отражена регрессивная ассимиляция по глухости: *бытсьма, горетсьма, вельтчины* (71, с. 141).

Озвончение объясняется тем, что в речевом потоке артикуляция глухого согласного наслаивается на артикуляцию предыдущего звонкого согласного, уподобляясь последнему. Озвончение проверено сегментацией (представление слова в звеньях) следующих слов и фраз:

1) *kjkjs' ž'eps'inj* «два раза спрятаться» (магн. лента, д. Весляна). Озвончение полное: *kjkjz' ž'eps'inj*;

2) *kjk ž'ol'a na vok* «двое малышей еще» (магн. лента, д. Половники). Озвончение полное: *kjg ž'ol'a na vok*;

3) *pjktas bjčgn piž'čsjd* «распухнет даже колено-то» (магн. лента, д. Кони). Озвончение полное: *pjktaz bjčgn piž'čsjd*

4) *vek žč mčs pajad kjskjs's'č* «все же корову хочется держать» (магн. лента, д. Половники). Озвончение полное: *veg žč mčs pajad kjskjs's'č*;

5) *kečjamjs gosudarsvč* «восемь государств» (магн. лента, д. Кони). В данном случае *s* перед *g* совсем не слышится.

В диалекте большое распространение получило озвончение на стыке двух слов в потоке речи, если между ними нет паузы: *ač'jz dumač'č'is* «сам задумался», *kupež' dorč* «к купцу», *juz' bos'tas* «журавль возьмет», *muniz bara* «ушел опять», *ped da včjassč jert* «выйди, загощи лошадей (в конюшню)», *jujaz dorti* «вдоль рек», *žožaž žč* «на полу тоже».

Но нетрудно заметить также, что зачастую глухие согласные перед звонкими получают лишь незначительный оттенок звонкости, не уподобляясь последнему: *t'ai^m dorč* «к отцу», *kjrkčč^ž doras* «около д. Кыркотш», *ves^č d'erevn'ajs* «вся деревня», *keč^t gumla* «железное гумно».

Установить закономерности непоследовательного озвончения и оглушения согласных нам не удалось; возможно, здесь участвует некий семантический фактор, ассимиляция по звонкости-глухости распространена, прежде всего, в дестимологизированных словах, т.е. в таких сложных словах, в которых оглушенный или озвонченный не ассоциируется с генетически родственным звонким или глухим другого слова.

Ассимиляция согласных по палатальности

В вымском диалекте, как и в коми литературном языке, согласные противопоставляются по палатальности: $d - d'$, $l - l'$, $n - n'$, $z - z'$, $s - s'$, $t - t'$, $\check{z} - \check{z}'$, $\check{c} - \check{c}'$. Палатальные согласные в значительной степени отличаются от соответствующих мягких зубных согласных русского языка. Различие в произношении этих звуков особенно заметно при произношении шепелявых s' , z' , воспринимаемых представителями других языков как звуки, очень близкие к \check{s} и \check{z} . (Названия некоторых вымских населенных пунктов, как *Кошки* — *Kos'k* «порог», *Шошка* — *S'čs'ka* отличаются от оригинала благодаря древним русским переписчикам).

Сущность палатальной ассимиляции состоит в том, что непалатальные согласные в соседстве с палатальными смягчаются, а затем и уподобляются последним. Палатализация происходит не только внутри слова, но и на стыке слов при отсутствии паузы между ними. Закону регрессивной палатализации согласных подчинены и русские заимствования. Два примера: 1) *oz s'etnĭ dokument* «не дают документ» (магн. лента, д. Кыркѳтш); 2) *as s'ojċd* «свое кушанье» (магн. лента, д. Половники) — проверены нами на сегментаторе, при котором обнаружилась полная палатализация предшествующих z и s последующим мягким: *os's'etnĭ*, *as's'ojċd*. При этом длительность $s's'$ составила около 90 мсек., что говорит не только об уподоблении двух фонем, но и стяжении их к одному «ядру».

Наиболее частая встречаемость палатализации в говорах в следующих оппозициях: sn' , st' , zn' , tt' , zs' , nn' , tn' , dd' , td' . Проиллюстрируем примерами: *prċmĭs' s'uri* «охотничье снаряжение досталось», *pċs't'i* «почти», *kvat' t'ilometra* «шесть километров», *praz'n'ik* «праздник», *zakas' s'etis* «заказ дал», *važċn' n'in* «давно уже», *rĭt' n'in* «вечер уже», *ul'nas' s'ojċma* «сырое съел», *bĭd' d'eržavaĭn* «в каждой державе», *in n'in vis'tō* «но говори уж», *voas' s'ikte* «придет в деревню», *Ipat' d'ad'* — дядя Ипат.

Аффрикатизация зубных t , d под влиянием последующих \check{c}' , \check{z}' , \check{z} как один из видов ассимиляции по способу образования, встречается во всех говорах. Это весьма обычное явление охватывает не только коми слова, но и русские заимствования.

Примеры на уподобление t , d аффрикатой \check{c}' : *babič'č'is* «миновал», *ven'č'ač'ĭm* «обвенчались», *jirkċč'č'ċ* «стучится, гремит», *kol'č'č'ĭlis* «оставался», *šoč'č'ĭj* «отдохни», *berč'č'ĭnj* «бороться», *mċskċ č'č'č'is* «жорова отеллась», *kiċ šomĭl'č'č'is* «рука сильно замерзла».

Влияние аффрикат \check{z} и \check{z}' на t , d : *dož' ž'on'tĭnj kolċ* «сани отремонтировать надо», *kagaiž' ž'itviž'ċ* «ребенок-то (твой) поглядывает», *morž'*

ž'eps'as'ε «человек прячется», *bos' mεž žek* «возьми другой чурбан», *s'εž žžž* «береговой стриж», *kerž žžban* «железные вилы», *tažžžjk lok* «здесь иди».

Степень аффрикатизации зубных зависит от темпа речи. Полное уподобление, как всегда, встречается в быстром потоке слов. Опираясь на экспериментальные данные, можно заметить, например, полное уподобление в оппозиции *tč'*, но неполное — *dč'*. При сегментировании слова — *berdεč'č'ε* (*berdεdč'ε*) «причитывает» — оказалось, что аффриката с длительностью 150 мсек. имеет звонкое начало длиной 30 мсек (пример из магн. ленты, д. Половники).

В орфографии письменных документов XVIII в. слова с аффрикатами фигурирует в виде: *гажедсѣ* «веселится», *велодчины* и *велѣтчины* «учиться», *горотчанѣ* «кричишь», *городчисѣ* «крикнул», *тамсѣ* «сюда», *надѣтиссьясос* (71, с. 141). По данным примерам еще нельзя судить о том, что явление аффрикатизации было присуще древнему консонантизму.

Альвеолизация связана с уподоблением зубных *s, z* альвеолярным *š, ž, č, žž*. Следующие сочетания: *sš, sž, sč, sž, zš, zž, zč, zž* в говорах вымичей претерпевают изменения и переходят в *šš, žž, šč, žž*, т.е. зубные согласные артикулируются как альвеолярные. Примеры: *aš šan'ga* «своей выпечки шаньга», *iš čjk* «не испортился», *aš šen'ic'a* «местная пшеница», *kžžžjk* «толще», *olaš žε* «сойдет тоже», *ož žagō?* «не удавится?», *oš čjgjet tenε* «не заморит тебя (она) голодом», *periž žuas* «опрокинулся в яму», *pjjs'anas kož žar* «в бане сильная жара», *tjрмаž žerks'injad* «хватит вам насмешничать».

В сочетании *zš, zč* не происходит полного уподобления, звонкость зубного частично сохраняется: *pazš čukεdi* «срубил паз», *kžš šert* «толстая пряжа».

Нами проверено слово *kžžžjk* «толще» (магн. лента, д. Шошка). Сочетание *zž*, воспринимаемое на слух как *žž*, составило 110 мсек. При сегментировании определена и длительность ассимилируемого *z* — около 20–25 мсек, что составляет пятую часть звукосочетания *žž*. На слух же *z* не воспринимается.

В области ассимиляции согласных вымский диалект не имеет каких-либо существенных отличий от других диалектов коми языка (79; 118; 57). Это вполне понятно, так как ассимиляция согласных по способу и месту образования известна многим языкам (диалектам), как родственным, так и неродственным (104, с. 141–157). Конечно, каждый язык в зависимости от проявления двух типов тенденций: 1) тенденций, направленных к улучшению языковой техники и механизма; 2) тенденций, направленных к сохранению языка (диалекта) в состоянии коммуникативной природности (110, с. 42), — может иметь свои специфические особенности.

Диссимиляция согласных

В противовес широко встречающейся ассимиляции согласных говоры располагают небольшим количеством примеров, где происходит замена одного из двух одинаковых или сходных звуков другим, менее сходным: *njrpom* «морошка» (скр. *njrpom*), *jomtjnĭ* «нить» (скр. *jontjnĭ*), *pondis* «стал, начал» (скр. *pondis*). Аналогичному видоизменению подвергались и многие русские слова: *Il'a prolok* «Илья-пророк», *komlat* «комната», *lampas'ka* «монпасье», *kreml'ōka* «кремнёвка», *s'ekl'etar* «секретарь». Правда, трудно сказать здесь о явлении диссимиляции, поскольку они могли быть заимствованы в таком виде.

Вставка согласных звуков

Стечение двух гласных на стыке двух морфем или слов для вымского диалекта является привычным явлением: *team* «мой», *biavis'čm* «горячка», *lja* «песок», *nuis* «унес», *juaje* «спрашивает». В отличие от других коми диалектов, вымские говоры обходятся без протезирования. Несколько слов составляют исключение: *kujim* «три» (орф. *kuim*), *kejin* «волк» (*kčjn*), *pejim* «зола» (*pčim*), *tojin* «мутовка» (*toin*). В конинском говоре звук *j* появляется в абсолютном начале определенных слов: *jezjs'* «серебро» (скр. *ezjs'*); *jigan*, *jignōnj* «засов; закрыть на засов» (скр. *igan*), *jitkĭr* «узел, объем». Вставка наблюдается и в поздних русских заимствованиях: *jegzament* «экзамен», *jel'ektrič'estvo* «электричество», *jataž* «этаж». Интересно отметить, что такая аналогия встречается в коми-пермяцких говорах.

Имеются спорадические случаи вставки сонорных *l*, *r*, *v* в словах русского происхождения: *bel'l'člčn* «бельем», с бельем» (скр. *bel'l'ččn*), *kepjčlĭd* «твое копьё (скр. *kepjčjd*), *pal'tolas'nj* «надеть пальто» (скр. *pal'toas'nj*); *zanavers* «занавес», *s'irerta* «сирота»; *zvčna* «зона», *z'verkalg* «зеркало».

В функционировании вставочных звуков *j*, *k*, *m*, *t* в сравнении с присыктывкарским диалектом полного совпадения нет. Дадим перечень слов, в парадигматике которых выступает *j*: *bek* (*bek-j-čn*, *bek-j-a*) «ягодица», *bon* (*bon-j-a*) «тряпка», *bord* «крыло», *bĭg* «пена», *bĭz* «нить» на срезе ткани», *vad* «урочище», *vez* «паутина», *vož* «рукав, ответвление», *voz* «моль», *von* «полог», *vor* «корыто», *vug* «ручка», *vuž* «корень», *gag* «насекомое», *gaž* «веселье», *gar* «почка», *gož* «солнечный свет», *gez* «веревка», *gort* «гроб», *gęg* «пуп», *gut* «муха», *gĭd* «сборники сети», *gĭž* «ноготь, коготь», *gĭr* «ступя», *dav* «роща», *dar* «половник», *doz* «посуда», *žaž* «полка», *žek* «табуретка, обрубок», *žĭn* «половина», *žav* «дранка», *žĭr* «шарнир», *ž'ol'* «городки», *žug* «силки», *žug* «мякина», *zib* «шест», *zor* «кол», *zčr* «вес», *zud*

«брусок», *zjŕ* «лопата», *iz* «камень», *koz* «ель», *kar* «город, возвышенность», *kov* «глист», *ker* «бревно», *kol'k* «яйцо», *kor* «лист», *kĕ* «шнур», *kud* «лукошко», *kuk* «теленок», *kĭ* «язык», *kjd* «мякина», *kjž* «береза», *kjŕ* «берег», *lō* «дух, душа», *ljm* «снег», *l'ĕm* «черемуха», *mĭl'k* «кочка», *mjŕ* мыр «пень», *nal'k* «канкан», *nom* «комар», *por* «котомка», *neĕb* «охапка», *n'ĕ* «стрела», *n'er* «хворостина», *neĕk* «сметана», *nur* «ядро, лакомство», *oz* «земляника», *pej* / *pĕ* «большой палец», *pod* «подпорка», *poz* «гнездо», *pož* «решето», *pon* «собака», *pĕ* «доска», *peĕk* «икра», *pert* «котел», *pū* «брусника», *puž* «иней», *pur* «плот», *rab* «барда», *rjz* «соцветие», *sod* «лестница», *sĭ* «сажень», *sjŕ* «бахрома», *tab* «поплавок», *tag* «хмель», *tod* «сырой луг», *tor* «кусок», *teĕb* «моток», *tū* «мера веса», *tug* «узел на поясе», *tĭ* «невод», *ū* «ветка», *ĕ'ag* «щепка», *ĕ'om* «шалаш», *ĕ'ĕd* «черника», *ĕ'ĕŕ* «голенище», *ĕ'už* «сусло», *šeg* «кость сустава».

Вставочное *j* встречается и в русских заимствованиях: *grad*, *zob*, *luk*, *puđ*, *sad* и т.д.

Вставочное *k* появляется в словах: *ves'* «пядь», *vis* «протока», *viĕ* «кочка», *jos* «мелкая рыба», *kos* «поясница», *los* «кочковатая сырая пожня», *leš* «чердан», *ljš* «хвоя», *leĕ'* «силок», *mĕš* «корова», *mus* «печень», *mĭš* «спина», *neš* «обух», *oš* «медведь», *ĕš* «бык», *pes* «дрова», *pos* «лестница», *poĕ* «жердь», *pjš* «пенька», *ras* «роща», *ros* «метелка», *s'is'* «свеча», *sos* «рукав», *toš* «борода», *tjš* «тыльная сторона», *ĕ'ĕš* «слепец» и в русских заимствованиях: *brus*, *pl'eš*, *t'es*, *us*.

Вставочное *m* выступает в примерах: *zon* «парень», *jen* «бог», *jeŕ* «вьюн», *s'in* «глаз», *seŕ* «жила», *un* «сон».

Имеется несколько слов со звуком *t*: *geŕ* «ямка», *leŕ* «хлам», *lor* «лопасть», *seŕ* «желчь», *šep* «колос».

В перечисленных примерах соблюдается соответствие в вымском и присыктывкарском диалектах. Некоторые вымские слова обходятся без вставочных звуков: *gortjš* «его дом», *kjĭljš* «его слово», *keĕlōnj* «привязать веревкой», *lajkeŕ* «на перевесе», *lež'jš* «овод-то» (*lež'a-nomja*), *gorsa pu* «дерево с дуплом», *toša mort* «человек с бородой», *n'ĕljš* «стрела-то», *n'erĕn* «с хворостиной», *ĕ'ukĕn* «полно», *n'iĕĕn* «мхом», *mĭl'ka-mĭl'ka* «кочковатый (сильно)», *peĕkjš* «икра-то», *poĕĕn* «жердью», *rjš'jš* «творог-то», *rasjš* «роща-то», *s'is'jš* «свеча-то», *sosjš* «рукав-то», *bjĭl'ka* «выпуклый», *žul'keŕ* «ключом (бить)», *z'epad* «в твоём кармане».

В отличие от присыктывкарского произношения, в ряде слов фигурирует *j*: *kurjan* «грабли», *granja* «граненый», *mežje* «мой баран», *otjjs* «ширина-то», *sojbordjeđ* «под мышки».

Выпадение согласных звуков

Вымскому диалекту, как и другим финно-угорским языкам, характерны определенные закономерности начала и конца слов. Многие сочетания согласных произносятся без всякого затруднения, но немало сочетаний согласных, которые считаются трудно передаваемыми. Укажем здесь некоторые случаи выпадения согласных слов. Как в исконных коми словах, так и в русских заимствованиях, данное явление встречается в сочетаниях *t* с фрикативными. Звук *t* в сочетаниях с *s'*, *s*, *š* во всех вымских говорах последовательно выпадает:

1) в абсолютном конце слова: *ves'* вм. *ves't* «пядь», *vir plas* вм. *vir plast* «кровинка (в лице)», *č'om kos* «расстояние между двумя избушками», *šgrakos* «промежуток», *vjt' kolas* «промежуток времени от еды до еды», *skonjš* «дай подножку»;

2) в середине слова перед гласными и согласными: *kolasčdnj* «разъединить», *č'omkosas* «в промежутке между избушками», *Us'vjm* «Усть-Вымь»;

3) в глаголах с суффиксом *-išť*, если за ним следует морфема с гласной фонемы, например: *virđšnj* «сверкнуть», *arišnj* «присвоить», *n'jlšnj* «проглотить». Но часто появление гласного *j* после *st*, *s't*, *št* сохраняет *t*: *vezjas'jšťnj* «поправляться», *jučšťjšťnj* «заострить немного», *šočč'jšťnj* «отдохнуть», *jljšťnj* «отдалить»;

4) зарегистрировано выпадение *t* в словах *kuč'is'nj* «ухватиться», *kjč'e* «куда», *seč'e* «туда».

При быстром темпе речи одно из двух *n* в местоимениях может выпадать: *kjknanjm* «оба» (ср. *kjk+nan+njm*), *n'ekodnanjm* «мы оба не», *dasnanjś* «все десятеро». В окончаниях II лица множественного числа произносится одно *n*: *kurič'č'anjd* «вы курите», *šjgjrč'č'anjd* «обниметесь». Выпадение *n* зарегистрировано в словах *čtmjda* «одинаковое количество», *zome* «парень (вводное слово)».

Одно из *m* в глаголах отсутствует: *mič'amjnj* «проясниться», *s'čktamjnj* «потяжелеть».

Не все согласные звуки произносятся в русских заимствованиях:

а) в начале слова: *s'ako* «всяко», *zroslej* «взрослый», *nuk* «внук», *kvčz'* «сквозь», *streč'a* «встреча»;

б) в середине слова: *posnej* «постный», *pel'sar* «фельдшер», *čdal'č'č'jnj* «отдалиться»;

в) в конце слова: *gruz'* «груздь», *komun'is* «коммунист», *objś* «обыск».

По-видимому, данные слова в таком фонетическом виде были заимствованы из русского языка. В местных старожильческих говорах они произносятся так же.

Выпадает звук *j* из глаголов и отглагольных образований тогда, когда после *j* в коми литературном языке стоит *t'* или *č'č'*. Примеры *šoč'č'jnj* «отдыхать», *peč'in'ač'č'e* «подчиняется», *el'vač'č'jnj* «дразниться».

Влияние палатальных гласных на согласные

От характера соседних звуков может зависеть как место образования тех или иных звуков, так и качество их. Так, если после согласного стоит узкий гласный высокого подъема переднего ряда, то предшествующий согласный несколько палатализуется, так как при произношении предшествующего согласного в указанной позиции спинка языка заранее стремится занять положение, необходимое для последующего гласного, характеризующегося подъемом спинки языка вверх. Такой палатализации в вымском диалекте подвергаются зубные и заднеязычные согласные *d, n, l, g, k*.

Если в русском языке палатализованные согласные составляют два противоположных фонемных ряда, то в коми языке (в некоторых диалектах) палатализация носит лишь частичный характер и лишена различительной функции.

В вымских говорах мы находим примеры уподобления как предыдущего, так и последующего согласного переднерядному гласному. В примерах: *d'in* в.м. лит. *din* «комель», *Jemd'in* в.м. *Jemdin* — Усть-Вымь, *n'em* в.м. *net* «век», *n'emjs'ež'* «издавна», *n'er na* в.м. *ner na* «слаб еще», кош. *d'ebownj* в.м. *debavnj* «становиться теплым», *d'egjd* в.м. *debjd* (теплый (о жидкости)), *d'iōnj* в.м. *diavnj* «обойти», — предыдущие согласные *d, n* смягчаются последующими гласными *i, e*.

Прогрессивным уподоблением можно объяснить слова: *č'in'tjnj* в.м. *č'intjnj* «сократить, укоротить», *in'žin'er* в.м. *inžen'er* «инженер».

Имеются примеры, доказывающие обратную тенденцию к отвердению палатальных согласных. Диалект располагает двумя способами:

1) мена переднерядного гласного непереднерядным, в результате этого предшествующий палатальный согласный произносится твердо: *ljč'ėdnj* в.м. *lič'ėdnj* «ослабить»; *degjd* в.м. *d'egjd, d'egō* «тепловатый»; *kjz'* в.м. *kiz', t'iz'* «шуговица»;

2) твердое произношение (в некоторых словах) палатальных согласных, в отличие от присыктывкарского диалекта: *lukōnj* (*l'ukavnj*) «бодать, забодать»; *ėti, ėtik* (*ė'ti, ė'tik*) «один»; *s'erti* (*s'ert'i*) «из-за», *mjs'ti* (*mjs't'i*)

«через промежуток», *təkətɛ* (*təkət'e*) «только что»; *berti* (*bɛrt'i*) «после, потом».

Сильное палатализирующее влияние переднерядные гласные оказали на заднерядные согласные *g*, *k*. В кошецком говоре *g*, *k* перед *i*, *e* произносятся как палатальные *d'*, *t'*. Примеры: *d'ežɛd* «редкий», *d'ez* «веревка», *dɛp t'is'taninas* «там, где плавил дробь», *t'ega jɛr* «изгородь вокруг стога сена», *d'ižnj* «писать».

Мягкие согласные *d'*, *t'* в переходной зоне артикулируют следующим образом: кончик языка опускается к нижним зубам, а спинка языка приподнимается к твердому небу. Такое произношение в коми языке характерно для среднеязычных палатальных *d'*, *t'*, *l'*. Таким образом, звуки *g*, *k* в результате сдвига места образования и потери артикуляционных признаков заднеязычных приобрели артикуляционное сходство со среднеязычными, поэтому есть основание назвать их палатальными согласными.

Явление палатализации заднерядных — не спонтанный процесс, вероятнее всего, здесь сказалось русское влияние. В результате продолжительного воздействия русской речи процесс смягчения модифицирован заднерядный звук, постепенно придавая новое качество.

Трудно сказать, в какой степени качественно новый звук продолжает ассоциировать с прежним звукотипом — это тема особая. По утверждению профессора Н.И. Жинкина, речь воспринимается слушающими не как сумма отдельных фонем, а по словам — значащим единицам языка: «Речевой прибор устроен так, что может производить только слоги. Из этого первично оформленного материала синтезируются на высшем уровне слова». И далее: «Говорящий отбирает в процессе общения не отдельные звуки, а слова, как сложившиеся и значимые комплексы звуков» (58, с. 308–319).

Как распорядились с начальной фонемой в словах типа *керка* остальные вымские говоры? В средневымских, начиная с половницкого, нами отмечено сосуществование двух вариантов. Одним, довольно широко распространенным, является наличие палатального *d'* или *t'*: *vojvĭ t'erka*, *lunvĭ t'erka* «зимняя половина избы, летняя половина избы», *d'ežɛdmĭnj* «поредеть», *t'epĭs'* «рукавица», *ševa t'i doz* «по суевырым представлениям, короб с гадами и еретиком», *D'erman'ija* «Германия», *d'iz'ɛptĭnj* «кинуться гурьбой».

Вторым утвердился палатализованный *g'* или *k'*: *gĭrgĭnj s'era pal'ič'ɛn* «катать (белье) на катке», *gegjōnj* «бездействовать», *kil'akĭnj* «шуршать, производить шорох», *bl'in kis'tĭnj* «кидать плоские камни по поверхности воды, производя «блинчики», *kekɛnač'as'nĭ* «хлопать в ладоши», *kezjř'č'ĭnj* «поноситься», *gežɛt* «загон», *gil'-gol'* — изобразительное слово. Тенденци-

ей к употреблению палатальных отличается веслянский говор: *t'il'* «шелуха», *d'id* «хлев», *d'ižs'inj* «писать», *d'en'eral* «генерал».

Конинский говор, наоборот, страется избежать наличия *t'*, *d'* в инициале, поэтому слова с оппозицией «заднерядный согласный + переднерядный гласный» произносятся без смягчения: *kis'mčm* «спелый», *ker* «бревно», *kel'č'i* «плотва», *gign'a* «конюшня», *njra gez* «дратва», *gižas'an mort* «записывающий человек». Интересно отметить в Кони адаптирование русских заимствований: *gen'ga* «деньги», *get'ina* «детина, мальчик», *kel'ega* «телега», *kertuka* «тертука», *gežurnej* «дежурный», *kica* «птица».

В середине слова также произносится заднерядный согласный на месте *d'*, *t'*: *arkel'* «артель», *verkl'an* «непоседа, верткий», *vgl'is'ki* «только что», *učikel'* «учитель». Обратимся к текстам Д. Фокош-Фукса. Как известно, информатором венгерского ученого был носитель конинского говора. Вопреки ожиданиям, заднерядные в соседстве с последующими *i*, *e* ведут себя крайне непоследовательно. Приведем примеры: *k'erpinj* «терпеть», *t'erolis* «рубил, порубил», *t'erkač*, *kerkač* «в дом», *k'is's'is* «вылилось», *t'is'talis* «наливал», *k'i-kok* «руки-ноги», *t'i* «рука», *jur t'erōnj* «голову срубить», *njrad'ez* «дратва» (139, с. 361–371).

Такой разнобой в произношении не мог иметь место в данном говоре, иначе следовало бы сделать вывод о том, что за последние десятилетия в Кони произошло обобщение в пользу *g*, *k* перед узкими гласными, что маловероятно. Фонемы *g*, *k* соседствовали с *i*, *e* в древнем вымском диалекте, как и в целом в коми языке. «В общепермском языке-основе в начале слова не могли стоять мягкие *t'* и *d'*. Переход произошел в течение последних столетий в связи с выдвиганием артикуляции гласных *i* и *e* в более передний ряд, что произошло, по-видимому, под известным влиянием русского языка. В памятниках древнепермской письменности этот переход еще не отразился...» (77, с. 121–122). В настоящее время все говоры по Выми, кроме конинского, представляют собой результат воздействия русской речи. Причина непоследовательности в материалах Д. Фокоша-Фукса кроется, по-видимому, в особенностях произношения информатора, попавшего в другую среду и несколько утратившего специфику родного говора.

***t' - jt, d' - jd* в конце морфем**

В употреблении *t'* — *jt* и *d'* — *jd* в вымских говорах наблюдаются некоторые отклонения друг от друга. В Онежье, Турье, Весляне и Синдоре функционируют параллельно *t'* и *jt*, *d'* и *jd*: *voj'va* «капель», *voj'tjr* «народ, люди», *voj'dorlun* «позавчера», *n'as't'i* «грязь» (онеж.), *n'as'ki* «грязь» (весл.), *n'ajt* «грязь», *čkoj'd* «похожий». Жители дер. Кони не употребля-

ют *t* в указанной позиции, что роднит данный говор с нижевычегодским диалектом.

Все остальные носители диалекта (княжпогостская группа на средней Выми) в употреблении *t' – jt, d' – jd* придерживаются *jt, jd*-овой огласовки: *n'ujt* «тина», *kojd* «похожий на что-л.», *šajt* «удилище», *majtgg* «мыло»; русские заимствования также подвергались изменению: *krevajt, pelajt*. В половницком говоре слово *svad'ba* нами отмечено с чуть заметной *jd*-овой огласовкой: *svajdba*.

Имеется группа слов, употребляющихся во всех вымских говорах без йотирования: *bad'* «ива», *dad'* «санки», *dod'* «сани», *bed'* «палка» (вариант: *bed*).

Удвоение согласного

Из других фонетических явлений диалекта следует отметить изредка встречающуюся тенденцию к удвоению согласной. Примеры: *veret'ta* «грива, сухая возвышенная грядка», *viz'z'a s'ikeč'* «ситец в полоску», *čbbet, čbbetnej* «обет, зарок», *čbižžač'č'jnĭ* «обижаться».

Метатеза

Явление перестановки звуков в рамках слова наблюдается редко и в основном в заимствованных словах: *agranom* «агроном», *agranomša* «агрономша», *s'in kumen'čn vorsnĭ* «с закрытыми глазами играть», *dčnz'jnĭ* «надость», *n'imčn* «ничего», *trunda* «тундра».

Раздел 4. Ударение

Проблемы акцентуации нуль-эловых говоров еще ждут своего исследователя.

В данном разделе мы не рассматриваем акцентные типы изолированно взятых слов. Мы попытаемся раскрыть встречающуюся в говорах специфику особого интонирования, своеобразной мелодии речи, оказывающей свое влияние на место ударения в слове. Место ударения нами определялось на основе слухового восприятия.

Вымское ударение в значительной мере свободное, т.е. оно может стоять на любом слоге слова и не несет на себе ни фонематической, ни морфологической функции. Правда, имеется некоторая тенденция ставить ударение на первый слог, при этом характерно слабое выделение в слове

ударного слога. А гласные безударных слогов мало отличаются по силе и долготе от соответствующих гласных ударных слогов и не подвергаются редукции.

Таким образом, хотя ударный слог в слове слегка выделяется, но место ударения в нем может меняться в зависимости от интонирования, мелодии речи. По-видимому, этому способствует то обстоятельство, что ударение не играет смыслоразличительной роли.

В.И. Лыткин предполагал, что в древнефинно-угорском языке не было фиксированного ударения, поскольку в современных финно-угорских языках в большинстве случаев «ударяемый мало отличается от безударных» (78, с. 234). Другие финно-угорские исследователи вопрос о древнем ударении решают по-разному. Й. Синнеи, Э. Итконен считали наиболее древним акцентно-ритмическим строением двусложные слова с ударением на первом слоге, а те отклонения от этого правила, которые наблюдаются в современных финно-угорских языках, являются результатом обособленного развития каждого языка. Э. Сетеля считал, что в финно-угорском языке ударение было подвижным и было тесно связано с чередованием ступеней согласных (67, с. 61).

В средневыемских и верхневыемских говорах можно наблюдать sporadическое появление подобия фиксированного ударения. Информаторы старшего поколения нередко ударение переносят на непервый слог, часто суффиксальный. Выделяемый при этом слог характеризуется особой экспрессией, напоминающей ударяемый слог в русском языке. Однако последовательности в подобном произношении нет. Одно и то же слово информатором в разных контекстах произносится по-разному. Например, в зафиксированном нами предложении: *Međ asjle č'ukarteŋj bjdlájs'* «На другое утро собирают (людей) отовсюду» (кон.) — ударение в последнем слове резко выделяет л-овый непервый слог. Но во множестве других фраз необычное интонирование в данном слове отсутствовало.

По нашим наблюдениям, под аналогичным ударением чаще оказывался а-овый слог. Приведем примеры: *Preš'ekáč'č'jnĵ voljlli Jemva jĵle* «Приходил (приезжал) в верховья Выми вырубать просеки»; *Zborn'ikĵs vuzás's'e na ješš'e veĵi* «Кокосник-то тогда еще продавался» (кыр.); *školaĵs janás stre-itema*; «Школу построили отдельно»; *Otteŋ tuj vĵlas lukálema* «На узкой дороге столкнула (одна машина другую)».

Множество примеров находим также в текстах Д. Фокош-Фукса: *Ivan keŋás'is, pas'tás'is, kol'č'užnej plat't'eás'is* «Иван обулся, оделся, снаряжился в кольчужное платье». *Včs'e gđ'eždáalis* «Лошадь свою снаряжил». В приведенных примерах ударение покоится на гласном а. Дополняем материал иллюстрациями, отражающими шошецкий, онежский, турьинский и ве-

слянский говоры: *Bi ɛztin pɛ kerkáas* «Свет зажег, мол, в доме»; *Voasnj vaás'nj* «Пришли на водопой»; *Kuč'č'isnj vermás'nj* «Начали бороться»; *Kolodáas puktis kart* «В колоду положил карту»; *Abu na viǵmáɕs'* «Еще не убили, оказывается»; *Uz'isnj buráɕ* «Спали крепко»; *Okámen'itis* «Окаменел»; *Trapkáɕen č'jški* «Гряпкой вытер»; *Užjɛɕen s'etális* «В долг давал»; *Čjg knjɛnɛn juás'an* «Голодного расспрашиваешь»; *Udáritis* «ударил»; *Juas'nj kuč'č'is da juás'is da juás'is da* «Начал расспрашивать и спрашивал, спрашивал» (без конца); *ɛbrátɛ vonj kolɛ, vojna pomjás's'is* «Обратно надо возвращаться, война кончилась».

Несколько необычное ударение, но на других гласных мы видим в следующих примерах: *vejujtisnj* «воевали», *vɛ vjľsɛ puks'is* «на лошадь сел», *verd pɛ da juktɛd* «накорми, мол, и напои», *vɛľs's'tɛ voi* «в село пришла», *vejujtnj* «воевать», *nosevikɛn* «носовым платком», *bergɛgljnj* «поварачивать, крутить», *iz'ves't'itis bjɔlaɕ* «сообщил во все концы».

В данных словах и синтагмах наиболее часто под ударением оказывается *ɛ*, но обращает на себя внимание тенденция ставить ударение не на первый слог, хотя там иногда наличествует *ɛ*: *vejujtnj*, *vɛ vjľsɛ*, *vejujtisnj*, *vɛľs's'tɛ*, *nosevikɛn*.

Среди приведенных примеров изобилуют русские заимствования. Невольно напрашивается вывод о том, что поскольку заимствующим языком был коми диалект, то, надо думать, система ударения и специфика в ней складывались под влиянием русского языка. Не отрицая известного влияния русской системы ударения, мы предполагаем более сложное формирование вымской акцентуации. Похоже, что лексическое ударение в исконных коми словах локализуется в зависимости от фонемного состава слова, от сочетаемости фонем в нем. Как известно, гласные звуки не одинаковы по своей звучности: гласные верхнего подъема (узкие) являются звуками менее звучными, чем остальные гласные. Широкие гласные можно назвать сильными в том отношении, что обладают способностью перетягивать на себя ударение. В коми-язвинском диалекте, сохранившем наиболее архаичный тип ударения (79, с. 33–84), при словообразовании и словоизменении сильные корневые гласные удерживают на себе ударение, другие нет. Как установлено в древнепермском языке, «древняя система ударения пережиточно еще сохранилась» (76, с. 101).

Нам кажется, в тенденции выделения сильного гласного в качестве ударения проявляются отголоски более архаичной акцентной системы коми языка. По-видимому, в древнем вымском диалекте существовала та-

кая система ударения, когда процесс закрепления ударения покоился на гласных большей звучности¹.

Историческая грамматика коми языка констатирует: «Этот процесс закрепления ударения на гласных большей звучности пережили также коми-пермяцкие диалекты и отчасти коми-зырянские (по крайней мере, те диалекты, которые отразились в памятниках древнепермской письменности)» (77, с. 106). В дальнейшем коми-пермяцкие говоры выработали осново-разноместное ударение, а коми-зырянские диалекты, как и вымские говоры, «в известной мере сохранив прежнюю свободу в месте ударения и слабое выделение ударяемых слогов, выработали (вероятно, под известным влиянием вепсского и карельского языков) тенденцию ставить ударение на первый слог» (77, с. 108).

Как реликтовое явление — ударяемые гласные большей звучности — сохранили вымские говоры элементы более древней акцентуации.

Вторым компонентом, сыгравшим немаловажную роль в выработке интересной акцентуационной специфики в диалекте, как уже указывалось, стал северно-русский. Древневымский диалект, функционирование которого установлено наукой (76, с. 121), наряду с пережитками своей древней акцентуации, вырабатывал свободное ударение, при котором говорящий может ставить его на любой слог любого слова. В результате коми-славянских контактов, зародившихся в эпоху формирования вымского диалекта и продолжавшихся все последующие столетия, русское разноместное ударение, по-видимому, наслаивалось на местную систему. Свободное ударение одного языка и разноместное ударение другого несколько сродни возможностью использовать в качестве ударного непервый слог. Но, в то же время, разница глубокая как в природе ударения, так и в закономерности акцентирования: при разноместном русском ударении в каждом слове (или в форме слова) ударение стоит на каком-то определенном слоге, говорящий не может произвольно перенести его на другой слог. Следует различать в диалекте ранние русские заимствования от более поздних. Ранние производились с русского диалектного произношения, и, поскольку этот процесс был исключительно устный (коми население сплошь было неграмотно), в заимствованных словах, как правило, бытового содержания или общественно-политических отношений того времени, хорошо выражены фонетические изменения, которым подвергались русские слова. Однако при всех фонетических модификациях место ударения обычно сохраняется; на Выми наблюдается слабое выделение ударного слога оригинала. Напри-

¹ Аналогичное явление имеется в коми-пермяцких диалектах (37, с. 32).

мер: *metál'* (< *medál'*), *ebiždájtñj* (< *obižát'*), *mužǰkjas* (< *mužik*, *mužikí*), *pláma bi* (< *plámja*), *Tčs'ō Oponás'ej* «зимний праздник дня Афанасия».

Некоторые многосложные слова в произношении людей старшего поколения утрачивают последний открытый слог, если на нем в оригинале не покоится ударение: *komlat* «комната», *pabrik* «фабрика», *kart* «карты».

Поздние заимствования благодаря печати, кино, радио, школе усваиваются в произношении, очень близком к русскому. Например, слова *трактор*, *комбайн*, *колхоз*, *совхоз*, *революция* и др. адаптируются в русском произношении с соответствующей постановкой ударения в слове. В тех случаях, когда русское слово входит в язык с некоторыми фонетическими изменениями, опять-таки место ударения оригинала сохраняется, или же придерживается этой тенденции: *agramón* «агроном», *bul'oz'or* «бульдозер», *luč'kōka* «лучковка, лучковая пила».

Поэтому, ввиду всего сказанного, нет ничего неожиданного в том, что в речи носителей диалекта иногда появляется непривычное для коми силовое выделение слога: *Me tani vek, dvacǰt' tret't'ej gods'an' postojánne* «Я здесь все время, постоянно, с двадцать третьего года» (кырк.); *Ivan č'jškǰs'is nosčvikčn* «Иван вытерся носовым платком» (кон.).

Частным явлением (и более поздним) следует считать способность связанных фонем перетягивать на себя ударение. Этой тенденцией обладают в большей мере связанные фонемы *ō*, *ē*, что объясняется их большой звучностью. Что касается гласной *a*, то она не укоренилась как связанная долгая фонема, но в речи носителей диалекта звук *a* очень часто рождает эмфатическое ударение: *ba^ad'* «ива», *d'a^ad* «дядя», *ma^agn'itopon* «магнитофон», *sa^artas* «лучина», *ša^abdj* «конопля», *ka^ar* «город».

Выводы по главе

1. Средне- и верхневымские говоры выработали специфический вокализм с релевантными долготными ступенями гласных фонем, в результате чего в вокалической системе утвердились *i*, *e*, *ǰ*, *ē*, *u*, *o*, *a*; *ē*, *ǰ*, *ē*, *ū*, *ō*. Например: *petē* «выходит», *pētē* «большой палец-то» (вин. пад.).

2. Функционирование квантитативной корреляции обусловило появление в средне- и верхневымских говорах аллофонического долготного варьирования гласных *i*, *e*, *ǰ*, *ē*, *u*, *o*, *a* в односложных словах перед звонкими (и редко — перед глухими) согласными: *ba^ad'* «ива», *gǰž* «ноготь», *kčš* «ковш».

3. В говоре д. Косык (переходная зона) на месте долгих гласных выступают сочетания (VC): *ǰv* (*vizǰvtē* «течет», вым. *vizǰtē*); *čv*, *čw* (*čevva* «мо-

лочная сыворотка», вым. *jēva*; *pɕw* «доска», вым. *pɕ̄*); *uw* (*uwta*s «низина», вым. *ūta*s); *ow* (*itsownj* «прицеливаться» вым. *itsōnj*).

4. Сохранение переднерядных *i*, *e* в непервом слове после палатальных согласных или переднерядных *i*, *e* в кошечком, отчасти половницком говорах (для средней и верхней Выми характерны позиционные *j*, *ɕ*).

5. В корневых морфемах наличествует историческое чередование *j* – *i*: *kjn'* «искра» (скр. *kin'*), *ljč'jd* «свободный; не тесно» (скр. *l'ič'jd*), *jjkj* «ость» (скр. *jiki*).

6. В ряде слов проявляются рефлексы общепермского гласного *ô*: *sus'kijnj* «отпираться, отрекаться» (скр. *sos's'inj*), *ruz'* «дыра, отверстие» (скр. *roz'*), *šuj* «труп» (скр. *šoj*).

7. В вымских говорах гласные при взаимодействии друг с другом подвергаются частичной ассимиляции, например: суффиксальное уподобляется предыдущему губному: *loom*a «стало» (< *loɕma*), *voomjd* (< *voɕmj*d) «ты пришел, оказывается».

8. В неударяемом непервом слове вымского слова происходит или частичная редукция средне- и переднерядных гласных, или выпадение их при произношении: *n'ebda* «мягко» (скр. *n'ebjda*), *s'ɕkta* «тяжело» (скр. *s'ɕkjda*), *č'orda* «жестко» (скр. *č'orjda*).

9. В консонантизме диалекта следует выделить деаффрикатазацию звонких аффрикат перед зубными согласными: *ž* > *ž̄* во всех говорах (*ta jž-daɕ* «такой величины»), *ž'* > *d'*, *jd* преимущественно в верхневымском ареале (*vod'žjk* «пораньше»), *ž'* > *z'* на средней Выми, Синдоре, переходной зоне (*kɕž'tɕm tu* «незасеянное поле»).

10. Широко распространенным явлением является регрессивная и прогрессивная ассимиляция согласных по глухости-звонкости, твердости-мягкости: *rez's'ɕnj* «брызгаются» (< *rezs'ɕnj*), *ožžjk* «не так, не совсем» (*ozžjk*).

11. Имеет место звукопереход *g*, *k* > *d'*, *t'* перед *i*, *e* во всех говорах, кроме д. Кони: *d'ežɕd* «редкий» (Кони *gežɕd*); *t'ipɕw*, *t'ipɕ̄* «одна рука» (Кони *kipɕ̄*).

12. Переднерядные *i*, *e* оказывают сильное палатализирующее влияние на зубные *t*, *d*. Например: *Jemd'in* «Усть-Вымь», *d'egow*, *d'egō* «тепловатый».

13. В переходной зоне и средневымских говорах ауслатное употребление *d*, *t* ограничено (*d'* > *jd*, *t'* > *jt*), в верхневымской речи конечнослоговые *d*, *t'* встречаются чаще: кош., пол., княж., шош. *n'ajt*; онеж. тур. веш. *n'as't'i*.

14. Вымское ударение характеризуется тенденцией выделения первого слога, но спорадически наблюдается особая акцентуация гласных нижнего и среднего подъема (*ɕ*, *a*, *o*) некорневого слога: *verd pɕ da jukɕ'd* «накорми, мол, и напои», *zborn'ikjš vuzás's'ɕ na vɕli* «кокошники-то продавались еще тогда».

ГЛАВА II. МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДИАЛЕКТА

В количественном отношении система частей речи вымского диалекта не отличается от системы частей речи присыктывкарских говоров (57, с. 58–190).

Морфологическая структура описываемого диалекта характеризуется близостью к современному общенациональному строю, выработавшемуся на основе общепермской языковой системы. Однако в говорах есть и целый ряд грамматических черт, привлечших внимание лингвистов.

Исследование специфики именных категорий верхневымских говоров вовлекло в научную орбиту весьма своеобразные интересные явления, сохранившиеся вследствие изолированного положения данного речевого региона. Собранный нами в зоне ниже- и средневымских говоров материал позволяет воссоздать детализированную картину морфологической структуры диалекта. Коми говоры по Выми в области морфологической структуры составляют не совсем единую систему. Это объясняется тем, что бассейн Выми входит в зону двух диалектов. Оба диалекта (вымский и нижевычегодский) исторически формировались при непосредственном контактировании друг с другом, что, с другой стороны, стимулировало развитие идентичных грамматических форм, поэтому нет резкого перехода между диалектами. Говоры по нижней Выми (ероздинский, ибский, лялинский) во многом близки к особенностям переходной зоны (кошецкий). Некоторое влияние нижевычегодские нормы оказали и на половнишко-княжпогостские говоры, вследствие чего в средневымских, с одной стороны, и верхневымских речевых регионах в настоящее время наблюдаются некоторые различия в парадигматике.

Раздел 1. Имя существительное

§ 1. Особенности склонения

Для сопоставления особенностей словоизменения на верхней Выми со средневымскими (включая переходную зону) мы приведем таблицу основного и лично-притяжательного склонений существительных (см. Приложение 1, Таблица 2). Как видно по таблице, основное склонение имени существительного, помимо отличий фонетического порядка, в переходной зоне имеет ряд существенных отклонений.

В кощечком говоре эгрессив на *-jś'ež'* (кош. *-jś'ež'*) находится в стадии утраты, нами зафиксированы лишь единичные примеры от информаторов очень пожилого возраста. При опросе многие отрицали наличие интересующей нас формы. В половницком говоре *-jś'ež'* (*-jsež'*) имеет уже употребление, но весьма редкое. Более привычным явлением его следует считать в других населенных пунктах Княжпогостского района — сс. Княжпогост, Раковицы, Кыркоч.

Таким образом, вымский диалект, начиная с половницкого, в отдаленном падеже имеет вариативные окончания *-s'an'*, *-jś'ež'*. Примеры на второй вариант: *Uli Jemvajś'ež' voasnj jen ordad da kujim lungž' olasnj* «С низовьев Выми бывало приезжают на моленье и до трех дней живут» (весл.); *Jona važjś'ež' og pęmn'it* «С очень давних пор не помню» (княж.); *N'emjś'ež' Vizęn šulim tajęlj* «Издавна называли его (Княжпогост) Визом» (рак.).

Формы эгрессива на *-jś'ež'* в верхневымских говорах встречаются чаще, чем в низовьях бассейна. В результате семантического анализа, как точно подмечено Т.И. Фроловой (130, с. 172), выясняется, что сами носители говоров легко дифференцируют варианты. При выделении большей степени отдаленности предмета или места, откуда начинается действие, как правило, привлекаются *-jś'ež'*. Форматив, таким образом, имеет добавочную функцию, являясь усилительным средством падежного значения.

Обе формы представляют собой явление вторичное: *-jś'ež'* «возникла в результате контаминации окончаний элатива и терминатива (54, с. 150), функционирование формы на *-jś'ež'* не является аномальным явлением, она встречается западнее вымского диалекта, на Удоре, и на юге Коми республики — на Лузе и Летке (56, с. 82), а также в соседнем северном диалекте — ижемском. Встречаемость её в окраинных диалектах только зырянского языка говорит о более позднем времени возникновения. Из двух форм отдалительного падежа *-s'an'* предшествовал второму варианту (*-jś'ež'*) (ср. к-п, *kerkus'an'* «от дома», удм. *az'las'an'* «спереди»). В отличие от *-s'an'*, имеющего допермскую историю, форматив *-jś'ež'* возник позже в диалектах Перми Вычегодской, но, по-видимому, широкого функционирования, как *-s'an'*, не имел, поскольку не отразился в письменных памятниках средневековой эпохи. Наличие синтезированного показателя говорит о сложных путях развития коми падежей.

Второе специфическое явление касается форматива *-lj*, выступающего в вымском диалекте как оформитель имени в роли подлежащего и прямого объекта. Ижемские говоры также характеризуются указанной спецификой (103, с. 67–71). Это интересное явление, по сути дела еще требующее объ-

яснения, встречается и в переходной зоне и учащается по мере продвижения к верхневымским говорам.

В литературе высказывались разные предположения о происхождении *-lj* в функции аккузатива и номинатива. В диссертации Т.И. Фроловой указывалось, что дательным падежом на *-lj* оформляются прямой и косвенный объекты. Объяснение автором сводилось к способности семантики дательного падежа сохранять реликтовое неразличение прямого и косвенного объекта (130, с. 182). Форматив *-lj* рассматривался как падежный показатель.

В «Исторической морфологии пермских языков» высказано предположение о том, что по происхождению *-lj* представляет собой эмфатическую, т.е. выделительную частицу (107, с. 44).

Нам также кажется, что в данном случае следует исходить из дифференциации форматива *-lj*. Как формальный показатель датива *-lj* имеет общепермское происхождение. В удмуртском языке, например, суффикс *-lj* выражает значение дательного и достигательного падежей, что допускает предположение о развитии двух указанных падежей из одного внешне-местного направительного падежа. Аналогия наблюдается в иньвенском диалекте коми-пермяцкого языка: *brigad'irvç s'etnj* «дать бригадиру» и *brigad'irvç munnj* «идти за бригадиром» (69, с. 197). В северных диалектах коми языка, как и на Выми, дательный и достигательный падежи оформлены суффиксом *-lj* и *-la*¹. В вымском диалекте дативный суффикс *-lj* является омонимией по отношению к спорадическому аккузативному и номинативному *-lj*, выполняющему, по Б.А. Серебренникову, выделительную функцию. Так, в предложениях: 1) *č'el'ad'jdlj loi s'çkta bjittjnj* «детей-то пришлось трудно растить» (пол.); 2) *Sija jęjjaļę da jęjlj* «Он дурачится (с ума сходит) и поэтому ненормальный (сумасшедший)» (тур.) — носители вымских говоров эмфатически выделяют отдельные слова с помощью форматива *-lj*. Но форматив не несет на себе грамматической значимости, вся роль его ограничивается выделительной функцией. Форматив является эмфатической частицей.

Данное предположение нам кажется верным. Форматив сочетается не только с послелогоми, как уже было отмечено, но и агглютинируется к наречным словам, модальным словам: *Kjs'an'keļj snar'ad voç daj sęmin* «Откуда-то снаряды летят да и только» (кош.); *Tęket'ęlj ud'iti vonj* «Еле успел подойти» (княж.).

¹ По утверждению З.И. Кузнецовой, в письменных памятниках XVIII века достигательный падеж еще отсутствовал (71, с. 143).

Интересны примеры типа: *Dəmjs orč'č'a Ivanjaslıkçd* «Дом-то рядом с Ивановым домом» (тур.); *Ivan iz n'in kerkaıdlj viž'çdlj* «Иван уже не посмотрел на дом» (тур.).

Говорящий применяет форматив в существительных других косвенных падежей. Любопытные примеры находим в морфологии XVIII в.:

1) *Spas'itam vosna lovjaslj mijan* «О спасении душ наших» (вм. *Spas'itəm vɛsna lovjasnjmçs mijanlj's'*); 2) *Vos'tas n'ijalj jevangel'je ves'kjdllo* «Откроет им евангелие правды» (вм. *Vos'tas n'ijalj jevangel'je ves'kj'd*); 3) *Los'alomlo mezçslj's' koram* «Мира у господ просим» (вм. *Lçs'alçmçs mezçslj's' koram*).

Мы привлекли весь небольшой материал З. И. Кузнецовой (71, с. 143). Сама автор так объясняет непривычное появление *-lj* или *-lo* в текстах: «может быть, в этих примерах допущены ошибки, букву *s* переписчик спутал с *l*; возможно, в списках отражен диалектный вариант употребления дательного падежа вместо винительного, ср. вымский и ижемский говоры современного коми языка» (71, с. 148). Второе предположение автора ближе к истине.

Таким образом, два столетия назад *-lj* функционировал на достаточно широкой территории коми-зырян. Форматив выступал не только в существительных винительного падежа, но и в именительном; по-видимому, он встречался и в других частях речи (*ves'kjdllo*). Нельзя не заметить, что в примерах З.И. Кузнецовой дательный падеж чаще оформляется суффиксом *-lj*, реже *-lo*. В составе же именительного, винительного и других падежей, также других частей речи нет единства: встречаются *-lç* и *-lj*, в списках Ундольского *-li*.

Нам кажется, древние носители коми языка формативом *-lj* (*-lç*, *-li*), наряду с оформлением дательного падежа, эмфатически выделяли субъект или объект действия. В этом случае *-lj* (*-lç*, *-li*) использовалась как частица.

Таким образом, в современных коми диалектах *-lj*, *-lç* по происхождению можно считать частицами. Но роль форматива *-lj*, кроме эмфатического выделения объекта или субъекта, в вымском диалекте является более широкой. *-lj* имеет также определительно-указательное значение. Агглютинируя к именам существительным именительного и винительного падежей, частица несколько конкретизирует субъект и объект, выделяя их. Например: *Spisoklj n'in abu* «Списка-то уже нет» (кыр.); *Luk turun bidenlj s'etalisnj* «Зелень лука всем раздали» (тур.); *Kinoljçe viž'çdla* «Кинофильмы-то (обычно) смотрю» (синд.). Но когда *-lj* выступает рядом с определенно-притяжательными суффиксами, форматив играет усилительно-выделительную роль.

Положение, что частица *-lj* выступает в определительно-указательном значении, косвенно доказывается её чрезвычайной активностью соединяться с личными и указательными местоимениями, употребляющимися в контексте с конкретным значением: *Pęmn'ita tenęlj pędavecjs'* «Помню тебя продавцом» (весл.); *Kot pę veęc, sijęlj pę i kit vomęc kojšņj* «Кто, мол, утонет, того и бросить в пасть кита» (тур.); *Esijęlj es'kęc loktis gortęc* «Этот бы пришел домой» (княж.); *Oz ladmj tajęlj, tutj-patj kojđjd* «Не подойдет эта (песня), она как ни то, ни сё» (шош.).

В подобных случаях, употребляясь в местоимениях, особенно заметна не падежная роль форматива *-lj*. В аналогичных случаях такая мысль подчеркивалась и Т.И. Фроловой.

«Отличие по линии личных и указательных местоимений винительного падежа состоит в оформлении винительного падежа некоторых личных и указательных местоимений показателем дательного падежа *-lj*, имеющим в данном случае не падежное значение, а значение частицы» (71, с. 137).

Таким образом, имеющийся в вымском диалекте форматив *-lj* по происхождению представляет не падежный оформитель, а частицу, придающую слову усилительно-выделительное и определительно-указательное значения.

§ 2. Лично-притяжательное склонение

Лично-притяжательное склонение имен существительных (см. Приложение 1, Таблица 2) также дифференцируется по говорам. Показателями лично-притяжательного склонения винительного падежа являются: *-ęs*, *-tęc*, *-sę*, *-ņjmęc*, *-ņjđęc*, *-ņjсęc*. В кошецком говоре в первом лице множественного числа встречается вариант на *-ņjmęcs*, во втором лице множественного числа *-ņjтęc*. *-ņjmęcs* и *-ņjтęc* имеются в присыктывкарском говоре. В нижневычегодском диалекте утвердились оба варианта, кошецкий говор оказался ближе к последнему. Как видим, по мере продвижения к верхневымским говорам частота встречаемости более архаичной формы *-ņjmęc*, *-ņjđęc* (76, с. 107) возрастает и, начиная с половницкого говора, превалирует в системе склонения.

Если в падежных творительном, местном, исходном, вступительном, переходном и предельном присыктывкарских говоров (57, с. 60) агглютинируемая форма «мой» употребляется редко или совсем не встречается, то вымские говоры широко применяют *-ęc* или *-jm*: *kerkalan'ęc* «к моему дому», *kerkalan'jm* «к моему дому». Особенность Выми в этом несколько идентична нижневычегодскому ареалу, в котором в двух падежах, приближительном и переходном, отсутствуют упоминаемые показатели (117, с. 193).

Вымский диалект представлен полным падежным рядом.

Порядок присоединения лично-притяжательных суффиксов по говорам Выми не имеет отклонения: в одной группе падежей они стоят перед падежным окончанием, в другой — после него. Инвентарий основного и лично-притяжательного склонений переходного говора отличается от вымского образца только отсутствием эгрессива на *-js'εž'*, *-is'εž'im* (см. Приложение 1, Таблицу 2).

В остальном все вымские говоры, начиная с кошецкого, пользуются единой системой склонения при едином семантическом значении падежей. Значение падежей достаточно полно раскрыто Т.И. Фроловой и нашло освещение в ряде работ (128, с. 52–60; 55; 107, с. 31–34), поэтому во избежание повторения, мы на них не останавливаемся.

§ 3. Выражение категории числа

В выражении категории числа между отдельными говорами отклонений не наблюдается. Та же специфика, что описана Т.И. Фроловой, коснулась и переходного, и других средневымских говоров.

Так, на средней Выми не менее интенсивно, чем в верховьях, употребляется основной показатель категории числа *-jas*. Он встречается: 1) в существительных с собирательным значением: *Tavo ošpjanjas dorε ves'kollī* «В этом году к медвежатам попал» (кырк.); *ε'el'ad'd'as nalεn abu* «Детей у них нет» (княж.); 2) в существительных с отвлеченным значением: *Kosmosjas jīs'jd εni n'igajd vijim žjk* «Про космос нынче книг больше» (шош.); 3) в названиях веществ: *Vesj vajasε kaljllam bjd gožεm* «На р. Весляну едим каждое лето» (кырк.).

Для всех средневымских населенных пунктов характерно образование множественного числа существительных с помощью суффикса *-an*, обозначающих термины родства и собственные имена людей, например: *Mamjdan toon rjnās voasnj* «Мать и вместе с ней другие сегодня вечером придут» (княж.); *Vokεan pukalisnj* «Брат (мой) и другие сидели» (кош.). Интересно, что не находится примеров с множественным числом на *-an*, обозначающих неодушевленные предметы.

В исторической морфологии проводится мысль о генетической связи множественного числа на *-an* с собирательным множественным числом на *-a* (*koz-j-a* «ельник») (107, с. 90). Отличие только в наличии особого детерминатива *-n*, который связывается с древним финно-угорским показателем множественности предметов **nt – *nd* (109, с. 161).

Нет различий в говорах по употреблению таких конструкций имени и глагола, которые не согласуются по линии числа. Вымский диалект распо-

лагает многочисленными примерами данного явления. Приведем некоторые: *Muṣḍeṣṭj podmędęmaḡs' skęṭjṣ* «Почву совсем затоптала скотина» (полов.); *Komlataḡ pjrṣ aḡd da tam* «В комнату зашли отец и мать» (княж.); *Pit' č'ukar loktiṣnj* «Питирим и остальные пришли» (синд.); *Jurjasjṣ zej l'ok da ḡoreḡ kjmę* «Головы очень болезненны и часто мерзнут» (княж.).

Впрочем, специфика данных конструкций входит в область синтаксиса, в область, можно сказать, еще неисследованную.

§ 4. Словообразование имен существительных

В вымском диалекте, как и в других, различаются два основных способа образования имен существительных: способ сложения слов и способ суффиксации.

Вымские сложные слова преимущественно состоят из двух компонентов, каждый из которых может употребляться самостоятельно со своим лексическим значением: *kora|dod'* «зимняя повозка», *kęḡ|toin* «молодой полевой хвощ», *jaga|von'* «повязка на ногах», *kot|koḡžũ* «муравей», *ki|malas* «ощупь» (в-вым.).

Как отмечено Т.И. Фроловой, верхневымские говоры в редких случаях располагают сложными словами, состоящими из трех компонентов: *kok|č'un'|jĵ* «кончик пальца ноги», *gjm|n'ęmač'* «дождевик», *kipom|č'jṣjan* «носовой платок». Несколько примеров приведем из переходной зоны: *pač'|vod'|dor* «передняя часть печи; часть избы перед печью», *t'i|pjdęsla|dor* «ладонь», *t'erka|voz'|din* «основание передней части избы», *jęr'|kĵz'|din* «пах».

Суффиксация в вымских говорах достаточно полно изложена в диссертации Т.И. Фроловой. Нам следует только отметить некоторые локальные различия в их употреблении.

Ряд специфических малопродуктивных или суффиксов субъективной оценки, имеющих в верхних населенных пунктах бассейна, не употребляется носителями переходного говора; некоторые ограничения заметны в деревнях Княжпогостского сельского совета.

Для наглядности приведем суффиксальную систему верхней Выми. Т.И. Фроловой приведены следующие единицы: *-jṣ'*, *-an*, *-ęm*, *-as*, *-ęd*, *-ęs*, *-jṣ*, *-ęḡ*, *-ač'*, *-aj*, *-jm*, *-in'*, *-il'*, *-ko* — отглагольные суффиксы. Субъективную оценку существительным верхней Выми придают: *-uk*, *-ukjan*, *-anej*, *-as's'a*, *-ę*, *-jĵ'*, *-t'ej*, *-ok*, *-ka*. К непродуктивным словообразующим из именных основ суффиксам относятся: *-a*, *-jṣ*, *ęb*, *-jĵ'*, *-ęm*, *-iḡ'*. Вторичные суффиксы представлены: *-tuj*, *-pom*, *-pu*, *-pi*, *-tor*, *-in*, *-lun*.

Абсолютное большинство приведенных суффиксов употребляется во всем бассейне Выми. Однако число их уменьшается по мере приближения к границе двух диалектов. В переходном говоре отсутствуют суффиксы субъективной оценки: *-aj*, *-ko*, *-uk*, *-ukjan*, *-jl'*, *-t'ej*, *-ok*, *-ka* (примеры с верхней Выми: *kokaj* «мотыга», *perjas'ko* «обманщик», *njluk*, *njlukjan* «доченька», *tamjl'* «маменька», *vočjl'* «братик», *Kol'at'ej* «Коленька», *diok* «островок»). Данные суффиксы локализованы в основном в верховьях бассейна, в княжпогостской группе говоров они употребляются редко.

Нижневычегодские говоры (переходная зона) отличаются большей частотностью применения суффиксов абстрагирования *-tuj*, *-lun*: *burlun* «доброта», *mič'lun* «красота», *doljdlun* «радость», *morttuj* «ум, сноровка», *kipođtuj* «сноровка».

И, наконец, для всего диалекта характерно отсутствие суффикса *-šoj*, который заменяется словами *omčl'*, *l'ok* «плохой»: *l'ok rečeta* (ср. *rečetašoj*) «плохая работа», *omčl' včē* (ср. *včēšoj*) «худая лошадь».

Раздел 2. Имя прилагательное

Имена прилагательные в вымском диалекте представляют вполне оформившуюся часть речи со свойственными ей лексико-семантическими и грамматическими признаками.

Исследование имени прилагательного в коми языке уже имеет свою историю (102; 107, с. 158–181).

Как и во всех коми диалектах, в описываемом вымском регионе из общего количества имен прилагательных сравнительно небольшая часть выражает качество или свойство непосредственно своей непроемной основой или производной основой с непроемными суффиксами: *s'us'* «ловкий, умный», *digjd* «ленивый».

Большая часть прилагательных выражает качество или признак не непосредственно, а опосредованно, через отношение к другому предмету, иногда через отношение к обстоятельству или действию: *zē lada pasa mort* «очень скромный, аккуратный человек», *tjč'č'čs oljs's'as* «тамошние жители». Для выражения высшей степени качества в вымских говорах употребляют слова: *zej*, *zē* «очень», *samej* «самый», *ber*, *doza*, *t'aškej* «очень». Последние три характерны только для данного диалекта.

Встречаются также аналитические формы выражения степени: *burjs' kijn'ž'i bur včē včēli* «очень хорошая лошадь была» (пол.); *L'okjs' l'ok mesta taja* «Очень топкое это место» (синд.).

В кандидатской диссертации Т.И. Фроловой посвящен раздел способам словообразования и формам словоизменения вымских прилагательных

(130, с. 232–237). Большой интерес представляет выявленный на верхней Выми целый ряд ныне непродуктивных суффиксов. Изоглоссы распространения непродуктивных суффиксов *-jd*, *-gčm*, *-čd*, *-sa*, *-s'ō*, *-čs*, *-js*, *-čb*, *-čg*, *-jś*, *-jŕ* можно очертить границами вымского диалекта, включая переходный говор. В отличие от продуктивных суффиксов, указанные единицы активной словообразовательной функции не несут и используются в ограниченном количестве слов.

К перечисленным выше единицам мы добавляем еще несколько: *-gō* (*-gow*), *-jĭ'* (*-jĭ'*), *-čr*, *-pom*.

Суффикс *-pom* Т.И. Фроловой отнесен к продуктивным. Нам кажется, здесь следует учитывать употребление данного суффикса, произошедшего от самостоятельного слова *pom* «конец», с весьма узким кругом основ. В диалекте знаем только наиболее часто встречающееся прилагательное *aspom* (*aspom karčm* «свое рукоделие»). Поэтому целесообразнее считать суффикс непродуктивным.

Таким образом, носитель вымского диалекта до настоящих дней сохранил следующие непродуктивные суффиксы прилагательных:

-jd: *bjgd* «бледный, блеклый», *lapjd* «влажный», *sejnd* «поджарый»;

-čd: *d'ežčd* «редкий», *s'irčd* «смолистый»;

-s'ō: *tš'ō rčbčta* «зимняя работа»;

-sa, *-jsa*: *sutsa* «стоячий», *s'iptjsa* «закрытый»;

-js: *matjs* «близкий», *jĭjs* «далекий»;

-čb: *gol'čb* «легко разделяющийся», *č'ol'čb* «быстрый»;

-čg: *vežčg* «ревнивый», *n'il'čg* «скользкий»;

-jś: *zumjś* «хмурый», *pajjś* «широкий»;

-jŕ: *pežjŕ* «при поднятии вверх», *č'izjŕ* «лютый»;

-gčm: *gargčm* «разговорчивый, быстрый», *mužgčm* «толстый»;

-gō, *-gow*: *ježgō*, *ježgow* «беловатый»;

-jĭ': *č'ikjĭ'* «косой, кривой, извилистый» (*č'ikjĭ' šor*);

-čr: *č'ater jura* «с поднятой головой»;

-pom: *aspom* «свой, собственного производства», *kipom* «сделанный вручную».

Перечисленные суффиксы большей частью являются общенациональными, абсолютное большинство имеется в коми диалектах. Суффиксы, по видимому, застывали в диалекте в течение длительного развития языка и в разное время. Поскольку суффиксы известны носителям всех говоров бассейна, можно предположить о широком функционировании их в древнем вымском диалекте. Примерно треть из всех прилагательных, оформленных перечисленными суффиксами, представляют собой основу с неясной морфологической структурой, суффиксы уже не могут быть отделены от кор-

ня, а корень не поддается самостоятельному осмыслению (*pajš* «широкий», *zumjd* «крепкий», *rčskjd* «рыхлый», *gargem* «быстрый», *pežgjr* «загнутый кверху» и другие). В остальных прилагательных корень может иметь еще самостоятельное употребление, или же корень выделяется на основе сопоставления данного слова с другими словами того же корня.

Одной из интересных особенностей в области прилагательных является своеобразие функционирования продуктивных суффиксов *-sa* и *-čs'*. Эта особенность прослеживается в характере выражения отношений между морфемами.

В большинстве коми диалектов прилагательные с суффиксом *-sa* имеют двоякое значение:

1) местонахождение предмета: *čšun ūsa jukmčsas vajs n'jml'čs* «в колодце, что под окном, вода мягкая, неизвестковая (кырк.);

2) происхождение предмета из той или иной местности: *Kos'sa s'orn'ijd rčz'n'ič'č'e* «Речь в деревне Кошки отличается (от нас)» (пол.).

Но в диалекте имеется ряд прилагательных с данным суффиксом, обозначающих принадлежность предмета кому-либо: *Prokurorsa kabala sija kos'ollis* «Прокурорскую бумагу он порвал» (княж.); *Seni č'ulan doras pat'eršiksa pas'kčm doras čšale pilajs* «Там, около чулана, около одежды квартиранта, висит пила» (шош.); *Mil'icijasa mašinačn munjšti* «На милицейской машине немножко проехал» (синд.).

Нетрудно заметить, что вымские говоры несколько расширили словообразовательную роль данного продуктивного суффикса. Обычной формой выражения принадлежности предмета в данной ситуации в большинстве диалектов является существительное в аблативной или адессивной форме: *prokurorljs' bumaga*, *pat'eršiklčn pas'kčm*, — или существительное в нулевой форме: *Mil'icija mašinačn munjšti*.

Вымские говоры отличаются от южных диалектов более широким употреблением прилагательных: на *-čs'*. Суффикс *-čs'* по своему значению близок суффиксу *-a*, но отличается от него более рельефно выраженной категорией множественности. В верхневымских говорах, например, отмечено, что *-čs'* может образовать имя прилагательное, обозначающее содержание вещества на поверхности предмета, также имя прилагательное в значении изобилия чем-либо. Оба значения связаны также с отношением принадлежности. В разделе о прилагательном автором диссертации справедливо отмечено (130, с. 227), что в отличие от суффикса *-a*, выражающего органическую принадлежность, *-čs'* выражает неорганическую принадлежность. Наши примеры из средневымской зоны: *Kor vasjd, mjl'kčs' mestajs, sija šus'e ol'* «Когда местность болотистая, кочковатая, она называется «оль» (согра); *Tati tčs', ves'js tj* «Здесь много озер, везде озера».

Но, по-видимому, отношение принадлежности, выражаемое суффиксом *-čs'* в диалекте сложнее. По нашим наблюдениям, прилагательные, снабженные данным словообразовательным формативом, способны выражать и органическую принадлежность. Основанием могут служить следующие примеры: *č'ukčs' vatč n'ekodlj loč mjč'č'jnj* «некому будет подать мне ковш, наполненный водой»; *Tus'čs'-tus'čs' kojđ loč ljmjjs, šol'das da* «Когда снег сложится, он становится словно зернистым»; *S'ojčs' mujđ ed arnad mustčm* «Глинистая почва ведь очень неприятная, вязкая». В присыктывкарском диалекте, а также принятом литературном языке исследуемые формы отличаются от приведенных выше: *č'ukjčn va, č'ukja va* «вода выше краев», *tus' kojđ ljm* «зернистый снег», *s'ojčđ mi* или *s'oja mi* «глинистая земля».

На основании изложенных данных можем говорить о большей продуктивности суффиксов *-sa* и *-čs'* в вымском регионе, с одной стороны, и с другой стороны, данное явление в диалекте, по-видимому, связано с более слабым в нем развитием, по сравнению с присыктывкарским диалектом и коми литературным языком, дифференциации некоторых формо- и словообразующих формативов. В вымских говорах, например, еще встречаются примеры типа: *koda jura mort* «человек навеселе», *abu varola koka mort* «неторопливый человек», где прилагательные связаны по линии согласования.

Раздел 3. Имя числительное

Отличий от других диалектов коми языка в области значений числительных в описываемых говорах не имеется. Числительные делятся на количественные, порядковые и собирательные.

В кошецко-половницкой зоне после основ количественных числительных, заканчивающихся на мягкий согласный, в порядковых числительных произносятся суффиксы: *-ed*: *n'ol'ed* «четвертый», *kjz'ed* «двадцатый». В остальных вымских говорах выступает *-čđ*: *kojmčđ* «третий», *s'očđ* «сотый».

Собирательные числительные образуются от количественных числительных, кроме *č'i(k)*, *č'i(k)* «один», с помощью суффикса *-nan*.

Ниже мы проиллюстрируем указанные разряды числительных в произношении носителей вымского диалекта:

количественные числительные	порядковые числительные	собирательные числительные
<i>ət'i, ət'i, ət'ik, ət'ik</i> «один»	<i>pervej, medvož'ž'a</i> «первый»	
<i>kik</i> «два»	<i>məd</i> «второй»	<i>kijknan</i> «оба»
<i>kujim</i> «три»	<i>kojməd</i> «третий»	<i>kujimnan</i> «все три»
<i>n'ol'</i> «четыре»	<i>n'ol'ed</i> — кош-пол. <i>n'ol'əd</i> «четвертый» — все говоры	<i>n'ol'nan</i> «все четыре»
<i>vit</i> «пять»	и т.д.	и т.д.
<i>kvajt</i> «шесть»	и т.д.	и т.д.
<i>s'iz'im</i> «семь»	и т.д.	и т.д.
<i>kəkjamjs</i> «восемь»	и т.д.	и т.д.
<i>okmjs</i> «девять»	и т.д.	и т.д.
<i>das</i> «десять»	и т.д.	и т.д.
<i>das ət'i(k)</i> «один- надцать»	<i>das ət'i(k)əd</i> «один- надцатый»	<i>das ət'i(k)nan</i> «все одиннад- цать»
<i>s'iz'imdas da okmjs</i> «семьдесят девять»	<i>s'iz'imdas da okmjsəd</i> «семьдесят девятый»	<i>s'iz'imdas okmjs- nan</i> «все семьде- сят девять»
<i>s'o da kīj' vit</i> «сто двадцать пять»	<i>s'o da kīj' vitəd</i> «сто двадцать пятый»	<i>s'o kīj' vitnan</i> «все сто двад- цать пять»
<i>kəkjamjs's'o</i> «восемьсот»	<i>kəkjamjs's'oəd</i> «восьмисотый»	<i>kəkjamjs's'onan</i> «все восемьсот»
<i>okmjs's'o</i> «девятьсот»	<i>okmjs's'oəd</i> «девятисотый»	<i>okmjs's'onan</i>
<i>tjs'eč'a</i> «тысяча»	<i>tjs'eč'aəd</i> «тысячный»	<i>tjs'eč'anan</i> «вся тысяча»

Собирательные числительные чаще употребляются в синтагме с личными местоимениями, причем на первое место ставится слово с логическим ударением, или с выделяемым словом: *mi kijknannijm* «мы оба», *okmjs-nannjs naja* «все девятеро они». К числительному в этом случае агглютинируется лично-притяжательный суффикс.

Числительное *ət'i(k)* «один» в позиции определения может удваиваться, чем подчеркивается единичность или редкая встречаемость явления: *ət'i-ət'i kok tujad kapkantε in puktj* «На одиночные следы капкан не ставь» (кони); *ət'i-ət'iεn dεstj munalinj* «Не одному исподволь ушли» (онеж.); *Ljm-jas lokištεnj ət'i-ət'iεn* «Снежинки падают по одному» (синд.).

К данному числительному может присоединяться суффикс наличия *-a*: *ət'ia babjs olε* «бабушка одна живет» (кырк.); *ət'ia šεrta sukman* «Сюртук в одну подкладку» (рак.); *ət'ia-ət'ia pel'iž'sε kokalεnj* «единичные (оставшиеся) рябинки клюют» (княж.). Суффикс *-a* может оформлять другие числительные, придавая собирательное значение двоянности, утроенности и т.п. Примеры по говорам: *ižjd ošsε lji, ses's'a i ət'ia ošpi dinε kosi ljinj. Pjšjis. Ses's'a me leč'č'i kjk a ošpi dinε* «Большого медведя застрелил, затем к одному медвежонку кинулся, чтоб застрелить. Убежал. Потом я спустился к остальным двум медвежатам» (онеж.); *L'id'lεn kujima kan'pi s'inmas'enj* «У Лидии три котенка, уже начинают видеть» (кош.).

При выделении количества предметов говорящий часто склонен удваивать числительные, при этом первое отличается от второго суффиксом *-a*: *Mame, a mam, mij ne taja, kojmeđa — kojmeđ pē vis'talεnj?* «Мама, а мама, что же это такое, в третий раз говорят? (кони); *Me ved tenεli kjk-a-kjk lun t'ežlε mεdεdli* «Я ведь тебя на два дня посылала» (рак.).

В Весляне записан пример на примыкание количественного числительного к наречию: *Tuj vjad keč' kjk orč'č'εn mun, tεran* «По дороге хоть вдвоем рядом иди, пройдешь».

В верхневымских же говорах встречена необычная для присыктывкарского и сысольских диалектов конструкция: *San'kajd vεli das ət'i arεs, Val'a okmjs arεs vεli* «Саньке было одиннадцать лет, Вале девять лет было» (тур.). Обычно в коми диалектах данная конструкция выступает в виде: *San'kajdlj vεli das ət'i arεs, Val'alj vεli εkmjs arεs* — или: *San'kajd vεli das ət'i arεsa, Val'a vεli εkmjs arεsa*. Здесь из двух существительных в вымском диалекте оба находятся в номинативной форме. В других диалектах (скр. сс.) один из них обычно имеет суффикс *-a* или показатель косвенного падежа.

Числительные вымского диалекта способны присоединять к себе форматив *-lj*. В основном это субстантивированные числительные: *Eča s'εtεmaεs' da međlj poz'ε dojdnj* «Мало ему дали (за хулиганство), второго может покалечить»; *ət'ilj (ət'ijs') iz i vermj ljiljnj* «Даже один раз не смог выстрелить (в уток)».

Число иногда выражается по формуле «-ε = tεm»: *Men εni kvajtjmjnε kjkεm, mamε vεli s'iz'imdas da n'ol' kuljgas* «Мне сейчас пятьдесят восемь

(досл. в шестьдесят без двух), матери при кончине было семьдесят четыре года» (тур.).

Аналогичные выражения встречаются во фразах, обозначающих взвешивание тяжести, говорят: *n'el'amjŋ vittəm* «сорок килограммов без пяти», *vetjŋjŋ vittəm* «пятьдесят без пяти» и т.д. Но часто количественные числительные выступают в роли примыкающих определений, и тогда формула «-ŋ = -təm» переходит на определяемые ими предметы: *okmjs č'asŋ kjk minuttəm* «в девять часов без двух минут», *das kjk č'asŋ das minuttəm* «в двенадцать часов без десяти минут».

Приведем диалектные примеры на употребление различных числительных: *čpjr ljs'toljs n'ol' l'itra loŋ* «за одну дойку четыре литра (молока) дает» (всл.); *ig č'uktč'č'j da kjas kol'i* «не хлопотал и с двадцатью рублями (пенсии) и остался» (всл.); *sur juanjđ važen stavjs tačəm vġli, mġd-mġdor vuga* «ковши для браги раньше все такие были, ручки с обеих сторон» (тур.); *das vit kjmjn lō-njr ŋedi* «около пятнадцати душ поймал (рябчиков)» (онеж.); *Vežolun-mġd olasnj, i n'ol' jura gundjr n'in loktŋ koras'njŋtŋ* «неделю-другую проживут, и четырехголовый змей уже идет свататься» (шош.).

Раздел 4. Местоимение

Местоимения в описываемом диалекте по своим значениям делятся на следующие группы: личные, усилительно-личные, взаимно-личные, счетно-личные, притяжательные, указательные, вопросительно-относительные, отрицательные, неопределенные и обобщительно-определенные.

Каждая из этих групп включает в себя определенный круг местоимений, отличающихся своими семантическими особенностями и парадигмой склонения.

§ 1. Личные местоимения

Данная группа представлена местоимениями: *me* «я», *te* «ты», *sija* «он, она, оно», *mi* «мы», *ti* «вы», *naja* «они»¹. Такими же личными местоимениями представлены нижняя и верхняя Вычегда. В склонении следует отметить, что в родительном падеже 1 и 2 лица местоимения выступают в вариантах: в переходном говоре *menam* и *mejам* «мой», в остальных — *menam*

¹ О происхождении личных местоимений см. подробнее: 89, с. 237–243.

и *team, tenad* и *tead* (см. Приложение 1, Таблицу 3). В Присыктывкарье распространены *menam, mejam; tenad, tejad*.

Дательный падеж личных местоимений во всех говорах монолитен, имеет также две формы — полную и усеченную: *menjm, men* «мне»; *tenjd* и *ten* «тебе». Изоглоссы этого явления охватывают всю Вычегду, Вымь, Ижму. В Присыктывкарье — *menjm, met* «мне».

Винительный падеж местоимений 1 и 2 лица множественного числа имеет параллельную форму *mijandĉ* «нас», *tijandĉ* «вас» на средней Выми. Местоимения 3 лица единственного и множественного числа имеют суффикс *-ĉ*: *sijĉ, najĉ* «его, их». В присыктывкарской зоне обычно употребляется *-ĉs*. Винительный падеж часто присоединяет форматив *-lj*.

Реже, чем в Присыктывкарье, встречается личное местоимение 1 и 2 лица в приблизительном падеже. Вместо суффикса *-lan'*, обычного для других диалектов, применяется послелог во вступительном падеже: *Ti dincĉ iz bergĉĉ'ĉ'jl (tilan')* «К вам не поворачивался (он)».

В переходном падеже употребляются формы *sjĉd, sjti* «через него».

В четырех падежах во множественном числе — родительном, притяжательном, дательном и винительном — падежные суффиксы присоединяются к полной форме (*mijan, tijan*). Спорадически встречается присоединение суффикса множественного числа *-jas* на месте присыктывкарского *-jan* в косвенных падежах: *Sija arljdnas mijaskĉd vĉli* «Он возрастом одинаков с нами» (тур.).

Типичной же в вымских говорах является такая агглютинация в местоимениях множественного числа, когда к краткой форме 1 и 2 лица (*mi, ti*) присоединяется падежный показатель: *miĉn, tiĉn* «нами, вами»; *mikĉd, tikĉd* «с нами, с вами»; *mitĉg, titĉg* «без нас, без вас»; *mijn, tijn* «в нас, в вас»; *mijs', tijs'* «из нас, из вас»; *mis'an', tis'an'* «от нас, от вас»; *miĉž', tiež'* «до нас, до вас»; *mila, tila* «за нами, за вами».

Нижневычегодский говор, характеризующийся наличием краткой и полной формы в этих же падежах (*mijankĉd, mikĉd* «с нами», *tijans'an', tis'an'* «от вас»), оказал некоторое влияние на кошецкий говор, передав последнему эту особенность. Однако в кошецком превалирует краткая форма, но с фонетическим вариантом, отличающимся от других вымских оригиналов: *miĉn, tiĉn* «нами, вами»; *mijs', tijs'* «из нас, из вас»; *miĉž', tiež'* «до нас, до вас».

В качестве определения личные местоимения 1 и 2 лица единственного и множественного числа выступают в форме именительного падежа: *Cabovjd ed mi d'erevn'ajs'* «Габов-то ведь из нашей деревни» (ёвд.); *Ti ĉ'el'ad' djrjd gaža žĉ vĉli* «Ваше детство тоже веселое было» (пол.).

В форме именительного же падежа местоимения *mi*, *ti* могут стоять и в позиции определения к отглагольному существительному: *Mi munčm bėrin leč'č'edisnj siję ju vilę* «После нашего ухода повели его на реку» (княж.).

Местоимения 1 и 2 лица множественного числа с краткой основой выступают в том случае, когда они стоят перед послелогоми: *Pjžnas mi ves'tę sūtisnj* «В лодке (люди) причалили напротив нас» (кош.); *Ti dinjn oljšta rjęž'js* «У вас побуду до вечера» (княж.).

Местоимения 3 лица единственного и множественного числа в послеложных конструкциях употребляются в краткой форме.

§ 2. Усилительно-личные местоимения

Данную группу составляют местоимения: *ač'jm¹* (кош. *ač'im*)² «я сам», *ač'id* (кош. *ač'id*) «ты сам», *ač'js* (кош. *ač'is*) «он сам», *as'njm* «мы сами», *as'njd* «вы сами», *as'njs* «они сами».

Усилительно-личные местоимения в позиции определения чаще употребляются в краткой форме *-as*. Примеры: *As' s'ojeđen i as n'an'ęn munam* «Своей едой и своим хлебом идем (на работу)» (пол.); *As karęm seki stavjjs vęli* «Самодельное все тогда было» (кош.).

Послелогои также присоединяются к краткой форме *as*: *As vjlas s'ękjdsę bos'tis* «На себя тяжесть взял». Но иногда в послеложных конструкциях местоимение *as* выступает в форме дательного падежа (см. таблицу): *Asljđ vilę buržjk turunę bos'tin?* «Себе получше сено взял?» (тур.)

§ 3. Взаимно-личные местоимения

Только два местоимения: *ęta-męd*, *męda-męd* — в оформлении с падежными формами и послелогоми будут взаимно-личными. Как правило, они употребляются с лично-притяжательными суффиксами, выступающими конкретизаторами лица: *Mi voz' tędmas'lim*, *ęta-mędnjmeę ęni tędam* «Мы давно познакомились, друг друга ныне знаем» (пол.); *Męda-męd s'ert'i sporujtalim* «Из-за нас самих обоих мы спорили» (шош.); *Męda-mędeę djr mi ig až'ž'ilę* «Друг друга давно не видели» (синд.).

¹ К.Е. Майтинская приводит *ачым* в качестве вторичного местоимения, образованного от назывательного слова со значением «душа».

² Переднерядный вариант слов *ачым*, *ачыд*, *ачыс* часто встречается и в половничком говоре.

§ 4. Счетно-личные местоимения

Сюда относятся: *ɕnam* «я один», *ɕnad* «ты один», *ɕnas* «он один», *ɕnannjm* «мы одни», *ɕnannjd* «вы одни», *ɕnannjs* «они одни», *kjknannjm* «мы оба», *kjknannjd* «вы оба», *kjknannjs* «они оба».

В вымских говорах превалирует конструкция, составленная из счетно-личного и личного местоимения: *me ɕnam, ɕnam me; te ɕnad, ɕnad te; sija ɕnas; ɕnas sija; mi ɕnannjm, ɕnannjm mi; mi kjknannjm, kjknannjm mi*. Приведем примеры: *Kjknannjm rɕbitam, a oz pomas's'j* «Мы оба работаем, а не кончается работа» (кони). (*mi kjknannjm rɕbitam; kjknannjm mi rɕbitam*); *Sija ɕnas pijs mams'js jansɕč'č'is* «Он один из сыновей расстался с матерью» (онеж.); *ɕnanjs kujim uroččina kodjisnj* «Они одни три нормы земли выкопали» (тур.); *Naja ɕnannjs vɕlinj. ɕnannjs naja vɕlinj* «Они одни были».

§ 5. Притяжательные местоимения

Как и в других диалектах, например в присыктывкарском, притяжательными выступают различные местоимения:

1) *as* «свой»: *As kerkaas vɕɕta* «В своем доме (она) была, говорят» (кон.);

2) формы родительного и притяжательного падежей личных местоимений: *menam, meam* «мой»; *tenad, tead* «твой»; *sjɕen* «его», *mijan* «наш», *tijan* «ваш», *nalɕen* «их», *mens'jm* (кош. полов. *mens'im*) «мой»; *tens'jd* (*tens'id*) «твой»; *sjɕjs'* «его», *mijans'injm* (*mijans'injm*) «наши», *tijans'injd* (*tijans'injd*) «ваш»; *naljs'* «их»;

3) Формы родительного и притяжательного падежей усиленно-личных местоимений: *aslam* «свой», *aslad* «твой», *aslas* «его», *aslanjm* «наш», *aslanjd* «ваш», *aslanjs* «их», *as's'jm* (кош. полов. *as's'im*) «свой, мой», *as's'jd* (*as's'id*) «свой, твой», *as's'js* (*as's'is*) «свой, его», *as's'injm* (*as's'injm*) «свой, наш», *as's'injd* (*as's'injd*) «свой, ваш», *as's'injs* (*as's'injs*) «свой, их»;

4) Формы личных местоимений 3 лица единственного и множественного числа *sj, sija, na, naja: Pukalim sj t'il'č'e pomjn* «Сидели на его крыльце» (рак.); *Naja ɕsunɕd jlɕž' tɕdale* «С их окон далеко видно»;

5) личные местоимения 1 и 2 лица единственного числа *me* «я», *te* «ты»: *Me s'orn'i s'ert'i dɕnz'is* «Из-за моих речей (он) разозлился» (шош.); *Og puks'j te mestag* «Не сяду на твое место» (онеж.).

§ 6. Указательные местоимения

К ним мы относим диалектные: *ta, taja* «этот», *etaja, etija* «вот этот», *sija, sj* «тот», *esija, esj* «вот тот», *tačəm, tačəmin, tačəmin'ž'i* «такой», *etačəm* «вот такой», *sečəm* «такой», *sečəmin* «такой», *ta mјda* «столько», *eta mјda* «вот столько», *sj mјda, esj mјda* «вот столько», *esјdan* «вот столько», *teje* «тот», *ena* «это, этот, эта», *estaž'ik* «вот так».

Особенностью некоторых указательных местоимений является их способность указывать на различную степень удаленности предмета от говорящего лица: *ta – taja* «этот», *te – teje* «вот тот». Первая пара указывает на ближайший от собеседника предмет, вторая — на отдаленный.

В роли препозитивного определения указательные местоимения изменяются по субъектно-объектным падежам, согласуясь с определяемыми словами: *esјčən mortisјčən* «у того человека», *talјs' mortisјslјs'* «у этого человека», *sјlјs' nјlјslјs'* «у той девушки», *etajjaslј rеbeč'č'eјjasјdlј* «этим рабочим», *sјlј piјslј* «тому сыну», *etajčən єpasneјnas* «этим веслом», *takęd babјskęd* «с этой бабушкой», *etateg ortsas'јs'teg* «без этого помощника», *sјla č'ošęsјla* «за тем поросенком», *etaja zonnјsјla* «за этим парнем».

Винительный падеж указательных местоимений на *-a*, как и винительный падеж личного местоимения 3 лица, имеет суффикс *-є*. Местоимения — *tačəm, sečəm, etačəmin'ž'i* — винительном падеже оформляются суффиксом *-єs*: *Taje sјlј in šu* «Ты это ему не говори» (кош.); *Mark šor doras јamasę čјčęn kodјeņi, etačęmęs* «Около Марк ручья яму роют с разветвлениями, такую» (отл.).

Указательные местоимения, являясь сказуемым, могут принимать суффикс множественности: *Mesneјjasјd tačəm žјkęs' i vјјim* «Местные-то такие и есть» (шош.).

В послеложных конструкциях указательные местоимения *sija, taja* употребляются в кратких формах: *Sј gegęr i garč'č'eņj* «Вокруг него и вьются» (тур.); *Ta s'єrјs' mędędli narmangęs* «Вместе с ним посылала грабли» (кош.).

§ 7. Вопросительно-относительные местоимения

В данный разряд включаем: *kod, kodі* «кто, который», *kodnјm* «кто из нас двоих», *kodnјs* «кто из них двоих», *kodјs* «который из двух», *mјj* «что», *kučəm* «какой», *kučəmin* «какой», *mјs'ama* «что за», *kјmјn* «сколько», *kјmјnęd* «который», *mјta, mјtem, mјnda, mјda, mјj mјda* «сколько».

Некоторые примеры на употребление указанных местоимений: *Kučəmin bur s'us' sјčęn, zoręd č'eņnj oz s'anmј* «Какой уж толк у него, стог не

может стоговать» (пол.); *Mijta geram da kež'am, stavse včd'itlim mi* «Сколько пахали и сеяли, за всем мы и ухаживали» (тур.); *Mijs'ama zav mijan, kjmjin lunja abu gižeta* «Что за заведующий у нас, сколько рабочих дней не записал, оказывается?»; *Me og n'in i tčd, č'užems'js vunč'č'i, kodjs ne?* «Я уже не узнаю, лицо забыла, который из них? (синд.).

§ 8. Отрицательные местоимения

Разряд отрицательных местоимений составляют: *n'ekod(i)* «никто, ничего», *n'imčn, n'inčm* «ничего», *n'ekučm* «никакой», *n'ekodnannjm* «ни один из нас двоих», *n'ekodnannjd* «ни один из вас двоих», *n'ekodnannjs* «ни один из них двоих», *n'ekodnjm* «никто из нас», *n'ekodnjd* «никто из вас», *n'ekodnjs* «никто из них».

Местоимение *n'ekod* в диалекте имеет более широкое значение, нежели в присыктывкарском диалекте. Вымское местоимение обозначает как одушевленный, так и неодушевленный предмет, таким образом, не дифференцируя формально категории одушевленности и неодушевленности: *bekar n'i pan' — n'ekodjs abu* «Чашек ни ложек - ничего нет» (синд.); *N'ekod oz tjdō* «Ничего не видно».

§ 9. Неопределенные местоимения

Вымский диалект располагает следующими неопределенными местоимениями: *kodke, kodikč* «кто-то», *codjskč* «кое-то», *mijkč* «что-то», *mijjaskč* «кое-что», *kučgminkč* «какой-то», *kučgmjškč* «кое-какой», *kjmjnkc* «сколько-то, несколько», *miječkč* «сколько-то», *mijtake* «сколько-то», *mijkč mjda* «сколько-то», *čtkjmjn* «некоторые, кое-кто».

§ 10. Обобщительно-определенные местоимения

В указанном разряде употребляются: *ves'* «всё, все», (*ves'js, ves'čn, ves'njm, ves'njd, ves'njs*), *bjd* «всякий, каждый», *bjdčn* «всякий, каждый», *mukčd* «другие», *stav* «всё, весь».

Местоимением *bjdčn* в диалекте выражаются как одушевленные, так и неодушевленные предметы. В Присыктывкарье его употребление ограничено одушевленными предметами. Примеры по вымскому диалекту: *Pjžse i motorse i bjdčnsč katli* «И лодку, и мотор — все поднимал (на берег) (весл.); *Mortjd bjdčnsč kužč karnj* «Человек все умеет делать» (пол.).

Местоимение *bjɔɕn* употребляется также в роли частицы¹: *Mi bjɔɕn ɕ'ur- ɕ'ormunlim* «Мы даже вздрогнули» (онеж.); *T'erka piɕkjs ves'js bjɔɕn jugjōtuni* «Все внутри дома даже зеблестело» (княж.).

Раздел 5. Глагол

Своеобразные черты вымских говоров в морфологии проявляются также в сфере глагола. Как и в других диалектах коми-зырянского языка, глагол характеризуется наличием форм времени, числа-лица, склонения, вида и залога.

Имеющиеся формальные средства, служащие для выражения утверждения или отрицания в настоящем, будущем и прошлом, мы намерены представить в парадигмах спряжения.

§ 1. Настоящее время

лицо	Утвердительная форма	Отрицательная форма
Единственное число		
1	<i>tupa</i> «я иду»	<i>og tupa</i> «я не иду»
2	<i>tupap</i>	<i>on tupa</i>
3	<i>tupɕ</i>	<i>oz tupa</i>
Множественное число		
1	<i>tupap</i>	<i>og tupaɕ</i>
2	<i>tupannjɔ</i>	<i>on tupaɕ</i>
3	<i>tupɕnj</i>	<i>oz tupaɕnj</i>

Возникновение показателей настоящего времени в коми и удмуртском языках происходило в период их параллельного развития. В процессе дальнейшего развития данных языков каждый из них использовал суффиксальные средства образования форм настоящего времени. Пермские языки продолжали первый диахронический тип (91, с. 112–113) — древний прафинно-угорский тип образования признака настоящего времени от деривационного словообразования, для раннего этапа которого относят возникновение финско-пермского *-p*¹. Следующий этап представляет собой переход словообразовательного суффикса длительно-повторного видового зна-

¹ Здесь, как указывалось в научной литературе (98; 99), таятся следы прежней генетической общности местоимений и частиц.

чения в презенсный формат (107, с. 284–285). В результате обобщения отыменного суффикса на *-a* в коми языках утвердилась схема: *tunam*² «я хожу», *tunan* «ты ходишь» и т.д. В удмуртском языке возник показатель *-s'k*, образовавший особую форму настоящего времени (50, с. 197).

Как видно по таблице, в вымской парадигме имеются некоторые отклонения в сравнении с присыктывкарским диалектом. Форма 2-го лица мн. числа *tunannjd* в описываемом диалекте является единственной, в то время как в центральном диалекте (Присыктывкарье) она функционирует как вариативная наряду с *tunad* «вы идете».

Учитывая аналогичные присыктывкарским древнепермские формы, например: *s'ojadnjd* «вы едите», *tunadnjd* «вы идете» (76, с. 111), — одни исследователи восстанавливают личное окончание 2-го лица ед. числа не *-n*, а *-d* (*-d* в положении перед *n* подверглась ассимиляция, откуда современное окончание *-nnjd* (< *-dnjd*). И далее констатируется: «Материалы родственных финно-угорских языков явно свидетельствуют о том, что древним окончанием 2-го лица ед. ч. было не **-d*, а **-t*» (107, с. 242).

Однако высказывалось также мысль о функционировании в современном личном окончании коми глагола 2-го лица реликта *n*-ового личного местоимения 2-го лица, существовавшего в уральском языке-основе параллельно *t*-овому общеуральскому местоимению того же лица (89, с. 241).

Возможно, *n*-овые формы глаголов 2-го лица ед. числа первого прошедшего времени, приведенные в памятниках древнепермской письменности (76, с. 112), отражают наличие одной из двух имевшихся форм 2-го лица формы на *-n* (по мнению Б.А. Серебренникова). Как отмечает Б.А. Серебренников, различные диалекты языка коми содержат рефлексy этих двух первоначальных форм.

Но является ли современное личное окончание *-n* исторически произошедшим из *n*-ового местоимения, этот вопрос в коми диалектологии, как и в вымских говорах, является окончательно не решенным.

Второе отличие в вымской парадигме презенса от присыктывкарской в отрицательном спряжении. В формах 1-го и 2-го лица множественного числа присыктывкарские отрицательные глаголы факультативно могут оформляться суффиксами множественности *-e*, *-ej*. Во втором лице множественного числа возникает вариативный отрицательный глагол *od* (*ode*,

¹ Причастный суффикс *-P* финно-угорского происхождения, по мнению В.И. Лыткина, является остатком показателя презенса *-a* (*-o*), см. примечания В.И. Лыткина в книге: (45, с. 179).

² Данная глагольная форма широко встречается в ранних письменных коми памятниках (76, с. 111), но уже не обнаруживается в морфологии XVIII века (71, с. 175).

odcj). Вымский отрицательный глагол, спрягаясь только по лицам, не имеет числовых показателей и выступает в единственном варианте: *og* «я не», *on* «ты не», *oz* «он, она не»; *og* «мы не», *on* «вы не», *oz* «вы не».

В «Исторической морфологии пермских языков» высказывалось мнение о том, что отрицательные глаголы пермских языков не имели особых форм для множественного числа (107, с. 282), а формативы для последних, появившихся в Присыктывкарье, на Верхней Вычегде и летском говоре, следует считать инновациями.

Противоположную точку зрения выдвинул удмуртский диалектолог В.К. Кельмаков, расценивающий отсутствие спрягаемых форм глагола во множественном числе отдаленных финно-угорских языков как утерю его в более позднее время. Для пермских языков автор предполагает имевшийся процесс постепенного разложения системы спряжения отрицательных глаголов (63, с. 399–400).

Очевидно, учитывая то, что в северных диалектах языка коми мы не имеем числовую дистинктивацию, но обнаруживаем в южных, далее в коми-пермяцких говорах, в мордовских и марийских языках, с более широким привлечением диалектного материала следует разрешить вопрос об исторической тенденции развития парадигмы спряжения отрицательных глаголов.

§ 2. Настояще-будущее время

Формы будущего времени в разных ветвях финно-угорских языков появились в результате параллельного развития, причиной же их возникновения следует считать стремление к более точному и дифференцированному выражению временных значений (87, с. 82).

Пермские языки, выработав формы выражения будущего действия или состояния после прапермского периода (107, с. 274), характеризуются некоторой однотипностью возникновения моделей будущего времени. Первый тип образовался в результате использования особого рода личных окончаний. Таблица спряжения глагола, например, *типпј* «идти» в вымском диалекте выглядит следующим образом:

лицо	Утвердительная форма	Отрицательная форма
Единственное число		
1	<i>tuna</i> «я иду»	<i>og tun</i> «я не иду»
2	<i>tunap</i>	<i>on tun</i>
3	<i>tunç</i>	<i>oz tun</i>
Множественное число		
1	<i>tunam</i>	<i>og tunç</i>
2	<i>tunannjd</i>	<i>on tunç</i>
3	<i>tunasnj, munasç</i>	<i>oz munnj</i>

Изложенные формы отличаются от соответствующей парадигмы при-сыктывкарских говоров. Вариативная форма 3 лица множественного числа (*munasç*, скр. *tunasnj*) в единичных случаях сохранилась в описываемом диалекте, как остаток архаического состояния, характерного для общепермского языка. Аналогичное личное окончание функционирует в коми-пермяцком (*munasç* «они пойдут») и в несколько ином фонетическом варианте в удмуртском (*mjnozj* «они пойдут») языках. Перечисленные формы будущего времени мы также объясняем как переосмысленные личные формы настоящего времени: суффикс 3-го лица *-as* — это рефлекс исконного прафинно-угорского личного окончания 3-го лица *-sç*, которое в личном окончании настоящего времени отпало, а гласная *a* не является по происхождению суффиксальным элементом, она восходит к конечному гласному глагольной основы (83, с. 109–110).

Формой глагола будущего времени носители диалекта обычно выражают действие, спроецированное в план предстоящего: *Viz' vjlad bur maz' zerjd s'etas* «На луга хорошую мазь (добрую поливку) дождь-то даст» (пол.); *Kuč' te toon leč'č'an* «Как ты сегодня поедешь?» (тур.); *Med n'euna vič'č'asnj!* «Пусть немного подождут!» (кырк.)

Диалект пользуется данной формой и при описании действия давно прошедшего времени, часто неочевидного: *Ūlan' juras'asnj da vjlan' kokas'asnj sportsmenjd* «Окажутся, бывало, спортсмены вниз головой и вверх ногами» (княж.); *Islas'asnj djr, lukas'lasnj, bara kaasnj* «Катаются долго, сталкиваются, опять поднимутся» (кош.).

Кроме будущего простого времени, в вымских говорах часто употребляется будущее второе, образуемое аналитическим путем из вспомогательного глагола *kuč'č'jnj*¹ «начинать» и инфинитива. При этом именуются ло-

¹ *Kuč'č'jnj* — местный вариант слова *kutnj* «начинать». *Kuta gižnj, kutin gižnj, kutis gižnj* — на Выми преобразовалось в *kuč'č'a, kuč'č'in, kuč'č'is*. По-видимому, особую роль здесь сыграл суффикс *-s'*, являющийся видовым, обозначающий

кальные варианты. В кошечком (переходном) говоре вместо *kuč'č'ijnj* используется *pondijnj* (нижневыходский вариант). В Половниках сосуществуют обе формы (*kuč'č'ijnj, pondijnj*), а в Княжпогосте утвердился вымский вариант, но при редкой встречаемости *pondijnj* «начинать».

I. Переходная зона

лицо	Утвердительная форма	Отрицательная форма
Единственное число		
1	<i>ponda munnj</i> «буду идти»	<i>og pondj munnj</i> «не буду идти»
2	<i>pondan munnj</i>	<i>og pondj munnj</i>
3	<i>pondas munnj</i>	<i>oz pondj munnj</i>
Множественное число		
1	<i>pondam munnj</i>	<i>og pondε munnj</i>
2	<i>pondannjd munnj</i>	<i>on pondε munnj</i>
3	<i>pondasnj munnj</i>	<i>oz pondijnj munnj</i>

II. Вымские говоры

лицо	Утвердительная форма	Отрицательная форма
Единственное число		
1	<i>kuč'č'a gižnj</i> «буду писать»	<i>og kuč'č'j gižnj</i> «не буду писать»
2	<i>kuč'č'an gižnj</i>	<i>on kuč'č'j gižnj</i>
3	<i>kuč'č'as gižnj</i>	<i>oz kuč'č'j gižnj</i>
Множественное число		
1	<i>kuč'č'am gižnj</i>	<i>og kuč'č'ε gižnj</i>
2	<i>kuč'č'anjd gižnj</i>	<i>og kuč'č'ε gižnj</i>
3	<i>kuč'č'asnj gižnj</i>	<i>oz kuč'č'ijnj gižnj</i>

В вымском диалекте особенно рельефно обнаруживается различие видовой направленности между первым и вторым будущими временами. Первое будущее, как и в других диалектах коми, обозначают действие, которое должно совершаться в будущем. Б.А. Серебренников предполагает, что первоначально формы с элементом *s* в общепермском языке выражали действия совершенного вида (достигшие предела) (107, с. 273). Форма тре-

длительное незаконченное действие (*kuč'č'ijnj < kut - s' - inj*).

тьего лица на -s стала обозначать действие будущего совершенного вида: *Vajs pjalas* «Вода-то согреется» (разг.).

Второе будущее всегда обозначает длительное, незавершенное действие, относимое к плану будущего. Вымский вспомогательный глагол *kuč'č'jnĭ* (*kutnĭ* «начинать» — скр.) обозначает действие, проецированное в план будущего, но отличающееся идеей подчеркнутой длительности, незавершенности, более заметной, чем в присыктывкарском диалекте: *Nōljnĭ kuč'č'asnĭ ves'sg, tēļēč'itasnĭ, žuglasnĭ* «Растаскивать все будут, растрянжируют, поломают» (кырк.); *Perinaĭs tič'kĭs'ēma da kuč'č'a verz'ēdnĭ* «Перина-то стала жесткой, скомкалась, поэтому буду взбивать» (кырк.).

Аналитические формы будущего времени ученые считают преобразованием; коми диалекты выработали их под непосредственным влиянием русских говоров (108, с. 84).

На современном этапе многие финно-угорские языки (прибалтийско-финские, удмуртский, хантыйский) обнаруживают тенденцию к созданию аналитических форм. Эти особые формы будущего времени приспособляются для выражения несовершенного вида (112, с. 95).

В вымском диалекте участвуют также аналитические конструкции будущего времени, вспомогательные компоненты которых образованы от глаголов модального значения: *кэсĭjnĭ* «хотеть», *тэĭdnĭ* «начинать».

В вымских говорах, кроме двух изложенных типов образования будущего времени, выявляется супплетивный способ, ограниченный, в отличие от первых двух, микросистемой глагола бытия *vĭĭjm* (*vĭĭjm, vĭm* — переходная зона) «есть».

Формы будущего времени образуются от общефинно-угорского * *lē*, дошедшего до общепермского в форме * *lo* (85, с. 161).

Представляем парадигму спряжения:

лицо	Утвердительная форма	Отрицательная форма
Единственное число		
1	<i>loa</i> «я буду»	<i>og lo</i> «я не буду»
2	<i>loan</i>	<i>on lo</i>
3	<i>loē</i>	<i>oz lo</i>
Множественное число		
1	<i>loam</i>	<i>og loē</i>
2	<i>loannĭd</i>	<i>on loē</i>
3	<i>loĭnĭ</i>	<i>oz lonĭ</i>

Как показывает наш обзор, в диалекте существует несколько способов выражения фугурума. Выбор способов в одних случаях зависит от тенденции к видовому разграничению, в других же обусловлен стилистическими признаками.

§ 3. Первое прошедшее (претерит)

лицо	Утвердительная форма	Отрицательная форма
Единственное число		
1	<i>muni</i> «я шёл»	<i>ig mun</i> «я не шёл»
2	<i>munin</i>	<i>in mun</i>
3	<i>muni(s)</i>	<i>iz mun</i>
Множественное число		
1	<i>munim</i> «мы ушли»	<i>ig munç</i> «мы не ушли»
2	<i>muninnjđ</i>	<i>in munç</i>
3	<i>muni(s)nĵ</i>	<i>iz munnĵ</i>

Третье лицо ед. и мн. числа имеет дублетные окончания *-is*, *-isnĵ* — *-i*, *-inĵ*. Основная масса вымских глаголов принимает *-is*, *-isnĵ*, как и в остальных коми диалектах.

Усеченный вариант нами зафиксирован в глаголах: *vĕli* «был», *loi* «стало», *voši* «потерялся», *kol'i* «остался», *bĵri* «кончился», *vuni* «забыл», *kuli* «умер», *ĉ'uži* «родился», *s'uri* «нашелся», *tĵri* «наполнился», *us'i* «упал», *sĵli* «растаял», *muni* «ушел» и другие. Примеры: *Babajđ s'ĉkti* «Жена забеременела» (весл.); *Lobĉsĵas tĵrali premjŝen* «Лесные амбары наполнились пушшиной» (ран.); *A kĵs' nĉ sĵa s'uri?* «А где он (гриб) нашелся?» (пол.); *ĉ't'ik i ŝedi* «Одна и попалась (рыба)» (пол.); *Ves' ĉ'vetĵs kĵlali* «Все цветы полили» (княж.); *S'a bara sodinĵ ĉ'el'ad'ĵđ* «Потом опять прибавилось детей» (пол.); *Vokĉ ĉ'el'ad'ĉ veĵi* «У моего брата много детей» (ран.); *ĉ't'i pel'as sĵa pĵri — mu ĵĵmakĵĉ* «В одно ухо он залез — земля дрожит» (кон.); *Teĵad piĵđ vošli?* «Твой сын пропадал?» (кош.); *ĵllajs ĵrkali, pal'ali* «На улице стало прохладно, свежо» (весл.); *Pu ũĵĵs'i-pĉri*. «Дерево с шумом упало» (весл.); *N'ept pis'ti regĵđ mĵs'ti* «Нефть ударила через некоторое время» (онеж.); *Tĉ da ĵi peti mĉđ asĵ* «Ветер студёный появился на следующее утро, и заledenело» (онеж.); *Tĵrĵs n'in ĵĉĵs us'aliniĵ, unĵĵkĵs moreĉĉ ĵĵlali* «Много уже людей погибло, большинство в море оказались» (онеж.); *Vĉ kuli, mĉs kuli, aĉ'ĵs kornĵ peti* «Лошадь пала, корова пала, сам побираться пошёл»; *Jovva vomĵs' bara ĉ'eri s'urali* «В устье Елвы опять рыбу поймали» (онеж.); *Val'ajs ĵunĵ velali* «Валя-то пить научилась» (кош.).

В литературном коми языке краткая форма 3-го лица без *-s* употребляется только с некоторыми глаголами состояния, как *poti* «он лопнул», *ori* «порвалось (оторвалось)», *kuli* «умер(ла)».

В удорском говоре при помощи личных форм (*-i*, *-is*) образуются видовые различия глагола (116, с. 485). Глаголы, обозначающие длительное действие, в 3 лице первого прошедшего времени употребляются с личными окончаниями *-i* (ед. ч.), *-inj* (мн. ч.). Глаголы, обозначающие действие как нечто законченное в его целостности, в 3 лице первого прошедшего времени употребляются с личными окончаниями *-is*, *-isnj*. В вымском диалекте без *s*-овые формы встречаются в непереходных глаголах.

По-видимому, вымские говоры также знали видовое различие по при знаку личных форм. Во всяком случае, усеченную форму знают не только глаголы состояния, как в литературном языке, но и действия: *us'i* «он упал», *tuni* «ушел(ла)», *pabjali* «пророс (картофель)», *žugali* «сломался». В настоящее время различие значений длительности и законченности в вымском диалекте выветрилось. Вопрос является сложным и требует более глубокого исследования.

Что касается глагола *tunnj* «идти», в вымских говорах в 3-м лице он чаще употребляется в форме *tuni*, *tuninj* «ушел, ушли». В составе изобразительных глаголов, как правило, *tunnj* в 3-м лице как в единственном, так и множественном числе употребляется с усечённой формой: *šjn'muni* «незаметно ушел», *ž'žmuni* «быстро сгорел», *z'il'kmuni* «разбилась со звоном». Но имеются примеры, где, по нашему мнению, сохранился реликт былой дифференцированности видовых значений законченности и незаконченности. Приведем предложения с одним и тем же глаголом *tunis* «он ушел»: *Munis voke da kjč'čke ĵdis, luntjr iz vo* «Ушел брат и куда-то запропастился, целый день не приходил» (весл.); *I sija bara as kerkaas munis* «И он опять ушел в свой дом» (шош.); *Kupeč' ji kud ulč' munis* «Купец под лед ушел» (онеж.). В предложениях глаголы, как правило, обозначают законченное действие и имеют одинаковую форму (полную).

В рассказе охотника, записанном Т.И. Жилиной в Онежье, фиксируем: *Ruč' leč'č'is ber ju vjč' i katjd muni dorj'jūis. Munis rj potęž'is daj seti vužiš tač'č'č'* «Лиса спустилась обратно на реку и пошла вверх по кромке льда. Дошла до открытого места и там перешла в нашу сторону». Очевидно, в первом предложении глаголом *tunnj* рассказчик передал длящийся во времени процесс передвижения, т.е. продолжающееся, незаконченное действие субъекта. Во втором предложении действие ограничено пределом, движение завершено — *tunis rj potęž'is (ruč')* «ушла (лиса) до открытого места», поэтому, возможно, для носителя диалекта более точной явилась полная форма на *-s*. Как видим, охотник передал разнохарак-

терные действия разными формами одного и того же глагола. *Muni* ассоциируется с несовершенным видом, *tunis* — с совершенным.

§ 4. Второе прошедшее время (перфект)

Особо следует остановиться на перфекте, закрепившем за собой термин «неочевидно-результативное время» (115, с. 215). Вымский перфект, образуемый при помощи причастия прошедшего времени, обозначает не только минувшее действие, которое полностью закончено к моменту высказывания. Неочевидно-результативное время используется говорящим при подчеркивании произвольного действия, при котором неизвестны сопутствующие моменты: *Me mams'jm kol'ema etik arcn* «Я годовалым ребенком остался без матери»; *N'inem og pemn'it, kuži gortę loktęma* «Ничего не помню, как я пришел домой»; *Jeljs jęęęma, jęęjd kojđ* «Молоко подмерзло, оно как подмерзшее»; *Jajte bigęęęmaęs' illaę s'or vjle* «Мясо-то они на улице на шести развесили для просушки».

Модальное значение, особенно рельефно выступающее в 1 лице, могло возникнуть только на базе перфектного значения этого времени. «В преобладающем большинстве случаев говорящий, констатирующий результат действия, сам не является очевидцем этого действия. Это обстоятельство послужило базой для развития у перфекта модального значения неочевидности» (107, с. 166).

В отличие от присыктывкарского диалекта, в парадигме спряжения вымского перфекта обнаруживаются некоторые особенности:

лицо	Единственное число	Множественное число
1	<i>te tunęęma</i> «я ушел, оказывается»	<i>ti tunęęmaęs'</i> «мы ушли оказывается»
2	<i>te tunęęmjđ</i> «ты ушел, оказывается»	<i>ti tunęęmnjđ</i> «вы ушли, оказывается»
3	<i>sija tunęęma</i> «он ушел, оказывается»	<i>naja tunęęmaęs'</i> «они ушли, оказывается»

В принятом литературном языке отсутствуют формы 1 лица единственного и множественного числа. Изложенная схема уточняет парадигму спряжения вымского перфекта, данную в предшествующей лингвистической литературе (116, с. 480), в которой еще не указывались имеющиеся в вымском диалекте формы перфекта 1 лица множественного числа. Наши материалы свидетельствуют об их наличии: *Mi na ž'ol'aęs' velemaęs'*

«Мы еще маленькие были (тогда)» (шош.); *Munğmaçs' mi jžjd n'ur saje* «Ушли мы за большое болото» (шош.); *Mi ed sijelj abu velalçmaçs' da* «Мы ведь не обучены этому» (тур.); *Mi taj vjljsas petkçç'č'is's'alçmaçs'-a* «Мы, оказывается, наверху показывались» (синд.).

Поэт и лингвист И.А. Куратов допускал функционирование данной формы в литературном коми языке прошлого столетия (72).

Как известно, основой перфектного глагола в пермских языках является причастие на *-м* (107, с. 257). В вымских глаголах мы наблюдаем наращение на *-а*. Причастия на *-м* в более древнее время имели именную природу. Из этого причастия, возможность которого функционировать в предложении в роли сказуемого допускает историческая морфология, берет начало современное второе прошедшее время. Со временем причастия все больше отрывались от категории причастий и переосмысливались: они перестали означать качество субъекта и стали выражать его действие в процессе протекания. Специфичным в диалекте является и то, что процесс переосмысливания причастия в перфект идет и в настоящее время. Об этом свидетельствуют многочисленные примеры, где перфект совмещает и качество субъекта, и его действие: *Me munğma samej veressajç* «Я как раз к тому времени вышла замуж» (княж.); *Penzija vjlad me kvajt vo n'in petçma* «Я шесть лет тому назад вышла на пенсию» (кырк.); *Mi taj petçmaçs'-a* «Мы сыты»; *Kerkanjçç s'iptçma çni* «Дом (у них) теперь закрыт». Древнему причастию, будучи сказуемым в предложении, необходимо было иметь указание на отнесенность к лицу, числу, времени, и причастие агглютинировало их. Об этом свидетельствуют реликтовые явления. Некоторый интерес представляют формы перфекта 2 лица единственного числа. В верхневымских говорах наличествуют примеры, где отсутствует согласование в лице: *Sarlj šuç: te pç taj bura t'ešič'č'çma narodjs vjle* (сказка) «Царю говорит (Иван), ты, оказывается сильно издевался над народом»; *Mij s'ert'i te toon voč'č'çma* «Почему ты сегодня принарядилась?». Как видим, личные окончания 2-го лица уподобились окончаниям 1 и 3 лица.

Эти примеры свидетельствуют об определенной тенденции к сохранению более древнего состояния перфекта. Такую аналогию мы имеем в ижемских говорах, где парадигма спряжения представляет следующий вид: *te tunçta, te tunçta, sija tunçta, mi tunçtaçs', ti tunçtaçs', naja tunçtaçs'* «Я ушел, ты ушел, он ушел и т.д.». То же самое явление наблюдается в верхнесысольском и коми-пермяцком говорах (107, с. 265).

Таким образом, глагольные формы прошедшего времени обозначают действие, совершившееся или совершавшееся до момента речи. Кроме формальных различий, первое и второе прошедшее время различаются и семантически: если формы первого прошедшего времени акцентируют

внимание в основном на самом протекании действия в прошлом до момента речи в присутствии говорящего или передают протекание действия так, будто говорящий был очевидцем, то глаголы второго прошедшего времени обозначают главным образом результат совершившегося действия в прошлом. При этом эти формы обозначают, что говорящий не был очевидцем протекания действия, а ему известен лишь результат действия. Отсюда прошедшее второе имеет модальный оттенок неочевидности.

Помимо указанных выше форм претерита и перфекта, вымичане часто прибегают к условно называемым нами «аналитическим формам» выражения прошедшего времени, но не являющимися самостоятельными формами прошедшего времени. Как и в других диалектах, на Выми употребительны претерит и перфект, образованные в сочетании с застывшими супплетивными формами от *lonj* «быть» — *vĕli*, *vĕĕm*, превратившимися в частицы. Последние могут присоединяться к глагольным формам как единственного, так и множественного числа, придавая различные стилистические нюансы прошедшего времени (83, с. 170–171). Примеры: *Vartam vĕli, pestĕ pil'itam, siž'ik ollim taj-a* «Молотим бывало, дрова пилили, так и жили» (пол.); *Ses'a vĕli Us'vimež'jd t'erte kĭĕdam* «Потом бывало до Усть-Выми сплавляем лес-то» (пол.). Личная форма презенса в сочетании с частицей обозначает прошлое действие, как длительный процесс: *Belejasjd tač'č'ĕ vĕĕm kĕsĕnj loknj* «Белые, оказывается, сюда собирались нагрнуть» (княж.); *Mam ĕtnas, bat' ses'a pl'enĕ D'erman'ijaĕ s'urĕma vĕli* «Мать одна, отец потом в плен в Германию попал, оказывается» (кырк.); *Mijan taj vok voššič'ajtĕma vič'koĕ, vis'tollĕ, bogateja pĕ oĕnj, ves'js pĕ sen starĕver* «Мой брат, оказывается, возчиком был при церкви, рассказывает, богато-де там живут, все там (на Цильме) староверы» (тур.). В данных предложениях содержится значение неочевидности, придаваемое или перфектом, или частицей *vĕĕm*, иногда обоими указанными компонентами.

§ 5. Категория вида

Вымский диалект интересен функционированием видового суффикса *-s'* (*-č'*). Как и в удорском и ижемском диалектах (116, с. 485), глаголы с видовым суффиксом *-s'* (*-č'*) всегда обозначают диалектное незаконченное действие: *Kon'ĕ muns'ĕnj vojtr'js* «В деревню Кони идет (едет) народ» (тур.); *Ač'js gižs'ĕ i ljd'd'js'ĕ sen* «Сам пишет и читает там» (онеж.); *Mij nĕ sija seni ĕsas'ĕ?* «Что он там (долго) развешивает?»; *Gorzjs'i mjĭta, us'i sen da* «Сколько я кричала (о помощи) после падения»; *Tavo tati pessĕ nŏljs'ĕnj* «В этом году здесь дрова возят»; *T'el'evizortĕ viž'ĕč'ĕ'am dĕstĭk* «Телевизор смотрим часто»; *Tĕž'js'ĕ vĕĕm mašinad da zuras'ĕma* «Быстро ехал, ока-

зывается, на машине, и столкнулся»; *S'emjon ičkjs'ε* «Семен косит»; *Vojnas sar pemjd vajas'εnj* «Ночью, в непроглядную темень, они (сено) возят».

Основную массу встречающихся примеров составляют глаголы действия и движения: *Pjšjas'ε sija kenke verjasjn* «Прячется он где-то в лесах» (тур.); *Kjk mužik zjrεč'č'isnj da dorjjsnj pons'js* «Два мужика прибежали и защитили от собаки» (синд.). Встречаются также некоторые глаголы состояния; отмечены глаголы, выражающие явления природы. Примеры: *S'intεms'εnj naja stavnjjs, rεdjs sečεm* «Слепнут они все, род (у них) такой»; *Požεmjasjs žūgjs'εnj zer vož'ad* «Сосны шумят перед дождем».

Особо показательна форма повелительного наклонения с данным видовым суффиксом, при помощи которого подчеркивают длительность действия: *Pukas', pukas', in termas'* «Сиди, сиди, не спеши» (синд.).

Историческая морфология объясняет синкретичность *-s'* тем, что «древний суффикс **s'* некогда обозначал длительное действие, совершаемое обычно в силу привычки или постоянной необходимости. Позднее в языке коми суффикс приобрел залоговое значение» (107, с. 326–327). Этот же суффикс *-s'*, указывающий на длительность протекания действия как состояния, послужил базой для образования 1 и 2 лица настоящего времени в удмуртском языке (83, с. 112).

Основная функция суффикса *-s'* в вымской речи, как и в удорском диалекте (83, с. 111) — это образование процессуального вида, выражающего длительность действия, например, *tunε* «идет» (обозначает действие безотносительно к способу протекания его), *muns'ε* «идет» (когда-то началось движение и продолжается). В вымских говорах, как в средневымских, так и верхневымских, *-s'* со значением процессуального вида находит довольно частое применение, но утверждать об основной функции — выражения процессуального действия, на наш взгляд, будет натяжкой, *-s'* утвердился на Выми как залоговый показатель и как видовой суффикс. Частотность применения суффикса для выражения процессуального вида в вымских диалектах явно уступает частотности его употребления в удорских говорах.

Вторая особенность в видовых явлениях в том, что суффикс *-ō* (сс. *-al*) в вымском диалекте отличается исключительной многозначностью. Одним из интересных явлений в диалекте является наличие дистрибутивного (распределительного) глагольного вида. Суффикс *-ō* (*-al*) обычно придает глаголу дистрибутивное действие, т.е. действие, совершаемое в нескольких местах и несколькими субъектами, или действие, совершаемое одним субъектом, но направленное на различные объекты: *Ružejaste es'ke seč'ε kojali n'in da* «Ружья-то я уж побросал туда»; *Etaja tuj s'ert'ijđ dεstj sporuj-talisnj* «Из-за этой дороги спорили вовсю»; *Naja ed bjdεnεs karalasnj* «Они

ведь все сделают (на все способны)». Примеры приведены из шошецкого и онежского говоров.

Употребление показателя распределительности в диалекте отмечается большой частотностью, чем в присыктывкарском регионе. Диалект прибегает к данному виду там, где, с точки зрения носителя, например, присыктывкарского говора, никак не мыслится дистрибутивное действие. Различие, в частности, обнаруживается при обозначении однократного действия одного субъекта, направленного на множество объектов.

	Вымский диалект	Присыктывкарские гово- ры
1.	<i>Sija vetlas daj vajędalis krasnej-jastę</i> «Она съездила и привезла красноармейцев».	<i>Sije vetlas daj vajędas krasnejjastę.</i>
2.	<i>Mamę vęlen naję nuędalis Jeręsad</i> «Моя мать на лошади отвезла их в деревню Йөрөс».	<i>Mamę vęlen najęs nuędis Jeręsad.</i>
3.	<i>Munalim batal'onęn</i> «Шли (прошли) батальоном».	<i>Munim batal'onęn.</i>
4.	<i>Prikačikjdlęn tęvarjys voşę da sije sud'italasnj</i> «У приказчика пропал товар, и его засудили».	<i>Prikačikjdlęn tęvarjys voşę da sije sud'itasnj.</i>

Дистрибутивное, многократное действие наличествует в следующих примерах: *Lunjs kuz'malę, vojjs žen'n'alę* «День удлиняется, ночь укорачивается»; *Č'el'ad'tę bura viž'alę ėni* «Детей сейчас (она) хорошо воспитывает»; *Ves'l'anaas vomjs'tijs doza jualęma* «После переезда в Весляну сильно выпивал»; *Sto gramnad jualisnj da muninj* «Выпили по сто граммов и разошлись».

В Присыктывкарье эти же глаголы приобретают форму: *kuz'ammę, žen'dammę, viž'ę, juljvlęma, juisnj*. Они употребляются в данных высказываниях без суффикса *-al*.

Как видно из материала, вымичане оформляют однократное или кратковременное действие дистрибутивным, многократным глаголом. Очевидно, в сознании говорящего однократное действие, направленное на множество объектов, мыслится как многократное и оформляется соответствующим показателем (*I*). Древний суффикс *-l* являлся показателем многократного действия, а рассредоточенное действие представляло собой разновидность многократного действия (107, с. 234).

Историческая морфология констатирует, что в современных пермских языках категория глаголов с суффиксом *-l* в количественном отношении увеличилась. К ней принадлежат многие глаголы, не обозначающие рассредоточенного действия. Особенно велико число таких глаголов в удмуртском языке. По-видимому, здесь сказывается влияние русского языка к передаче видовых пар русского глагола (107, с. 321–322).

Вымские говоры, как и другие коми диалекты, очень богаты суффиксами; выражающими различные значения. В силу их неодинаковой грамматизации, а также синкретичности многих из них трудно провести четкую классификацию суффиксов на виды. Кроме того, общеизвестна способность к контаминированию двух или нескольких единиц, придающих действию самые различные нюансы значений. Поэтому считаем целесообразным предварительно рассматривать слова и формообразовательный инвентарий в следующих видовых классах:

1) длительный, обозначающий действие, процесс которого протекает в течение длительного времени (*kotrōnj* «бегать», *l'ivzjnj* «плакать, вопить», *pukas'nj* «долго сидеть»);

2) многократный, обозначающий действие, состоящее из ряда однократных или кратковременных действий (*s'inlj rijjillnj* «бывать куриной слепоте», *vač'kōnj* «ударять», *čėkėdljnj* «делать более частым»);

3) уменьшительный, обозначающий действие малой меры (*kjzjšnj* «покашлять», *pal'čč'ė'jšnj* «фразогнать сон»);

4) кратковременный (*kal'č'ōnj* «крючок», *voljnj* «приходить», *tuša n'i nuža iz tėdljnj* «они тягот не испытали»);

5) распределительный, или дистрибутивный, обозначающий рассредоточенное во времени или пространстве действие (*vodōnj* «ложиться», *kors'ōnj* «искать»);

6) однократно-мгновенный (*zogn'itnj* «ударить», *orotnj* «срезать, сократить», *ojojtjnj* «ойкнуть», *kos'čbtjnj* «сильно ударить с размаху»);

7) начинательный, обозначающий начало какого-либо действия (*jĵmjnj* «размножиться», *lebz'jnj* «полететь»);

8) законченный (*inmjnj* «найти место, устроиться», *ljs'tjs's'jnj* «закончиться дойке»).

§ 6. Категория залога

Как и во всех коми-зырянских диалектах, в вымских говорах имеются следующие залого: возвратный и невозвратный, понудительный и непону-

дительный.¹ Обе группы перекрещивают друг друга, т.е. глаголы возвратного и невозвратного залога могут иметь как понудительную форму, так и непонудительную; и наоборот, как понудительные, так и непонудительные глаголы могут иметь форму двух остальных залогов. Для коми диалектов характерно то, что залоговое значение зачастую весьма тесно переплетено с видовым. Необычными, например, могут показаться носителю присыктывкарского диалекта следующие конструкции, употребительные на Выми:

	Вымский диалект	Присыктывкарские говоры
1.	<i>Tenad kolę tędmędnj poč'tasę</i> «Тебе надо узнать про почту».	<i>Tenad kolę tędmavnj poč'tasę.</i>
2.	<i>Oš šuę, te pę pjřō, vojłędlj kukan'n'assę, me pę taten nač'kędala</i> «Медведь говорит, ты зайди, всполоши телят, а я, мол, здесь задущу».	<i>Oš šuę, te pę pjřav, povz'ędlj kukan'jassę, me pę tatęn nač'kala.</i>
3.	<i>S'u vesędnj menęli čęktisnj</i> «Мне велели рожь провезть».	<i>S'u vesavnj menjm čęktisnj.</i>
4.	<i>Ivan ū-bad' mozdoras sęłędas da siž'i i loktę</i> «Иван возьмет охапку хвороста и так идет».	<i>Ivan uv-bad' mozdoras sęlas da siž'i i loktę.</i>
5.	<i>Gęlbęč'ad viž'ędмаęs' jajsę</i> «В голбце держали мясо».	<i>Gęlbęč'ad viž'маęs' jajsę.</i>

В приведенных выше предложениях вымского диалекта его носителями подразумевается понудительность. Конечно, при наличии небольшого количества примеров трудно сделать какие-нибудь выводы, определяющие живую диалектную тенденцию. Мы располагаем всего около десятка подобными случаями, где говорящий применяет понудительный по форме глагол, в то время как житель Присыктывкарья не может употребить его. Разумеется, нельзя отрицать тот факт, что в нередких случаях суффикс *-ęd (-t)* уже выветрил свое понудительное значение, например: *N'ęja-vužjaęn Ivan vetłędę da lijs'ę* «С луком и стрелами Иван ходит и стреляет» (шош.); *N'ičędnj babjs kuč'č'ilas da — ves'kojd!* «Драть за волосы ба-

¹ Данное залоговое различие, по мнению В.И. Лыткина, знал общепермский язык.

бушка начинает, бывало, но — бесполезно!» (тур.); *Kez'deđe n'in* «Похолодало уже» (разг.).

Залог — грамматическая категория, в отличие от лексической, представляет собой словоизменительную категорию (или формообразовательную). В связи с высшей степенью абстрагированности формообразовательный элемент получает возможность широкого распространения на широкий круг слов. Часто один и тот же суффикс может служить средством как словообразования, так и формообразования. Такую ситуацию мы теперь и наблюдаем. Общенациональным явлением, по-видимому, следует считать способность суффикса *-ed (-t)* выполнять как формообразовательную, так и словообразовательную роль, суффикс образует глаголы видовой и залоговой направленности.

Наличествующие в диалекте примеры с дополнительным охватом глаголов и снабжением их атрибутом понудительности, на наш взгляд, позволяют предположить об имеющейся на Выми тенденции более широкого функционирования понудительного залога.

§ 7. Глагольное словообразование

Суффиксы, составившие базу глагольного словообразования в вымском диалекте, еще не были предметом специального исследования.

Наше рассмотрение диалектного словообразовательного инвентаря ограничивается выявлением наиболее типичных проявлений той или иной единицы. Надо сказать, вымскому глаголу так же, как и в других диалектах, характерно обилие его оттенков, обусловленных, с одной стороны, общей особенностью коми-зырянского глагола — индифферентностью к морфологическому выражению совершенности и несовершенности действия (108, с. 98–99); с другой стороны, весьма разнообразным комбинированием суффиксов видového порядка между собой и с залоговыми. Нам кажется, что дальнейшие изыскания в особенностях глагольного словообразования наиболее перспективно проводить в рамках закона поляризации суффиксов, отразившей указанную выше особенность коми глагола. Совершенно справедливо замечание Б.А. Серебrenникова о наличии между двумя полярными значениями некоторых суффиксов ступени средней длительности (108, с. 100), что учитывает многополюсный характер семантики этих единиц.

Что касается семантики суффиксов залогообразования, исследователями (43, с. 149; 66) давно подмечена особенность к сращению различных значений. «Оттенки значений возвратных и причинительных (понудительных — *В.Л.*) весьма разнообразны. Частично эти оттенки входят в план ви-

довых различий», — писал, например, Д.В. Бубрих (43, с. 149). Это явление ареальное. То же самое констатируется в марийских диалектах (48, с. 74).

Рамки настоящей диссертации не позволяют сделать детальный разбор всех оттенков значений, поэтому мы укажем основные. Глаголообразующие суффиксы можно разделить на следующие группы:

1) суффиксы, образующие от глагольных основ видовые и залоговые формы, например, *kaljnĭ* «подниматься (съездить, сходить) на время» (*kanĭ* «подняться»); *vajōnĭ* «приносить» (*vajnĭ* «принести»); *vežs'inĭ*, кош. *vežs'inĭ* «поменяться» (*vežnĭ* «менять, променять»);

2) суффиксы, образующие глаголы от других частей речи, например: *pĭs'anōnĭ* «построить кому-либо другому баню» (*pĭs'an* «баня»); *gožs'inĭ*, кош. *gožs'inĭ* «проводить, провести лето» (*gožem* «лето»); *banĭjnĭ*, кош. *banĭjnĭ* «румяниться, разрумяниться (о хлебе)» (*ban* «лицевая сторона чего-либо»);

3) суффиксы, образующие глаголы от основ, общих для глаголов и имени. Примеры: *lešjnĭ* «рубить, зарубить», *lešōnĭ* «рубить, подрубить, подрубать»; *ĭrkeđnĭ* «охладить, остудить», *ĭrkn'itnĭ* «подуть прохладой»;

4) суффиксы, образующие глаголы от русских глагольных основ: *s'begn'itnĭ* «сбежать», *z'bitnĭ* «бить», *zakladujtnĭ* «заложить», *bl'odajtnĭ* «бледнеть, тускнеть», *valamĭjnĭ* «волноваться (о реке, о воде)», *d'elaas'nĭ* «обременить себя делом», *pl'it'ič'č'jnĭ* «соединять плиты в плиты», *rečtas'nĭ* «вырастать», *ud'ivič'č'jnĭ* «удивляться» и т.д.

Излагая основные значения суффиксов, мы сознательно располагаем сначала вполне оформившиеся, встречающиеся в массовом порядке. За ними последуют отдельные оформители.

Суффикс -l многополюсный, обозначающий:

а) кратковременность действия: *bjrlis* «кончилось (на время)», *vošljnĭ* «потеряться (на короткий срок)»;

б) однократность действия: *loklnĭ* «приходить (один раз)», *nuljnĭ* «носить (один раз)»;

в) многократность: *mĭs'ljnĭ* «мыть, промывать», *šĭgĭrtlnĭ* «обнимать»;

г) давно совершившееся действие: *Siž'ik z'bitemags' pl'enad da vo mĭs't'ijs i kuli* «Так забивали (его) в плену, и он после возвращения и умер (шош.); *N'ekučem vĭkodnej ređ iz volĭ* «Ни одно воскресенье его вовсе не было» (кырк.).

Суффикс -jĭ служит для выражения:

а) однократного действия *lontĭlnĭ* «затопить печь»;

б) кратковременного действия: *jugdĭlnĭ* «осветиться (на короткое время)»;

в) действия, совершившегося сравнительно давно: *rēd ig eštīl jagēdla* «Совсем не было времени собирать ягоды» (рак.).

Суффиксы -jll (-jļ), -ljl -lļ. Суффиксы -jll, -ljl имеют фонетические варианты в Везляне и Синдоре, реже они встречаются в остальных населенных пунктах. Суффиксы привлекаются при обозначении:

а) многократного действия: *Pravosē bos'ljllēmaçs' n'in* «Права (водительские) уже изымали, оказывается» (княж.); *Pjzjlli i dēstjk* «Опрыскивала (клопов) и все (делала)» (тур.);

б) давно происходившего однократного действия: *Ajē d'ermanskējas na us'ljllēma* «Мой отец еще в первую мировую войну погиб» (княж.); *Mamajjs s'ēkjā rēbēta s'ert'i kūljllisnī, a taja vot dijgd, abu stan'* «Родители (её) от тяжелой работы умерли, а она вот ленивая, не проворная (кок.).

Суффикс -ō (скр. -av). Суффикс с интересной многополюсной семантикой. Глаголы с суффиксом -ō (-jav, -av), образованные от глагольных основ, обозначают:

а) дистрибутивное действие: *puktōnī* «класть», *ljd'd'ōnī* «пересчитывать»;

б) длительность действия: *sulōnī* «стоять», *ežmōnī* «отнимать»;

в) кратковременный характер процесса: *pjōnī* «зайти на время»;

г) постоянное свойство предмета: *kotrōnī* «бегать», *lebōnī* «летать»;

д) однократность действия: *žugōnī* «сломаться», *pēdnōnī* «закрыть», *sajōnī* «скрыться»;

е) множественность действия, при котором действие исходит от многих субъектов одновременно или в разное время: *vodōnī* «ложиться», *č'eč'č'ōnī* «вставать».

Встречаются суффиксы в двойном употреблении, в данном случае обозначая действие рассредоточенное: *pjšjalalēmaçs' bara unaçn* «разбежались опять многие» (княж.).

Суффикс -ō (-al, скр. -av) от существительных образует:

1. Переходные глаголы со значениями:

а) придание того, что означает коренное слово: *līz'ōnī* «надеть (лыжи)», *dētōnī* «поставить кому-л. избу», *tuturuškōnī* «свернуть что-либо в виде трубочки или кулька»;

б) действие тем, что означает коренное слово: *zuōnī* «расчесть, расчесывать», *rotōnī* «качать ребенка в люльке»; *šjōnī* «завязать что-либо»;

в) становление или превращение в состояние, которое означает коренное слово: *turēbōnī* «мести, замести (напр., дорогу)»;

г) создание того, что означено в коренном слове: *kjč'nōnī* «родить щенка», *kukjōnī* «родить теленка»;

д) пребывание в какой-нибудь должности или профессии: *mas't'erōnj* «работать мастером», *juristōnj* «быть нырщиком, ведущим, главным».

2. Непереходные глаголы со значениями:

а) становление или превращение в какое-нибудь состояние: *zjkōnj* «шуметь, поднять ссору», *kčdōnj* «месить, замешивать»;

б) пребывание в состоянии, выраженном коренным словом: *zjnjōnj* «ходить, громко стуча», *jejjōnj* «глупить, дурачиться», *lavjōnj* «шататься».

6. Суффикс *-ō (-al)* образует глаголы от прилагательных. При этом глаголы — переходные и непереходные — обозначают:

а) сделать каким-либо: *l'akōnj* «замарать», *pjmōnj* «потеть, согреть»;

б) быть в каком-либо состоянии: *kodōnj* «пьянствовать, дебоширить», *l'okōnj* «сердиться».

Данный суффикс образует глаголы от основ, общих для имени и глагола, а также от наречий и других изобразительных основ: *mol'ōnj* «разгладиться», *ljč'ōnj* «расслабиться», *šonōnj* «нагреваться, нагреться», *šerjōnj* «долить, разделить пополам», *jrsjōnj* «глотать, пить с шумом», *jt'ōnj* «отогнать лошадей или кого-нибудь другого».

Суффикс *-oll (-ol)* (скр. *-avl*). Суффикс *-oll* оформляет многократное действие: *jgnolljnj* «закрывать, запирать», *pjrolljnj* «захаживать».

Суффикс *-lō* (скр. *-lav*). Составной суффикс *-lō* обозначает:

а) длительное действие: *vclōnj* (ср. *vclalnj*) «строгать», *požjōnj* «полоскать»;

б) многократное, иногда повторяющееся с перерывами действие: *gumlōnj* «черпать», *č'eglōnj* «ломать».

Суффикс *-ǝll (-edl)*. Данный суффикс обозначает длительность действия: *katlǝlljnj* «качать, раскачивать», *gorž'ǝlljnj*, кош. *gorž'edljnj* «отрыгаться».

Суффикс *-las'*. Является оформителем возвратных глаголов многократности или дистрибутивности: *mjs'las'nj* «мыться», *č'eglas'nj* «ломаться».

Все перечисленные выше суффиксы, так или иначе, связаны с многократным действием. Вымский диалект, как и другие, характеризуется обилием показателей многократного действия, причиной которого являются не особенности агглютинативного строя коми языка, а первоначальное обилие суффиксов собирательной множественности (109, с. 157–163). В коми языке суффиксы многократного действия в ряде случаев представляют сочетания нескольких компонентов, но в них повторяющимся элементом является *-л*, восходящий к древнему праязыковому показателю многократности (142, с. 123).

В финно-угорскую эпоху роль современных глагольных форм выполняли обычно отглагольные имена; в последних суффикс *-l* использовался для обозначения чего-нибудь собирательного. Множественность отдельных актов действия ассоциировалась с множественностью предметов, поэтому древнее **l* было использовано как средство выражения многократного действия.

Суффикс *-jšt*. Глаголы с данным суффиксом выражают:

а) действие малой меры, ограниченное: *kjrjšnj* «полоснуть, разрезать немного чем-либо режущим», *nijšnj* «отнести на некоторое расстояние», *nurjas'jšnj* «перекусить»;

б) однократно-мгновенное действие: *virđjšnj* «промелькнуть», *erjšnj* «оскалить зубы», *kurjšnj* «хапнуть, присвоить».

В происхождении *-jšt* принял участие **t*-овый финно-угорский компонент, выражающий однократное или мгновенное действие (107, 327). Рефлексы *-t* в аналогичных по значению суффиксах встречаются в финском, лапландском, эстонском, других пермских языках. В описываемом диалекте, однако, имеется серия суффиксов единого происхождения: *-jšt*, *-ōt*, *-čbt*, *-es*, *-est*. Но наиболее продуктивным оформившимся видовым явлением из них является: *-jšt*. Данный суффикс еще в общепермском языке обозначал только мгновенность, расширение его диапазона произошло в более поздний период (107, с. 331). В диалекте *-jšt* очень продуктивен; кстати, он чаще употребляется при обозначении ограниченного или маломерного действия.

Суффикс *-ǵl (-ed)*. Данный суффикс от глагольных основ образует глаголы понудительного залога: *lišōnj* «стать лишним» — *liščdnj* «сделать что-л. лишним», *kijnj* «связать, сплести» — *kijčdnj* «заставить сплести», *voč'nj* «делать, сделать» — *voč'čdnj* «попросить кого-либо сделать, заставить кого-л. сделать».

Как и в других диалектах, вымские говоры имеют глаголы, оформленные данным суффиксом, но не имеющие значения понудительности. Некоторые примеры могут проиллюстрировать это состояние: *kčz'dčdnj* «походовать», *n'iččdnj* «драть, трепать», *ruž'čdnj* «сливать, слить».

Суффикс *-ǵl* образует от прилагательных как переходные, так и непереходные глаголы, обозначающие:

а) сделать каким-либо, привести в какое-либо состояние: *kokn'čdnj* «оскопить», *vol'kčdnj* «придать блеск», *kurdčdnj* «сделать горьким»;

б) сделаться, стать каким-либо: *ježdjnj* «побелеть», *vežčdnj* «зеленеть, позеленеть».

Суффикс *-čd* образует понудительные глаголы от основ, общих для глагола и имени, также от изобразительных основ: *n'akčdnj* «кормить гру-

дью», *kekčdnj* «уговорить, уговаривать», *kažčdnj* «хрустеть», *č'člčdnj* «успокоиться, успокаивать».

Суффикс в диалекте отмечается большей продуктивностью, чем в присыктывкарском диалекте. Многие глаголы оформляются по модели понудительного залога: *Vet'čč'č'a — tčdmčdnj okota menj'm* «Догоняю — узнать (его) охота мне» (шош.); *Pes sčlčdi mozdoram da kuži vil'ski* «Дров набрала в охапку и как поскользнулась» (синд.); *Vet'el'l'astč gožčmnad šondi vož'as kos'tam, a tčnas saraj'n viž'čdam* «Мережи-то летом под солнцем сушим, а зимой в сарае храним» (княж.).

В присыктывкарском диалекте данные глаголы отмечаются как формально: *tčdmavnj, sčli, viž'am*, — так и семантически; если в вымском диалекте замечен некоторый понудительный смысл, то его нет в центральном (присыктывкарском) диалекте.

Суффикс -t. Глаголы образуются от существительных с помощью суффикса *-t*: *jučrt'nj* «сообщить», *č'ukčrt'nj* «собирать, собрать», *vos'kot'nj* «шагнуть», *n'imj'nj* «звать, обзывать».

Как правило, эти переходные и непереходные субстантивные глаголы обозначают появление чего-либо, придание чему-либо видового оттенка.

От прилагательных с помощью *-t* формируются переходные и непереходные глаголы со значениями — сделать каким-либо, считать каким-либо: *ž'on'tj'nj* «поправлять, ремонтировать», *ljmjes'tj'nj* «запорошить снегом», *mis'tčm'tj'nj* «пренебрегать», *omčl'tj'nj* «унижать».

Суффикс *-t (d)* от глагольных основ образует переходные глаголы: *vušj'nj* «линять, стираться» — *vuštj'nj* «стирать», *č'innj* «уменьшиться» — *č'intj'nj* «уменьшить».

Глагол с данным суффиксом означает повторяющееся действие, совершаемое по понуждению или через посредство кого-либо: *nōlčdllj'nj* «носить, водить», *ljkjčdllj'nj* «говорить нараспев, протягивать слова», *torsčdllj'nj* «ходить сердито, слиться».

Суффикс -čč'č' (скр. *čdč'*). Суффикс придает глаголу значение длительно-возвратного действия, совершаемого по понуждению или через посредство кого-либо: *kosčč'č'j'nj* «сушиться, вытираться досуха», *lčmčč'č'j'nj* «уставить глаза», *č'ukčč'č'j'nj* «освободиться».

Суффикс -čljš (-čljši). Суффикс придает значение ограниченного действия, совершаемого по понуждению или через посредство кого-либо: *viz'z'čdlljšnj* «проводить линию, прочертить немного», *čšjčdlljšnj* «повесить что-либо на короткое время или дать возможность чему-нибудь слегка повиснуть».

Суффикс -tǝd (-dǝd). Глагол означает принуждение совершить действие или превратиться в состояние: *ž'ol'dǝdnj* «уменьшить», *vottǝdnj* «уложить», *un'tǝdnj* «заставить спать, дать возможность спать».

Суффикс -mǝd. Смысл глагола с суффиксом сводится к понуждению становления или превращения в состояние: *jǝmǝdnj* «размножить», *izǝmǝdnj* «запустить поле, истощить», *otmǝdnj* «расширить».

Суффиксы -s' (-ǝ'), -as' (-jas'), -ǝs' (-is'). Суффиксы, характеризующиеся многозначностью, от глагольных основ образуют глаголы со значением длительности, не ограниченной во времени: *d'ižs'ǝnj* «писать», *muns'ǝnj* «идти, ехать», *s'ojs'ǝnj* «есть», *pukas'nj* «сидеть в гостях».

От глагольных же основ суффиксы образуют:

а) собственно-возвратные глаголы: *ž'eb's'ǝnj*, кош. пол. *ž'eb's'inj* «спрягаться», *kores'as'nj* «париться веником», *zborn'ikas'nj* «надеть женский головной убор»;

б) глаголы средне-возвратного значения: *velǝč'ǝ'ǝnj* «учиться», *ǝ'abuas'nj* «стать на колени», *n'ǝbas'nj* «заниматься покупками»;

в) глаголы взаимно-возвратного значения, образуемые суффиксами -s', -as': *jansǝč'ǝ'ǝnj* «расставаться, развестись», *kojas'nj* «брызгаться водой», *lukas'nj* «бодаться»;

г) пассивно-возвратные или произвольно-возвратные глаголы, образуемые суффиксами -s', -ǝs', -ǝs's', -s'ǝs's': *sajdmǝs's'ǝnj* кош. пол. *sajdmǝs's'inj* «невольно пробудиться», *ǝs'ǝs's'ǝ* «живется хорошо», *uz's'ǝ* «спится». Глаголы страдательного значения встречаются редко: *turun puktǝs's'ǝ* «сено убирается»;

д) глаголы законченного вида: *ves'ǝs dontǝms'ǝma* «все подешевело».

Следует отметить, что суффиксы -s', -as', -ǝs' образуют возвратные глаголы от существительных и прилагательных. Некоторые примеры при обсуждении выше отдельных залоговых значений нами уже приводились. Этот список можно пополнить еще многими иллюстрациями: *lǝsǝs'ǝnj* «обрубать ветви», *nǝdǝg's'ǝnj* «загрязниться», *ǝjǝgǝms'ǝnj* «притесниться», *sǝsǝs's'ǝnj* «загрязниться», *žun'ims'ǝnj* «рухнуть», *jogs'ǝnj* «ныть (ране)».

Суффикс -as' в частности, образует от существительных и прилагательных собственно-возвратные, средне-возвратные и взаимно-возвратные глаголы: *von'as'nj* «опоясаться», *vet'el'as'nj* «ловить рыбу мережей», *vač'kas'nj* «ударять друг друга».

Возвратность выражается также контаминированными суффиксами.

Суффикс -as's'. Глаголы с данным суффиксом выражают законченное действие: *kojas's'is* «побрызгалось», *vomž'as's'ǝnj* «подвергнуться сглазу».

Суффикс -s'ō (скр. -s'av). Суффикс выражает становление возвратного действия: *gašs'ōnj* «развеселиться», *vir's'ōnj* «покраснеть, разругаться».

Суффикс -s'ēd. Выражает понудительно-возвратное действие: *gižs'ēdnj*, кош. пол. *gižs'ednj* «заставить расписаться», *ežs'ēdnj* «дать зарости дерном».

Суффикс -z' (-s'). Глаголы, образованные от глагольных основ, выражают становление, начало действия: *pōz'jnj* «испугаться», *čjks'jnj* «испортиться».

Глаголы с основой от существительного обозначают возвращение или переход в какое-либо состояние: *vas'jnj* «обомреть, вспотеть», *turuns'jnj* «покрыться, зарости травой».

Аналогичное значение имеют глаголы, образовавшиеся от основ, общих для глагола и имени: *n'ebz'jnj* (кош. пол. *n'ebz'inj*) «мякнуть, размякнуть», *kurz'jnj* (кош. пол. *kurz'inj*) «сделаться горьким».

Суффикс -ž'. Суффикс отличается малоупотребительностью, хотя образует глаголы как от глагольных же основ, так и от существительных: *berž'ž'jnj* «заплакать», *ežž'ž'jnj* «ускориться», *kožž'ž'jnj* «опьянеть». Глаголы обозначают начало действия, как и предыдущие (глаголы на -ž').

Суффикс -m. Суффикс образует глаголы от имен существительных и прилагательных. Становление качества или признака — основное значение глаголов: *gel'mjnj* «обеднеть», *ečmjnj* «убавить, сократиться», *inmjnj* «найти место», *gol'amjnj* «превратиться в комья», *mič'mjnj* «похорошеть», *mustmjnj* «полюбиться».

Суффикс -d. Суффикс образует от существительных и прилагательных переходные и непереходные глаголы со значением становления действия: *jandjnj* «опозорить», *vil'dnj* «обновить», *kejdnj* «остудить».

Суффиксы -g, -k, -s, -z. Глаголы, образованные с помощью суффиксов, являются звукоподражательными и выражают длительное действие: *āgjnj* «орать, вопить», *būgjnj* «шуметь подобно колоколу», *baksjnj* «мычать», *kičkjnj* «стрекотать», *ojzjnj* «стонать, кричать», *tol'gjnj* «журчать (ручью)», *raksjnj* «кричать, ржать».

Суффикс -j. Глаголы, образовавшиеся данным суффиксом от существительных, выражают:

а) устранение того, что выражает коренное слово: *vesjnj* «чистить», *ūjnj* «обрубать сучья»;

б) проведение того, что выражает коренное слово: *arjnj* «провести осень», *lunjnj* «провести день»;

в) действие посредством того, что выражает коренное слово: *vet't'jnj* «покрыть крышей», *posjnj* «сделать мост, мостить»;

4) превращение в то, что выражает коренное слово: *žul'ljnj* «разбить вдребезги», *č'irjnj* «крошить».

Суффикс -*ōt* (-*ovt*, сс. -*olt*). Глаголы с суффиксами обозначают:

а) действие малой меры, ограниченное: *požjōta* «выстираю» (*požjōtnj*), *n'ismōč'č'jnj* «вздremнуть слегка, прислонившись к чему-либо»;

б) однократно-мгновенное действие: *jugjōtis* «сверкнуло», *barętnj* «вывернуть», *orōtis* «отрезал, перерезал».

Суффикс -*ōt* отличается на Выми большой частотностью, нежели в Присыктыварье.

Суффикс -*ębt* (-*ępt*). Данный суффикс придает действию внезапное, моментальное значение: *kjreębtjnj* «содрать кожу», *įębtjnj* «нахлынуть», *įkębtjnj* «с шумом открыть дверь»;

Суффикс -*ęs* (-*ęst*). Суффикс образует глаголы однократно-мгновенного действия звукоподражательного характера: *nukęstjnj* «погнать, расшевелить», *pikęsnj* «пискнуть», *įkęstjnj* «ыкнуть».

Широко употребительны на Выми диалектные формативы, возникшие в разное время на основе русских глагольных суффиксов: -*ujt*, -*ajt*, -*it*, -*n'it*, а также -*uč'č'*, -*ujč'č'*, -*ač'č'*, -*ajč'č'*, -*ič'č'*. Изложенные суффиксы соответствуют русским -*овать* (-*евать*), -*ать*, -*ить*, -*еть*.

Приведем примеры по вымскому диалекту: *gerujtnj* «горевать», *dęvujtnj* «вдовствовать», *pustujtnj* «пустовать», *bętajtnj* «ботать», *gandajtnj* «транжирить, тратить», *ladajtnj* «сладить, справиться», *el'vajtnj* «дразнить», *ļtajtnj* «вольнить», *imitnj* «действовать», *ježitnj* «кистаскать, истаскивать», *kl'osn'itnj* «упасть бессильно», *kljščitnj* «лить дождю», *zęl'itnj* «досаждать», *č'in'itnj* «почитать, чин-чином называть», *kuržavitnj* «заиндеветь», *duitnj* «вздуться», *drevitnj* «молоть вздор, чепуху». Примеры на суффиксы с компонентом -*č'*: *d'ivuč'č'jnj* «удивляться», *pęstujč'č'jnj* «соблюдать пост», *urvajč'č'jnj* «сильно ударять», *kęncpjač'č'jnj* «конопатить». Перечисленными суффиксами оформляются как заимствованные глаголы, так и исконно коми основы.

§ 8. Инфинитив

Доказано, что инфинитив в коми языке по происхождению является отглагольным именем существительным. Суффиксом инфинитива выступает -*nj*, который непосредственно примыкает к глагольной основе: *arišnj* «завидовать» (синд.), *arišnj* «захватить, присвоить» (вым.), *gažjōnj* «гулять», *vul'a-val'akņj* «лепетать», *vjns'ędnj* «удобрить», *žbotkędnj* «ударять с глухим шумом», *n'ečņj* «отрывать», *tękl'ōnj* «жевать», *č'atras'ņj* «гордиться, величаться», *č'ač'kędnj* «раздавить».

Если же основа слова оканчивается на два согласных звука, то перед суффиксом инфинитива во избежание стечения трех согласных появляется гласный *-j*: *adgijnj* «ругаться» (кош.), *adginj* «окрять» (вым.), *berč'č'ijnj* «бороться», *bot'kijnj* «ботать ботом», *virč'kijnj*, *geč'kijnj* «скрипнуть зубами», *vešn'čdljnj* «заниматься сучением хлеба», *vukjčdljnj* «тошнить», *gežčbs'ijnj*, *gežčbtijnj* «поредеть, разредить», *l'jks'ijnj* «заливаться смехом», *tirz'ijnj* «торопиться, спешить», *č'arskijnj* «шаркать, производить шорох», *č'igtijnj* «недодать, умерить», *č'omrčdljnj* «морщить, разъедать». Однако под указанный режим не попадают глагольные формы с сонорным компонентом, т.е. после сочетаний *ld, l'd, lt, l't, rd, rt, jd, n't* гласный *-j* не появляется: *bardujtnj* «догадываться, догадаться», *buntujtnj* «сложить в штабеля», *vil'dnj* «подковывать», *vežin'tnj* «покривить», *gandajtnj* «тратить, транжирить», *gjer'tnj* «заиндеветь», *kojtnj* «гоковать», *mečvejpjnj* «бредить», *mužgjl'tnj* «вывихнуть», *ordnj* «гноиться», *sirpnj* «ловить рыбу плавной сетью», *šušmjł'tnj* «шепелявить», *jubjrtjnj* «молиться».

Специфической чертой вымского инфинитива является более широкое употребление, чем в литературном языке, суффикса *-ijnj*:

1) Глагольные формы с основой на *-st, s't*, наряду с *-nj*, принимают *-ijnj*: *vos'tijnj* «открыть», *kejjs'tijnj* «ходить-попрошайничать», *kolasčs'tijnj* «разредить, сделать промежутки», *ljs'tijnj* «сметь», *lan'tijnj* «замолчать».

2. Некоторые глаголы с сонорным компонентом выступают также с *-ijnj*: *duljimtijnj* «мелькнуть», *vekijimtijnj* «брезговать», *šebjirtijnj* «прикрыть одеялом».

3. Глаголы, осложненные словообразовательным суффиксом *-jšt*, часто приобретают *-ijnj*: *vezjas'jštijnj* «немного поправиться», *švirkjčdljštijnj* «прясть, жужжа веретеном», *žal'beritjštijnj* «побаловаться, пошалить», *šoč'č'jštijnj* «отдохнуть», *ĭgjštijnj* «негромко замычать», *ečmečjštijnj* «сократить», *jam nōlčdljštijnj* «возить (немного) приезжих».

Гласный звук, некогда имевшийся перед суффиксом инфинитива *-nj*, сохранился в большинстве диалектов удмуртского языка (*mijnj*, *bas'tijnj* и др.). В вымских говорах, как мы видим, он сохранился в определенных фонетических положениях, а именно — для разгрузки стечения согласных.

Вымский инфинитив имеет определенно-притяжательные формы. Для переходного говора характерно присоединение суффиксов *-njče, -njse*, в результате чего образуются формы 2 и 3 лица индивидуального обладания. Превалируют *-njče, -njse* в половницком говоре: *Ruč'če, ruč'e, babič'č'ijnjče korčnj* «Лисонька, лисонька, принимать роды зовут» (пол., сказка); *Tol'ke pe vižčdljnjse kolč* «Только, говорит, посмотреть надо»; *Kjs' taja kors'njse kan'se?* «Где эту кошку искать?».

В половницком, княжпогостском говорах встречены также показатели определенно-притяжательной формы *-njd, -njs*: *Toon pe bara babič'č'jnjd korasnj* «Сегодня, говорят, опять позовут на роды»; *č'ukęs' vatę n'ekodlj mjč'č'jnjs* «некому подать ковш воды».

Притяжательные суффиксы всех трех лиц единственного и множественного числа *-njam, -njad, -njas, -njanjm, -njanjd, -njanjs*, распространенность которых установлена Т.И. Жилиной в верхневымских говорах описываемого диалекта (130, с. 78–82), здесь, в переходной зоне и половницком говоре, встречаются реже, чем *-njtę, -njstę, -njd, -njs*.

На средней Выми (княжпогостско-кыркочском регионе) в одинаковой мере представлены *-njtę, -njstę*, с одной стороны, и полный ряд вышеперечисленных суффиксов, известный на верхней Выми. Для Синдора также характерна верхневымская специфика (*-njam, -njad, -njas, -njanjm, -njanjd, -njanjs*). Примеры из разных говоров: *loktę pukōnjtę bjdęn* «приходите все посидеть» (княж.); *Gižs'jnjsę rajispolkom jstjllę* «Подписываться-то райисполком (иногда) посылает» (рак.); *jšmetaęs' da nędnjtę os tędnj* «Разболовались, сказки рассказывать-то не умеют» (рак.); *A bersę strčič'č'jnjtę kōmīs* «Много пришлось строить-то» (кырк.); *Og kuš šunjam da kuži i vęli* «Не могу и сказать, как и было? (забыла)» (княж.); *Pjīs'jnjanjd pemjd vęli?* «В бане мыться-то вам темно было?» (шош.).

Присоединение притяжательных суффиксов *-njam, -njad, -njas, -njanjm, -njanjd, -njanjs* является весьма специфической чертой наблюдаемого диалекта. Как известно, на нижней Вычегде и Ижме имеются лишь формы *-njtę, -njstę*, а определенно-притяжательные формы удорского говора совпадают с определенно-притяжательными суффиксами именительного падежа (116, с. 484).

Функции данного явления агглютинации состоят в выражении лица, которому принадлежит действие инфинитива. Связь инфинитива с категорией лица определяет стилистическую ограниченность детерминирующего употребления притяжательных местоимений: *Ig ljs'tj kanjam, tujsę vol'smędęma da* «Не посмела я придти, потому что дорога заледенела» (княж.); *Nollędljnjanjs s'ękjđ, šjšu gęra bok da* «Таскать здесь тяжело (дрова), потому что склон крутой» (рак.); *Mjl'a sija gažanas primitnjanjs?* «Почему это его нетрезвого им принимать-то?» (шош.). Вымский инфинитив с притяжательным суффиксом может быть:

а) субъектным — притяжательный суффикс выражает лицо субъекта, который является производителем действия: *Vežon loi njrs'jnjam* «Неделю пришлось (нам) возиться» (княж.); *Uz'njam og vermj* «Спать не могу» (шош.);

б) объектным — притяжательный суффикс выражает лицо объекта, на который переходит действие или по отношению которого совершается действие: *Oz čektjnǰ volilljnǰam* «Не велят (не разрешают) мне к ним приходить» (синд.); *Oz lež' kusčdnjas* «Не дает ему тушить» (тур.).

Итак, притяжательные формы имеют определенное значение — связь с конкретным лицом. Инфинитив ставится говорящим в такое условие единственности, когда по отношению к нему исключает всякий выбор. Суффиксы в составе инфинитива выполняют артиклевую функцию. Кроме того, притяжательные суффиксы употребляются в усилительно-выделительном значении, выделяя инфинитив и усиливая его роль в предложении. «Важнейшим элементом речевой коммуникации является действие или указание на определенный предмет или явление с целью выделения из массы ему подобных» (111, с. 137). В рассматриваемых ниже конструкциях инфинитивные притяжательные суффиксы выступают только в роли стилистических выделителей: *Kornjad d'et'inaǰd petas* «Побираться мальчик вышел» (княж.); *Toon ig vermǰ vetlǰjnjad* «Сегодня я не смог сходить» (княж.); *Me s'oǰnjas ležkasč kutnǰ og vermǰ* «Я уже не могу держать ложку во время еды» (тур.); *Tom ježkčed me og vo munnjad* «За молодежью я не угоноюсь» (весл.); *Simdors'an' kǰtnjad petan da n'ol lun kǰtan* «Начнешь плыть от деревни Синдор и плывешь четыре дня» (синд.).

Носители диалекта при выделении инфинитива и усилении его смысловой речи могут прибегать к различным формам притяжательности: *Munnǰam og n'in vermǰ / Munnjad og n'in vermǰ / Munnjas og n'in vermǰ* «Идти я уже не могу»; *Munnjanǰim og n'in vermč / Munnjanjs og n'in vermč* «Идти мы уже не можем». В приведенных предложениях суффиксы не всегда являются указателями лица, притяжательная форма имеет иное значение — придание инфинитиву эмфатической нагрузки.

Для историка языка интерес может представить довольно часто используемое на Выми сочетание инфинитивов с послелогом: *petnǰ vǰlč* «для выхода», *bos'nǰ vǰlč* «для того, чтобы взять». Эта интересная конструкция раньше имела, по-видимому, более широкое употребление (113, с. 78). В настоящее время она бытует только в речи старшего поколения, менее знакомого с нормами литературного языка. Это редкое архаическое явление подчеркивает именную характер вымского инфинитива.¹

¹ По устному сообщению Г.Г. Бараксанова и Е.С. Гуляева, данный архаизм встречается на более широкой территории коми, в частности, в Присыктивварье, на верхней Вычегде: *s'oǰnǰ kǰnž'i* «кроме пропитания», *vusavnǰ vǰlč* «для продажи».

Раздел 6. Деепричастия

Материалы по вымскому диалекту позволяют выявить в нем следующие суффиксы деепричастий: *-ǰg (-ig)*, *-ǰgen (-igǝn)*, *-teǰ*, *-teǰǰ'*, *-mǝn*, *-ǝmǝn*.

Все приведенные форманты отличаются продуктивностью. Имеется пример, где деепричастие образовалось с помощью суффикса *-ǰǰ'*: *Tǰrmeǰǰ' iz s'etlǰnj pens'ijasǝ pǰǰǰalis da* «Пенсию ей определили маленькую, потому что часто переезжала».

В ряде случаев деепричастия на *-teǰǰ'* и образуемые ими конструкции выражают степень проявления основного действия: *Petteǰǰ' veǰǰgaas'im* «Досыта наелись»; *Ruǰku pottǰǰǰ'js loǝma* «Он напился доотвала». В этих деепричастиях уже преобладает семантика наречий. Глагольное значение оттеснено на задний план в силу известных условий, когда деепричастия образованы от глаголов состояния. Деепричастия на *-teǰǰ'* подобно именам существительным в синтагме с местоимением могут оформляться лично-притяжательными суффиксами: *Me ǝtlaas'tǰǰǰ'ǝ d'everjas juks'isnj* «До моего замужества мужнины братья обособились» (кош.).

На наш взгляд, интересен также встречающийся в говорах факт замены деепричастий на *-ǝmǝn* деепричастиями на *-sa*. Редкие примеры относятся к небольшой группе деепричастий со значением состояния: *ber mǰǰǰ'ǝma*, *puksa i unmǝs'ǝma* «Сильно устал, сидя и уснул» (шош.); *Vodsa łoǝǝ'ǝǝ* «Лежа отдыхает» (тур.); *Te sutsa s'orn'it, tens'ǰd juaǝǝnj* «Ты стоя говори, у тебя спрашивают!» (всл.).

Деепричастия, как видим, образованы путем присоединения к основе глагола суффикса *-sa* и обозначают состояние или действие, одновременное с действием главного предложения. Следует отметить близость семантики деепричастий к семантике наречий. Например, в говорах Выми имеются предложения с наречием *sutsa* «стоя». *Sutsa zǝrǝ* «Дождь льет как из ведра»; *Poǝǰassǝ sutsa vajǝnj* «Жердей много везут»; *Kraǝǝǝ sǰtǝǝǝma* «Раскряжеванные обрубки стоят».

Очевидно, деепричастия на *-sa*, функционировавшие ранее, получили импульс к застыванию. Ввиду их особой семантики — выражение состояния — наметилась тенденция к переосмыслению в признак действия (из добавочного действия).

Историческая морфология отводит данному суффиксу *-sa* особое место, выдвинута гипотеза о его происхождении на пермской почве (107, с. 306–307). Он широко бытует в удмуртском языке. Имеются деепричастия на *-sa* в ижемском диалекте коми языка. По замечанию Б.А. Серебренникова, косвенные признаки, например, наличие *-sa* в прилагательных и причастиях, указывают на происхождение этой формы в общепермском

языке. Допускается вероятная генетическая связь элемента *s* с суффиксом отглагольных имен на *-s*, типа *verdas* «корм» (107, с. 307).

Вымские деепричастия снабжены системой определенно-притяжательных суффиксов. Как отмечалось уже ранее, «возможен второй, препозитивный способ выражения принадлежности значения в деепричастии с помощью личных местоимений и существительных» (130, с. 82).

Действительно для вымского диалекта характерны примыкающие к деепричастию личные местоимения или существительные в форме именительного падежа: *Davajt'e, pijan, gętras'e me kūtęž'* «Давайте, дети, женись до моей смерти» (шош.); *T'at'e voigkežlę me jukali una sartas etač'č'e* «К приходу отца я много лучины расщепил вот сюда» (княж.); *Medjm pę me č'eč'č'igkežlę pę raznej č'eri men gęs't'inž'i vajęnj* «Чтобы де к моему подъему разную рыбу мне в гостинцы несли (кон.). Исследователи относят аналогичную особенность к общепермской специфике (96, с. 196), так как другим финно-угорским языкам характерны разные формы выражения в составе деепричастных конструкций. Например, в финском и эрзя-мордовском он может быть выражен родительным падежом имен и лично-притяжательным аффиксом деепричастия; в марийском — именительным, родительным падежами (56, с. 193); в венгерском языке применяется сложноподчиненное предложение (36, с. 362). В.И. Алатырев, исследовавший специфику деепричастия в составе «субъективной конструкции», отмечает существование периода, когда «деепричастия свободно выступали в роли самостоятельных сказуемых, выражая предикативность, относительную завершенность высказываемой мысли, так как личные глагольные формы еще не приобрели ведущего и всеобщего характера модели сказуемого» (35, с. 65). Более детальное изучение данного вопроса в диалектах пермских языков, несомненно, внесет необходимые уточнения.

Расстановка слов внутри деепричастной конструкции в вымском диалекте происходит по тем же нормам, по которым располагаются слова в предложении коми языка. А.С. Сидоров, рассматривая порядок слов в коми деепричастных конструкциях в связи с изучением расположения членов отглагольных конструкций, отмечает, что впереди в большей оторванности от подчиняющего слова ставятся слова и обороты, синтаксические отношения которых выражены ясно морфологическими средствами, и ближе к подчиняющему слову ставятся словосочетания и обороты, категориальное значение и синтаксическая принадлежность которых морфологическими средствами выражены недостаточно отчетливо» (114, с. 48). Приведем несколько примеров из наших материалов: *Med jon loę, gjrn'ič' karigad ž'iriž' puktęnj* «Чтобы был (горшок) крепким, при изготовке дресву берут»;

Vcrōnj lǝ'te karigad kerǝslǝs' kok č'ersę kul'asnǝ, sija kǝs loę «При снаряжении охотничьих лыж берут оленью шкуру с ног, и это и будет «кыс».

Правило «поясняющее ставится перед поясняемым» еще установил Ф. Видеман как общее правило для всех урало-алтайских языков (143).

Анализ диалектного материала показывает, что отклонений в функционировании деепричастий в целом в каких-либо отдельных говорах не имеется, поэтому особенности, изложенные нами, по говорам Выми не дифференцируются.

В вымских говорах широко встречается своеобразная глагольная форма, образуемая из основы глагола с помощью послеложного суффикса *-mǝs't* (*-mǝs't'i*) «после; после того как»: *munmǝs't* «после того как ушел», *lokmǝs't* «после того как пришел».

Данную форму мы рассматриваем в разделе вместе с деепричастием, так как по функциям они схожи. Формальное отличие вымской модели от присыктывкарской — в наличии усеченной формы: скр. *munęm mǝs't'i* — вым. *munmǝs't*; скр. *vajęm mǝs't'i* — вым. *vajmǝs't* «после того как принес». Обе диалектные формы выражают действие, непосредственно предшествующее другому действию, выраженному глаголом-сказуемым, например: *Taja bur mort munmǝs't L'id'ǝd vois* «После ухода этого доброго человека Лидия-то пришла» (княж.); *Kęz'ain kǝmǝs't pi dorę vuǝǝ* «После смерти хозяина (своего) переехала к сыну» (рак.); *Traktoristę velęč'ę munmǝs't'ǝs* «На тракториста учится после того, как он уехал» (кырк.); *Vojna dugǝmǝs't'ǝas gortę me voli* «После окончания войны я вернулся домой» (кырк.).

При 1 лице действителя обычно применяется форматив *mǝs't*: *Armi-jajs' vomǝs't pǝri remzavodę* «После возвращения из армии я поступил на работу в ремзавод» (княж.). При 2 и 3 лице употребляется полная форма *-mǝs't'i* с агглютинацией показателей принадлежности *-ǝd*, *-ǝs*: *Ge-tras'mǝs't'ǝs volin n'in* «После женитьбы он уже приезжал» (синд.); *Kǝmǝs't'ǝd mǝǝ oz s'etnǝ da* «После твоей смерти что с того, что все дают?» (шош.); *Lǝmǝs't'ǝd jona žal'iti* «После того, как застрелил (утку), сильно жалел» (кырк.).

Зафиксированы в верхневымских говорах и притяжательные суффиксы *-ad* (2 лицо) и *-as* (3 лицо). Примеры: *Pač' lontǝmǝs't'ǝad i s'iptęma kerkate da vošęma* «После затопки печи она закрыла дом и задержалась где-то» (онеж.); *N'an's'ǝs petmǝs't'ǝas mędęč'ęas n'ǝlǝd* «Оставшись без хлеба, она отправилась вниз по реке» (тур.). Суффиксы выполняют те же функции, что описаны нами выше, при аналогичном оформлении инфинитивов.

Раздел 7. Причастия

Анализ диалектного материала показывает, что причастия в вымских говорах представляют собой особую глагольно-именную форму, имеющую признаки, сходные, с одной стороны, с глаголами, с другой — с именами прилагательными и существительными.

Глагольность причастий, как и в русском языке, сказывается в том, что они представляют собой «качественное действие, приписанное предмету и определяющее его наподобие имени прилагательного» (47, с. 272).

Способы образования причастий в верхневымских говорах, некоторые особенности словообразования уже нашли отражение в предшествующей лингвистической литературе (130, с. 237–249; 119, с. 476). Наиболее продуктивным строительным материалом во всех без исключения говорах служат формативы *-js'* (*-is'*), *-an*.

Причастия на *-js'* (кош. пол. *-is'*) могут образоваться почти от всех семантических разрядов глаголов как исконно коми, так и заимствованных: *Kučmke vužras'js' jezjas taj tjdale* «Какие-то проходящие (мелькающие) люди видны» (княж.); *Šulasnj taj: meštem mort pe gorš, vētem djš, mužiktem baba gul'ajtjs* «Говорят ведь: человек без коровы де — жадный, безлошадный — ленивый, незамужняя женщина — гулящая» (княж.). Значение активного причастия причастие на *-js'* получило только в пермских языках (112, с. 175), в более ранний период оно отличалось пассивностью и неспособностью к временной и залоговой дифференциации, поскольку генетически восходило к отглагольному имени существительному. Как видно из примеров, причастия на *-js'* обозначают глагольный признак безотносительно к моменту речи. Как и в коми языке, суффикс *-js'* в речи носителей диалекта отличается явно выраженным релятивным значением. Данный суффикс не без основания причислен к суффиксам, придающим причастиям залоговое значение: *Zej jona rčbitjs' vgli* «Очень работающий был» (пол.); *Zej rodjs' mort* «сильно стесняющийся человек» (кош.); *ž'el'a kagajd jež'js' i vjijm* «Маленький ребенок егоза и есть» (шош.).

Т.И. Фроловой на верхней Выми отмечена любопытная взаимозаменяемость двух активных суффиксов *-js'*, *-an*. В ижемском диалекте *-an* является более активным, последовательно выступая на месте *-js'* (119, с. 476). Наши наблюдения на средней Выми позволяют расширить указанное Т.И. Фроловой явление на средневымские говоры, включая переходную зону: *S'el'sevets'an' gižč'č'an baba volis* (скр. *gižčč'js'*) «Из сельсовета записывающая женщина приходила» (пол.); *sjlen juan mortjden pert šom kojđ č'užčmjs* (скр. *jujs'*) «у него, у пьющего, лицо как чёрный уголь» (рак.);

Petan č'erijs šedę mordaas (скр. *petjs'*) «Выходящая (из озера) рыба попадает в мерёжу» (кон.).

По-видимому, не все диалекты пермских языков смогли в равной степени придать ту функцию для суффикса *-js'*, каким он сейчас обладает. В вымских говорах в последние десятилетия под влиянием литературной нормы происходит обобщение в пользу *-js'*. Диалектная специфика более или менее устойчива в старожильческой среде.

Приведем примеры по вымским говорам, где причастие на *-an* кроме своего основного выражения — предназначения предмета — обозначает «действие, совершаемое непосредственно самим субъектом действия» (107, с. 295).

pukaljs' mort — *pukalan mort* «сидящий человек»;

velčč'č'js' č'el'ad' — *velčč'č'an č'el'ad'* «учащиеся дети»;

islas'js' č'el'ad' — *islas'an č'el'ad'* «катающиеся дети»;

vizūtjs' va — *vizūtan va* «текущая вода»;

veręs saje munjs' nĭ — *veręs saje munan nĭ* «замуж выходящая девушка»;

ges't'ič'č'js' mort — *ges't'ič'č'an mort* «гостящий человек».

Как видим, причастие, образуемое в коми языке посредством суффикса *-an*, может иметь и активное, и пассивное значения.

Во многих словосочетаниях, например, причастия на *-an* фактически находятся на стадии превращения в отглагольные имена существительные: *mjs's'an doz* «фрукомойник», *kurič'č'an mesta* «место для курения», *juan doz* «посуда для питья», *brič'č'an kad* «время бритья», *męs ljs'tan čajkęm* «коты для дойки коровы».

В эпоху протоуральского языка, пишет Б.А. Серебrenников, причастие на *-an* уже имело более или менее выраженные глагольные свойства. Оно могло употребляться как в значении настоящего, так и прошедшего времени. Позже в одних языках оно приобрело значение настоящего времени, в других — прошедшего (112, с. 168). В вымских говорах, как видим, *-an* является синкретичным в залоговом отношении.

В вымских фольклорных текстах встречаются удвоенные однокорневые причастия, оформленные на *-an*, *-js'*: *Verdan-verdjs' mortęj da bjrljęma sariž'ęj*¹ «Кормилец ты мой, неубывающее море мое» (отл.); *Ezjs' pazęn da pazalęm pĭs'anęj, verdan-verdjs' pĭs'anęj* «баня ты моя, с серебряным пазом, кормилец ты, баня моя» (отл.).

Довольно широкое распространение в вымских говорах имеет причастие на *-ęm*. Возводимое Б.А. Серебrenниковым к уральскому **m*-овому

¹ В фольклорных текстах встречается лично-притяжательная форма на *-öj* (*-эй*).

причастию, причастие относилось к группе с высокой степенью частотности (112, с. 169). Суффикс *-em* в диалекте не дифференцирует залогов, при его помощи образуются причастия, соответствующие как действительному, так и страдальному причастию русского языка. Причастия могут показывать признак того предмета, который испытал действие со стороны другого предмета, могут показывать и признак действовавшего предмета: *velçdçm mort* «обученный человек» — *velçç'č'em mort* «учившийся человек», *us'kçdçm ors* «оброненная плеть» — *us'em ors* «упавшая плеть». Суффикс *-em* противопоставляется *-js'*, *-an* наличием категории времени. Таким образом, противопоставление *-js'*, *-an* и *-em* — не противопоставление действительного и страдательного залога, а настоящего и прошедшего времен.

Нами зафиксированы единичные случаи отклонения в диалекте от норм употребления *-em*. Так, в предложении: *Sijs' s'a tçdçmjs abu* (отл. *tçdçmjs'js*) «Такого знающего, как он, больше нету» в составе субстантивированного причастия вместо суффикса *-js'* употреблено *-em*. Имеется следующий единичный пример: *Kož' mež bjta* (скр. *kož'em*) «Кастрированного барана кормлю (держу, выращиваю)». Здесь *-em* выпало без ущерба для понимания смысла определения самими носителями.

Невольно в связи с этим сравнивается диалектное выпадение форматива *-em* в конструкциях отглагольных существительных с послелогом *mjs't*, *mjs't'i* (данная конструкция близка по смыслу с деепричастиями, поэтому мы рассмотрели её выше, в разделе «Деепричастие»). На Выми после выпадения *-em* утвердилась форма: *lok mjs't* «после прихода» (скр. *loktçm mjs't'i*), *jumjs't* «после питья», *s'ojmjs't* «после еды», — также без ущерба для смысла высказываемой мысли.

Следовательно, причастный суффикс *-em* в вымских говорах имеет тенденцию к уменьшению частности. Это сказывается далеко не во всех сферах, а в отдельных.

Причастия на *-em* сыграли большую роль в развитии глагольных времен коми диалектов, в частности, причастия явились базой для формирования перфекта. Являясь показателем прошедшего времени, естественно, только причастие на *-em* могло быть приспособлено для выражения прошедшего действия, к данному значению которого позднее прибавился оттенок модальности. Процесс переосмысления причастия в перфект происходил в течение длительного времени.

Для историка языка вымский диалект может предоставить немало примеров для иллюстрации этого процесса переосмысления. Дело в том, что и в настоящее время причастие на *-em* являет такие случаи, где оно находится на стадии переосмысления в неочевидно-результативный глагол прошедшего времени. Это упоминавшийся уже факт встречаемости (прав-

да, единичной) парадигматических *te munčma*, *ti munčmačs'* (2 лицо перфекта) на месте *te munčmijd* «ты ушел, оказывается», *ti munčmnijd* «вы ушли, оказывается». Эти редкие верхневьские случаи аналогичны с ижемской спецификой.

Кроме того, многочисленные примеры перфекта 1 и 3 лица единственного и множественного числа обнаруживают еще следы именного характера, не глагольного. Во-первых, при употреблении II прошедшего времени не всегда вкладывается в него модальный оттенок неочевидности. Значение глагольной формы сужено, форма обозначает только действие в прошлом (можно сказать, признак действия в прошлом), результат которого сохраняется до настоящего времени: *Ol'js pas'kida že tučma* «Согра-то широко же разлилась» (отл.); *Me vunčdalema n'in s'ijnjad* «Я забыла уже песни» (тур.); *Stav tujjassę pirz'čma* «Все дороги замело» (синд.); *Preč'ista kežlad vundčma med i vartčma* «К празднику Пречистой Богородицы чтоб было все сжато и намолочено» (пол.).

Б.А. Серебрянниковым отмечено не только сугубо перфектное значение II прошедшего времени, но и двойственность природы перфекта: с одной стороны, выражение завершившегося в прошлом действия, с другой стороны, указывание на результат этого действия.

На наш взгляд, особенность семантики вымского перфекта наблюдается еще и в более именном характере этой глагольной формы. Действительно, при разборе предиката, выраженного формой II прошедшего времени глагола, в следующих предложениях четко выступает именная специфика предиката: *Me s'ojčma i jučma* «Я наевшаяся и напившаяся» (разг.); *Me pęčma da kujla* «Я наевшаяся и лежу» (княж.); *Menam munčma samęj veręssaję* «Я вышла как раз тогда замуж» (тур.); *įžjasįs abužįk lįd'd'čma* «Овцы немного неточно пересчитаны» (всл.); *Uč'it'el'įs abu čm tįrčma sen klubas* «Учителей разве не полно там в клубе?» (тур.). В данных предложениях в роли предиката выступает скорее не глагол II прошедшего времени, а причастие. Тем самым подчеркивается не активное действие, а признак предмета, субъекта. Правда, форма предиката снабжена формальным показателем перфекта (-a), но в данной ситуации она (форма) осмысливается не как действие, а признак предмета, о котором идет речь. Таких примеров привести больше.

Таким образом, причастия на -čm, послужившие исходной субстанцией к преобразованию его в перфект, в описываемом диалекте в ряде случаев находятся на стадии переосмысления в глагол II прошедшего времени.

Раздел 8. Наречие

Как часть речи, наречия оформлялись сравнительно поздно, поэтому в составе вымских наречий, как и в литературном языке, можно найти застывшие формы почти всех знаменательных частей речи: существительных, прилагательных, числительных, местоимений.

По установившейся в коми диалектологии традиции мы разделяем наречия на следующие основные группы:

1. Наречия, не имеющие морфологических показателей.
2. Наречия, возникшие из падежных форм.
3. Наречия, возникшие из сочетаний слов.
4. Изобразительные слова-наречия.
5. Наречия, образованные при помощи наречных суффиксов.

К первой группе мы можем отнести некоторое количество неприводных (первичных) с точки зрения синхронии наречий, часть из них представляет собой заимствования из русского языка. Примеры из говоров: *Ber jezjas včlalinj da us'inj* «Много народу было, да погибли» (княж.); *Ber n'in jansč'č'emačs'* «Опять они, оказывается, расстались»; *Nač' čtnas zome munis verč* «Совершенно один, друг мой, пошел он в лес» (всл.); *S'i iz petol jl-laad* «Совершенно не выходил (из дому) на улицу» (тур.); *Ros n'in me og tčd* «Ничего уже я не знаю» (тур.); *Poč'tajs ž'ik s'ib* «Почта-то совсем рядом» (тур.); *Tus' jugjd virjs petčma* «Ярко-светлая кровь-то потекла» (кон.); *Mužikjasjd mijan siž'žč — d'er junj* «Мужики у нас тоже, мастера выпивать» (кон.); *čuk og tčd* «точно не знаю» (онеж.); *Vir čtnam kai da č'ivkanjd n'otasti kuž'ik lebjštas* «Совершенно одна пошла (в лес) да птица-то низиною как промелькнет» (шош.); *Coz t'eš karis n'in sija* «Много бед он уже наделал нам» (всл.); *goz n'ajt pjrtin* «много грязи нанёс (синд.)». Из перечисленных наречий в переходном говоре не встречены *goz, d'er, ros, tus', s'ib, s'i*, но в полвнищом они в большинстве уже употребляются.

Вторая группа наречий отличается от первой наличием в своем составе застывших форм падежей: творительного, местного, направительного, приблизительного, исходного, отдалительного, переходного, достигающего: *Pjšjčn leč'č'i pač'č'erjs'* «Спешно спустилась с печи» (шош.); *Eččas taj petis sija pens'ijaad* «С маленькой пенсией она осталась» (княж.); *Ajč kjz' vo geger strejčn olis* «Мой отец около 20 лет инвалидом жил» (синд.); *N'alčben soč'č'č* «С треском горит» (тур.); *Ta sodajase juišti* «Вот столько выпил» (пол.); *ž'el'ajs'čž' ortsas'čma gortas* «С малых лет помогала дома» (кон.); *Mil'icijajd korč burjs' i l'okjs'* «Милиция приглашает и на поощрение, и на наказание» (тур.); *školajs janas soč'č'čma* «Школа-то сгорела отдельно» (всл.).

Третью группу составляют наречия, возникшие из несложных словосочетаний или из сочетания знаменательных слов: *Sija čtpr jualis, mēdpjr jualis daj kojmedpjr* «Он раз спросил, второй раз спросил и в третий раз» (тур.); *Naja juačēnj asnogjs* «Они спрашивают по-своему» (пол.); *Radvj̄ stanok* «Станки в ряд» (княж.); *Mēdžez ed oz lo* «Второй раз ведь не будет» (шош.); *Rj̄tpom rēbitēnj* «Вечером работают» (отл.); *Pōz'čmvj̄s'jd me zj̄rēda da jurēn jirkas* «С испугу я рванулась и головой стукнулась о потолок» (княж.); *Nasupor zeris drug* «Вопреки желаниям, вдруг полил дождь» (тур.); *Unjē tjrbur na olē* «Дядя хорошо пока живет» (тур.).

Четвертая группа — изобразительные слова-наречия — в диалекте являются распространенным явлением: *S'ark puēm vaē puktam kol'ksē* «В сильно кипящую воду положим яйца» (весл.); *Žj̄vēn-lōjēn volis* «Живым-здоровым вернулся» (кон.); *Tak-s'akēn ig ō* «Кое-как не жила я» (шош.); *Jujs č'ikl'ēs, vekn'i, žužj̄d — strak pola* «Речка извилистая, узкая, глубокая — страх как боюсь!» (синд.); *T'aželko pas'tas'is, lozas'is* «Тяжело оделся, натянул лаз» (тур.); *Vom pas', morēs val'k — siž'ik i munē* «Рот широко открыт, грудь открыта — так и идет» (тур.); *Tirskēb č'eč'č'is* «Поспешно встал» (онеж.).

Выявлена пятая группа — наречия, образованные при помощи наречных суффиксов *-a, -e, -ala, -ša, -čēn, -mēn, -čmēn*: *školajn velčē'č'čm slabinž'ia loi* «Учеба в школе недостаточной оказалась» (кырк.); *Juža da šjn'a Cabikajd olis* «Трудолюбиво и тихо жила Габова-то» (кон.); *Pas'tala kujim vers peļ'jštis z'mej* «В ширину на три километра подул змей» (шош.); *Rad'ioad gažaē s'jēnj, radujas's'a kj̄za* «По радио хорошо (весело) поют, с радостью слушаю» (шош.); *Izčēn petisnj klubs'js* «Гурьбой вышли из клуба» (кон.); *Ljs'toljs tēč'č'j̄mēn sodis* «Удой-то заметно увеличился» (кон.).

По своему значению наречия можно разделить на следующие разряды:

1. Наречия времени, обозначающие как определенное, так и неопределенное время: *toon* «сегодня», (*taon* — кош.), *asj̄* «завтра», *ber't'i* «потом», *asomjs'* «послезавтра», *ses'mēdlomjs'* «после послезавтра», *vel'is't'i* «накопец-то».

2. Наречия места, обозначающие место действия, направление движения: *tj̄tēn* «там», *j̄lj̄n* «далеко», *seč'č'an'* «туда, в то место», *berē-vož'ē* «взад вперед», *važjs'ēž'* «издавна», *j̄llas'an'* «с улицы», *tj̄tjs' n'i tatjs'* «оттуда ни отсюда».

3. Наречия, имеющие значения образа действия и способа совершения действия: *vejs'čn* «один за другим», *podtēg* «без ног», *podēn* «пешком», *šjn'a* «тихо», *kjsjēga* «тягуче».

4. Наречия меры и степени. Ими выступают в диалекте все те слова, которые употребляются в сочетании с прилагательными и наречиями для выражения высшей степени качества, например: *zej* «очень», *doza* «много», *ber* «много», *t'aškej* «очень», *gorc* «очень».

5. Количественные наречия представлены такими словами, как: *gt-mjda* «одинаково», *ž'el'in'ž'ia* «понемногу», *esjdan* «столько», *č'ir*, *vir*, *s'i*, *nač'* в значении «очень малое количество».

6. Наречия причин и цели: *žars'js* «из-за жары», *č'jglj* «из-за голода».

С различиями по значению в некоторой мере связаны и грамматические различия. Наречия места, времени, образа действия могут иметь степени сравнения — сравнительную и превосходную, которые образуются так же, как и у прилагательных. Пример: *Tenjd medvož' medč'ered s'etam* «Тебе раньше всех вне очереди дадим» (тур.); *medl'ok tuj* «самая плохая дорога»; *medmatjn* «ближе всех».

Представленный материал в основном отражает функционирование наречий в целом в выском диалекте; однако следует иметь ввиду некоторую ограниченность распространения в переходной зоне, особенно в кошечком говоре; отсутствуют в последнем количественные наречия *goz*, *č'ir*, *bus*, *s'i*, также одиночные примеры из других категорий: *kjsjgga*, *radujas's'a*, *šjn'a*. Средне- и верхневымские говоры находятся в одинаковом состоянии и не дифференцируются.

Раздел 9. Служебные части речи

§ 1. Послелог

Подобно всем служебным словам, послелог не имеет самостоятельного лексического значения, хотя по происхождению являются застывшими формами знаменательных слов. Функционально они выражают различные синтаксические отношения имен и местоимений. В этом отношении послелог близки к падежным формантам. Очень часто послелог в финно-угорских и других языках с послеложной системой при определенных сочетаниях превращаются в падежный формант. Некоторые, особенно пространственные, во многих финно-угорских языках являются серийными (115, с. 264–266; 68, с. 302–304; 50, с. 318–321; 101, с. 147–148). Это явление связано с тем, что послелог, как самостоятельная грамматическая категория, оформились сравнительно поздно. По мнению Д. Фокоша-Фукса, в урало-алтайском праязыке послелог отсутствовали (137, с. 77).

Г. Барци считает, что все послелого венгерского языка образовались уже в период его самостоятельного развития (135, с. 12).

По свидетельству ряда ученых, и в пермских языках современная система послелогов развилась сравнительно поздно, большинство послелогов появилось уже после распада пермской языковой общности (107, с. 355; 147, с. 201–212). В частности, из 52 коми послеложных гнезд общины для коми и удмуртского языка являются лишь 20, а 32 послелога коми языка появились после распада пермской общности (147, с. 207–212).

Послелого вымского диалекта можно разделить на следующие основные разряды: пространственные, временные, сравнительные, причинно-целевые, разделительные, послелого образа действия, послелого, указывающие на меру, количество и предел.

Наиболее употребительными из вымских послелогов являются пространственные, выполняющие роль пространственных отношений знаменательных слов. Данные послелого образованы преимущественно от имен существительных посредством формативов локальных падежей (направительного, местного, исходного с помощью их суффиксов). Приведем послелого указанного разряда: *berd-*, *bər-*, *bək-*, *bərlador-*, *bərlazdor-*, *ves't-*, *ves'tas-*, *vož'-*, *vož'lador-*, *vož'lazdor-*, *vož'č'a*, *vĭ-*, *din-*, *dor-*, *jĭ-*, *kost-*, *kolast-*, *n'ĭlĭd*, *ord-*, *pas'ta*, *pom-*, *pĕst-*, *pĭčk-*, *saj-*, *šer-*, *ũ-*, *geger*, *vomĉn*, *kuz'a*, *kač'č'es*, *kĭĭd*, *vijĉn*, *vijjĉn*, *pĕĉn*, *pĭr*, *panĭd*. Примеры: *Ves' l'okis mi vijjĉn muni* «Все несчастья через нас прошли» (тур.); *MTF bərlazdoras n'ĭčaksĕ votlim* «За фермой (за МТФ) путники мы собирали» (тур.); *Ju ves'tasas vič'č'i me* «Прямо около реки и ждал» (онеж.); *S'orn'i kolasas taj pĭrolli kĭmjnlaĝ kĕ-a* «В разговор уже вступала (я) несколько раз» (пол.); *Akka orde vetli* «К крёстной ходил» (кош.); *Kĭĭnjĕ va bər, kanĭĕ va vož'č'a-a* «Вниз плывешь по течению, вверх — против течения» (пол.).

В диалекте имеются примеры, где послелог *ord* сохранил своё вещественное значение, не находится на стадии превращения в послелог: *Jen orde Ves'l'anĕ vĕli kalĭllam* «К богу молиться, бывало, в Весляну едем» (кок.); *Žiganorde muna* «В Жигановку я иду» (тур.); *Žiganordad vis'talasnĭžĭk* «В Жигановке более разговорчивые, расскажут» (тур.).

К временным послелогам относятся: *berti*, *bĕrĭn*, *vož'ĭn*, *vož'vĭlĭn*, *vĭ-*, *geger*, *dĭra*, *dĭrĭi*, *kežĕ*, *kežĕ*, *kosti*, *mĭs'ti*, *mĭtta*, *mĭda*, *pom-*, *šer-*, *dor-*. *Vežon mĭttajas prejd'itis* «Около недели прошло» (кон.); *Mis'eč' mĭda šogi, s'a i dugdi* «Месяц горевала, потом и успокоилась» (княж.); *L'okĕĕma vĕĕm mortĕ ta vož'vĭlĭn* «Разозлил (он), оказывается, человека-то перед этим» (тур.); *ĕddor jĕz loktĭĕmaĝs' Petĭr lun dorĕ* «Посторонние люди приходили ко дню Петра» (синд.).

Сравнительные послелогои: *kojd, moz, mozna, noga, dorjs'*. Примеры: *Me noge Klan'jd tom žijk, men s'iz'imdas da okmjs* «Клавдия моложе меня, мне семьдесят девять лет» (княж.); *S'ekta topjda mi bjdmin, mi moznanim tijan iz s'ur* «Трудно мы росли, вам легче было, чем нам» (кон.); *Te moznajd kuža že čekat'ie'č'injad* «Я тоже, как и ты, умею спорить» (тур.).

Причинные и целевые отношения выражают формы: *mogjs', pomjs', rad'i, s'ert'i, vj, pomdas', kuz'a, pj'd'd'as', moglas'*. Примеры: *Kez'ajkasę komjn č'elkevej vjle i žagędęmaęs'* «Хозяйку из-за тридцати рублей задушили» (кырк.); *Mam kuč'č'is šognj kjk nj s'ert'i* «Мать начала беспокоиться (нервничать) из-за двух дочерей» (шош.); *Mjj vjle loktin?* «Почему (ради чего) пришел?» (рак.); *S'intęn kuz'a ed sen olis sija* «Из-за слепоты он там ведь жил» (отл.).

В переходном говоре (д. Косък) отсутствует сравнительный послелог *mozna*.

Разделительные послелогои: *kjn'ži (kin'z'i) ċddor, pj'd'd'i, tuj-, mesta*. Примеры: *Mit'it Pašjd bur tuję menęlj puktjlis* «Митит Паш считал меня порядочным» (онеж.); *Menę kulač'ka tujjn n'imędisnj* «Меня объявили кулачкой» (тур.); *Siję oš mestaę Ijęmaęs'* «В него вместо медведя выстрелили» (шош.).

Послелогои образа действия: *ves'tjn, jljis', nog, soręn, kežjn, kežjs', n'j*. Примеры: *Olis, majbjr, as ves'tas* «Жила, счастливая, сама собой» (княж.); *Važęn č'er jljis' vęli kaam da rebitam* «Раньше, бывало, пойдем в лес и одним топором работаем» (тур.); *As kežjn s'orn'itam* «Наедине говорим» (коп.); *Vek n'in med te n'j vęli* «Хочешь, чтобы всегда всё по-твоему было» (кырк.). Послелог *n'j* не характерен для переходного говора, употребляется *nog, noęn*.

Послелогои, указывающие на меру, качество, предел: *pas'ta, kuz'ta, kjzta, soda, jžta, gjrs'a, s'ekta, mjda, kjmjn, mjta, mjitem, gęger, žužta*. Часто они оформляются показателем множественного числа *-jas*. Примеры: *Ljmjs esj sodajasjs iz na vęlj* «Снега такой толщины еще не было» (синд.); *Lun kjz' kjmjnjjas vič'č'an* «Дней двадцать ждешь».

Кроме вышеописанных послелогов, представленных в каком-либо определенном разряде, имеется небольшая группа, не принадлежащая ни к одному разряду. Некоторые примеры: *Sj kuz'a i jętę až'ž'isnj* «Поэтому признаку и нашли людей» (пол.); *Al'binajd mjj šuę Anna s'ert'i?* «Альбина-то что говорит об Анне?» (княж.); *Bat' s'erjs' me kol'ęma kjk aręęn* «Без отца я остался двухлетним» (шош.); *S'a ne te as ponda ponda vis'tolljn* «Потом я про себя стану рассказывать?» (пол.).

Таким образом, послелогои вымского диалекта мало дифференцированы по говорам. В кошецком говоре послелогои функционируют несколько в

иной огласовке, подчиняясь локальной фонетической закономерности: *jĭv* (вым. *jĭ*), *s'erĭs'* (вым. *s'erĭs'*). Кроме того, в данной местности не утвердись некоторые слова: *n'ĭ, mozna*.

§ 2. Частицы

Значение частиц коми языка, их дистрибуция в предложении впервые получили всестороннее научное описание в кандидатской диссертации А.И. Подоровой (97, с. 36), а затем под ее авторством в соответствующем разделе коллективного труда «Современный коми язык».

Частицы относятся к незнаменательным словам, не имеют лексического значения. Главная функция их — придавать те или иные смысловые оттенки предложению, фразе, слову, как например, усиления, пояснения, условия, вопроса, перечисления и т.д. Примеры: *č'ud'd'aslĕn kerkajasĭs vužĭjs' pĕ kijĕta* «Избы у чуди, говорят, из корней сплетены» (кош.); *Tĭ taj gĕptĭs* «Вон, оказывается, яма-то» (отл.); *Mijan Vas'il'ej S't'epanovič' kĕ vĕli seki tani preds'edat'el'ad-a* «У нас Василий Степанович, кажется, был председателем-то?» (пол.); *Vojnas snarad mi vĭlĕ loktĕ daj sĕmjn* «Ночью снаряды к нам летят да и только» (кырк.).

В описываемом диалекте употребляются в основном те же частицы, что и в присыктывкарском диалекте и принятом коми литературном языке, но имеется некоторое своеобразие в функционировании данных служебных слов, поэтому мы попытаемся классифицировать их, учитывая имеющиеся диалектные отклонения.

Разряды частиц

1. Вопросительные: *ĕ* «ли», *ĕm* «разве», *l'i* «ли», *nĕ* «разве», *n'eužel'i* «неужели», *raz've* «разве». Примеры: *Ina ĕm te vĕlin, ina ĕm?* «Правда, что ты была, правда?» (рак.); *Velĕdis pisĕ kĭk vo-ĕ mij-ĕ* «Учила сына, два года что ли» (княж.).

2. Усилительно-ограничительные: *i* «и», *žĕ* «же», *dažĕ* «даже»; *vĭjĕž'* «даже», *ves'ig* «даже», *ves'igas* «даже», *kuš* «только», *sĕmjn* «только», *tĭkĕ* «лишь», *medĭkĕ* «лишь бы», *tĕl'ko(t)* «только». Примеры: *Zertež'ĭs ud'itim medĭkĕ-a* «Лишь бы успели до дождя» (всл.); *Kĭ ves'igas iz šu* «Даже слова не сказал» (синд.); *Mašĭdanjas pĭralasnj zduk kežĕ tĕl'ko* «Маша и другие с нею зайдут только на момент» (княж.).

3. Выделительные: *nĕ* «же», *žĕ* «же», *no* «ну», *da* «да», *al'i* «что за», *i* «и», *bara* «в самом деле, конечно», *bĭdĕn* «даже», *dĕstĭ, dĕstĭk* «даже», *mĭda* «даже». Примеры: *Pōz'i da č'ermunli bĭdĕn* «Испугалась, и вздрогнула вся»

(рак.); *Koktęms'is babjđ dęstjĳk* «У бабушки ноги отнялись окончательно» (тур.); *Oškjđ oz ljs'tj puktjłnj mjda; mjž'las es'kę da* «Медведь не смеет даже отдохнуть, расслабиться, хотя устал» (кон.).

4. Указательные: *so* «вот, вон», *to* «вот», *vot* «вот», *tję* «вот», *tę, teję* «вот», (далеко), *ta, taję* «вот» (близко). Примеры: *Tję taj samej sija loktę* «Вот, оказывается, он как раз идет»; *In kors', tę taj, tę naja* «Не ищи, вот, оказывается, вот они» (далеко); *Taję taj sija vož'č'a voę* «Вот он навстречу идет».

5. Вводные частицы: *da* «пожалуй, в самом деле», *ed* «ведь», *kęt'* «хоть, к примеру», *kę-a* «по-видимому, должно быть», *mjs'a* «мол», *napervo* «прежде всего», *pę* «де», *taj* «ведь, оказывается». Примеры: *Mijan Vas' S'tęp kę vęli predad-a?* «У нас Степан Васильевич, кажется, был председателем» (пол.); *Č'ud'd'aslęn kerkajas vužjjs' pę kijęma* «У чуди, говорят, жилища сплетены из корней деревьев» (кош.).

6. Отрицательные частицы: *abu* «не», *n'e* «не».

7. Сравнительные: *bęl'ę* «более», *meč'č'a, meč'č'ęn* «самый», *samej* «самый». Примеры: *Taja tujjđ meč'č'en bur da jęzjđ kuž' gez loktęnj* «Эта дорога самая хорошая и люди по ней идут вереницей, словно веревка» (тур.); *Mukęd d'ad'd'asis bęl'ę burž'jĳęs' vęłjnj* «Другие дядья добрее были к детям» (онеж.).

8. Присоединительные: *i* «и», *n'i* «ни», *žę* «тоже», *siž'žę* «тоже, также», *tožę* «тоже», *čęč* «тоже». Например: *Stęręžjjs' pę jęrmim žę* «Сторож, говорят, нам тоже нужен» (кош.).

9. Частицы, устанавливающие совпадение: *bureč* «как раз», *zabjł'* «именно», *imęnę* «именно, как раз», *pramo* «прямо», *samej* «как раз, точно». Примеры: *D'everękęd pil'ič'č'i samej* «С деверем дрова пилила как раз» (кош.); *Zabjł' sija mortjđ vęli* «Именно этот человек и был» (онеж.).

10. Уступительные частицы: *iņę, iņęs'* «в таком случае», *kęt'* «хоть», *l'ibe* «в таком случае». Примеры: *Me iņęs' petala lavkaas* «Я в таком случае схожу в магазин» (княж.).

11. Соотносящие частицы: *jęšę* «еще», *na* «еще», *nęšta* «еще», *n'in* «еще». Примеры: *Eč'a-ečate pasjas'ljıla na* «Немножко еще крещусь» (княж.).

12. Прилагательные частицы: *vaj* «давай», *vęli, vęlęm* «было, бывало», *davaj* «давай», *med* «пусть», *es'kęn* «бы». Примеры: *Vartam vęli, peste pil'itam, siž'ik ollim taj-a* «Молотили, дрова пилили, так и жили» (пол.); *Beļę-jjasjđ tač'č'ę vęlęm kęsjęnj loknj* «Белогвардейки, оказывается, сюда сибирались нагрянуть» (княж.); *Me es'kę esija dokumentjasis kę vęlinj, kęni boj-jasjjs vęlinj, perepravajajsjs, stavjjs seč'č'ę gižalęma vęli* «Я бы, если бы те до-

кументы были, где какие бои были, переправы, всё было туда записано» (кырк.).

В говорах повсеместно весьма частое употребление нашли разнообразные сочетания частиц, вносящие в речь всевозможные оттенки: *no ed, abu na že* и т.д. Примеры: *Tēnad vetljinjad s'čkjđ že-a, liz' kara* «Зимой ходить всё равно трудно, лыжи я сделаю» (пол.); *Daže vot rēzval'ags' belgjasjđ da pjl'emet l'i mij l'i nalēn* «Белогвардейцы на санях, пулемет, кажется, у них» (княж.); *Abu na že vot pervej nįrad vot, pervej nįrad munįs's'asjđ ed kod munis, nija že n'in iz i volį* «Не в первом ряду он был, те, кто ушел первым, тот не вернулся» (княж.); *Sija ed etore n'in dįš* «Он ведь такой, ленивый» (кош.); *Kod ne saje ne munis?* «За кого вышла замуж?» (кош.).

В говоре дер. Косък не получили распространения вопросительная частица *ina (inaēn)*, выделительная — *dęstį (dęstįk)*, указательная — *tįē*. В половницкой речи, как и во всех остальных вымских говорах, они бытуют.

§ 3. Союзы

Союзы в вымских говорах в основном те же, что и в литературном коми языке. В ряду сочинительных союзов наиболее употребительными являются: *i* «и», *da* «и, да, но», *no* «но», *daj* «да и», *a* «а», *al'i* «или», *l'ibe* «либо», *n'i* «ни», *l'i* «ли», *n'etē* — *n'etē* «не то — не то», *n'is'ē* «не то — не то», *to* — *to* «то — то».

Подчинительные союзы: *med, medįm* «чтобы», *ke* «если», *da* «потому что», *da* «когда», *keť* «хотя», *bįt'tē, bįt'tēņs'* «будто», *sijēn* «потому», *murtsa, murtsįs'* «едва, только что», *l'oka* «потому что», *mį jįšē* «как будто». Примеры: *To Gal'inajđ menēļį č'apke, to Ton'aįdan nučēņį* «То Галина меня хватает, то Тоня (с ней другие) уводят меня» (княж.); *Pįjđ menam bur da mon'įdlēn kįļįs s'ękta petē* «Сын-то у меня хороший, да у снохи слова с трудом выходят (не услышишь приветливого слова)» (кырк.); *Bįrēdad keįdaldasņį da kįnmas* «В ледяной воде среди торосов побродят да простынет» (тур.); *Mįškuē keįdas ke, č'eč'č'įnj og vermį* «Если спина замерзнет, встать не могу» (княж.); *Pos'olokad s'iž'čņįžįk, tani ed kul'iga da* «В поселке больше прибывает народ, здесь ведь кулига, глушь» (рак.); *L'oka aj-mannįs nemņįsē č'igtis, piįs kįzįs'tēm loi* «Потому что родители все время обижали, сын-то стал непослушным» (рак.); *Starēver modas'įs sįje vek n'in tēdan, pōz'ē, mį jįšē s'oįdēšē serpalan* «По староверским привычкам её сразу узнаешь, она боится ведь, как будто ты кушанье испортишь» (княж.).

Для переходного говора не характерен союз *mį jįšē*. Во всех вымских говорах он закрепился в активной лексике.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ

I. Имя существительное:

1. Некоторые падежи имеют иное, чем в присыктывкарском диалекте, оформление, например, эггессив на *-j's'čž'* (кроме переходного говора) и аккузатив на *-lj* во всем бассейне.

2. В области словообразования имен существительных в средне- и верхневымских говорах употребляются древние непродуктивные суффиксы: *-ukjan*, *-as's'a*, *-jl'*, *-t'ej*, *-ok,-as'*, *-aj*, *-ko*, не встречающиеся в Присыктывкарье: *njlukjan* «доченька», *z'at'as's'a* «зятек», *tamjl'* «мамочка», *Kol'at'ej* «Коленька», *diok* «островок», *č'eč'č'as'* «лягушка», *kokaj* «мотыга», *perjas'ko* «обманщик».

II. Имя прилагательное:

1. Для выражения высшей степени качества употребляются, помимо имеющихся также в Присыктывкарье *zej* «очень», *samej* «самый», следующие единицы: *ber*, *doza*, *t'aškej* — в значении «очень», а также аналитические конструкции: *jonjs' kjnž'i jon mort* «самый сильный человек», *burjs' kjnž'i bur kerka* «самый добротный дом».

2. Среди словообразовательных суффиксов достойны внимания продуктивные *-sa* и *-čs'*, привлекаемые в говорах в более широком диапазоне, а также непродуктивные ныне архаизмы: *-gō (-gow)*, *-jl'*, *-er*: *kerkasa čbčs* (*čž'čs*) «дверь дома», *č'ukčs' va* «наполненная водой», *ježgō* «беловатый», *č'ikjl'* «кривой», *č'čner* «с сердцевинной».

III. Имя числительное:

1. В числительном *čtik* «один» чаще употребляется переднеязычный твердый (не палатальный) *t*; *okmjs* «девять» произносятся с огубленным началом.

2. Числительные первого десятка могут в позиции определения удваиваться, усиливая или подчеркивая обозначаемое количество: *kuima kuimčs kjč'nalis* «трех щенят родила».

3. Привлекая составные числительные для обозначения или названия возраста, носители диалекта прибегают к конструкции: *-č* — *-tčm*, где *-č* агглютинируется к сложному числительному, *-tčm* — к простому: *Kvajimjč kiktčm arčs sjlj* «Шестьдесят без двух ему лет».

IV. Местоимение:

1. Винительный падеж личных местоимений может оформляться формативом *-lj*: *menčlj ažž'is* «меня нашла»; родительный и дательный падежи имеют, наряду с полной формой, портативную: *men*, *ten*, *team*, *tead*; в большинстве падежей личные местоимения множественного числа упо-

требляются без характерного интерморфемного *-jan*: *mikçd* «с нами», *tila* «за вами».

2. Соединительный падеж усилительно-личных местоимений имеет специфическую форму: *askçtiçkçd*, *askçtinjmçd* и т.д.;

3. Счетно-личные местоимения имеют тенденцию сочетаться с личными: *mi kjknannjm* «мы оба», *vitnannjs naja* «всего пятеро они».

4. Сохранилась форма указательных местоимений *teje*, *tejeçs'* (дальнее расстояние) и *tajçns'* (близкое расстояние);

5. Указательные местоимения в синтагме с определяемым словом согласуются с последним: *esjlj mortjslj* «тому человеку», *etateg ortsas'js'tegjs* «без этого помощника».

V. Глагол:

Финитные формы:

1. Отрицательная форма I прошедшего времени: *ig*, *in*, *iz*.

2. Наличие двоякой формы у некоторых глаголов 3 лица I прошедшего времени *-i* – *-is*, *-inj* – *-isnj*.

3. Специфика вымского перфекта — наличие полного парадигматического ряда спряжения: *te tunçta* — *mi tunçtaçs'* «Я ушел — мы ушли».

4. Наличие остаточного признака предмета в семантике перфекта.

5. Аналитические формы футурума оформляются с помощью слов *pondinj* (кош.), *kuč'č'inj* «начать»: *ponda vis'tallinj* «стану рассказывать», *kuč'č'anjd gigz'inj* «будете смеяться».

6. Функционирование видового суффикса *-s'*, оформителя ряда глаголов длительного процессуального действия: *turun vajas'çnj* «сено таскают» (скр. *turun vajalçnj*), *mi vççç'č'am* «мы догоняем» (скр.)

Инфинитивные формы:

7. Сохранение в диалекте более древней формы инфинитива на *-inj*: *ljs'tinj* «сметь».

8. Широкое употребление инфинитивов в лично-притяжательном оформлении: *-njam*, *-njad*, *-njas*, *-njanjm*, *-njanjd*, *-njanjs*.

9. Сочетаемость инфинитива с послелогоми: *vuzōnj vjlç* «для того, чтобы продать», *vuzōnj kjnž'i* «кроме того, чтобы продать».

10. Сохранение в диалекте древней деепричастной формы на *-sa*: *puksa uz'e* «сидя спит».

11. Употребление более архаичной глагольной формы типа *muntjs't*: *Pukas'mjs't muni gortç* «После того как сидел (в гостях), ушел домой» (скр. *pukalçm mjs't'i*).

12. Способность причастия на *-an* выступать в активной функции действителя: *gižas'an mort* «записывающий, пишущий человек» (скр. *gižas'js'*).

VI. Наречие:

1. Для говоров характерно то, что в них много изобразительных, звукоподражательных и других оноματοпоэтических слов: *s'ark puš* «сильно, с бульканьем варится», *n'alčben soč'č'e* «с треском горит».

2. Постоянно происходит своеобразное освоение русских слов и словосочетаний для выражений признака действия: *zaval'is' una votemags' jagčd* «очень много собрали ягод», *zadperod vetlis* «ненадолго сходил».

VII. Послелого:

1. В описываемых говорах многие послелого, употребляющиеся и в Присыктывкарье, функционируют несколько в иной огласовке. Подчиняясь общей фонетической закономерности говоров: *vijjen* (скр. *vijen*), *mi tozna* «как мы (скр. *mi moz*).

2. Ряд послелогов употребляется с другим, чем в присыктывкарском говоре, значением: *s'ert'i*, *tujjn*, *nogč*, *vjčd*, *kuz'a*, *mesta*, *kežjn*, *jiljs*.

3. Большинство послелогов еще не утратило свою предметную семантику: *jen ordč kaljllim* «к богу (в то место, где бог) мы ездили», *pjzan vj* «поверхность стола», *pjzan ūs'js* «из-под стола».

VIII. Частицы:

1. Широко употребительны во всех говорах русские заимствованные частицы: *no*, *vot no čd*. Иногда русские частицы сочетаются с коми: *abu na žč čd* «нет может быть», *no mis'a* «ну ладно».

IX. Союзы:

Для всех вымских говоров, как и для коми языка, характерно употребление русских союзов: *i*, *a*, *no*, *da*, *il'i*, *l'ibč*, *keč'* и др.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Вымский диалект коми языка, распространенный в бассейне р. Вымь, правого притока р. Вычегда, служит средством общения коми населения деревень и сёл Княжпогостского района Коми АССР.

2. Исторически и этногенетически вымские коми являются потомками летописной Перми Вычегодской, известной в истории с XI в. Формирование и развитие диалекта происходило на широком историческом фоне развития народов Европейского Севера, поздний его этап протекал на протяжении около одной тысячи лет на указанной выше территории.

3. За указанный исторический отрезок времени вымский диалект выработал единые с общекومی языком грамматические нормы, основой которых послужил общепермский язык. Общекومی грамматическая структура в вымской речи составляет основное её ядро.

4. В структуре диалекта, кроме того, выделяются северо-западные языковые элементы, характерные для нижней Вычегды, Вишеры, Выми и Ижмы.

5. В системе говоров имеется также специфический для изучаемого бассейна языковой пласт, обусловленный, с одной стороны, спонтанным развитием диалекта, с другой — реликтовыми отложениями общепермского языка.

6. В сравнении с присыктывкарским диалектом коми языка, лёгшим в основу литературного языка, можно отметить следующие отличительные особенности вымского диалекта.

В фонетике:

1. Выработка специфического вокализма с релевантными долготными ступенями гласных фонем, в результате чего в вокалической системе утвердились, наряду с *i*, *e*, *ĩ*, *ɛ*, *u*, *o*, *a*, также *ē*, *ī*, *ē̄*, *ū*, *ō*.

2. Эмфатическое функционирование аллофонического долготного варьирования гласных перед звонкими согласными.

3. Ассимиляция передних и средних гласных огубленными гласными.

4. Проявление рефлекса общепермских гласных *ē*, *u*, *ō*.

5. Тенденция гласных нижнего и среднего подъёма непервого слога перетягивать на себя ударение.

6. Палатализация переднеязычных зубных *t*, *d* под влиянием переднерядных *i*, *e*.

7. Способность звукоперехода *g*, *k* > *d'*, *t'* под влиянием переднеязычных.

8. Деаффрикатизация *ʒ'*, *č'* перед зубными согласными.

9. Сильно развитая регрессивная и прогрессивная ассимиляция согласных по глухости-звонкости, твердости-мягкости.

В морфологии:

10. Имя существительное:

а) функционирование эгрессива на *-js'čž'* и аккузатива на *-lj*;

б) в области словообразования наличествуют суффиксы: *-aj*, *-as'*, *-as's'a*, *-ko*, *-t'ej*, *-ukjan*.

11. Имя прилагательное. Для выражения высшей степени качества употребляются: *ber*, *t'aškej* — в значении «очень», а также аналитические конструкции: *jonjs' kijnž'i jon*, *burjs' kijnž'i bur* «сильнейший, добрейший».

12. Имя числительное:

а) числительные 1, 2, 3 в позиции определения могут удваиваться, усиливая или подчеркивая обозначаемое количество: *kjka kjk* «двое», *kuima kuim* «трое»;

б) числительное в функции прямого дополнения может агглютинировать форматив *-lj*.

13. Местоимение:

а) винительный падеж личных местоимений может оформляться форматами *-lj*;

б) родительный и дательный падежи имеют, наряду с полной формой, краткую: *men* «мне», *ted* «тебе», *team* «мой», *tead* «твой»;

в) множественное число местоимений употребляется в усеченной форме: *tikčd* «с вами», *tila* «за вами»;

г) соединительный падеж усилительно-личных местоимений имеет специфическую форму: *askčtičkčd*, *askčtinjmčd*;

д) указательные местоимения обладают способностью противопоставлять близкое и дальнее расстояние от объекта;

е) указательные местоимения в синтагме с определяемым словом согласуются с последним: *esjlj mortjslj* «этому человеку», *etateg mortjsteg* «без этого человека».

14. Глагольные формы:

а) вымский перфект имеет, в отличие от присыктывкарских форм, полный парадигматический ряд спряжения: *me tunčta*, *mi tunčtačs'* «я ушел, мы ушли»;

б) аналитические формы футурума оформляются с помощью слов *pondjnj*, *kuč'č'jnj* «начаться»;

в) функционирование видового суффикса *s'*, оформителя глаголов длительного процессуального действия;

г) широкое употребление инфинитивов в лично-притяжательном оформлении *-am*, *-ad*, *-as*, *-anjm*, *-anjd*, *-anjs*;

д) сочетаемость инфинитива с послелогом: *vuzōnj vjļe* «продать»;
е) употребление архаической глагольной конструкции с компонентом *-mjs't* «спустя, через...»;

ж) способность причастия на *-an* выступать в активной функции действителя.

15. Наречие:

а) наличие в диалекте специфических изобразительных, звукоподражательных и оноματοпоэтических слов.

16. Служебные слова:

а) ряд послелогов (*s'ert'i*, *nogē*, *kuz'a*, *mesta*, *jļļjs'* и т.д.) употребляется с другим, чем в Присыктывкарье, значением;

б) некоторые послелогов еще не утратили предметную семантику (*ord*);

в) в диалекте употребительны русские заимствованные частицы и союзы.

17. Указанные особенности в вымском диалекте являются развивающимся явлением, кроме формы эггессива на *-js'ež'*, непродуктивных суффиксов *-aj*, *-t'ej*, формы соединительного падежа личного местоимения *-kctiēkēd*, находящихся в тенденции выветривания. Многие перечисленные особенности функционируют в северо-западных диалектах коми языка, особенно нуль-эловых, характеризующихся непосредственным генетическим родством.

Вымский диалект, явившись основной для формирования и развития нуль-эловых диалектов, оказал сильное влияние на выработку единых речевых явлений в структуре последних.

18. В настоящее время в силу имевших место языковых и экстралингвистических факторов вымский диалект не представляет однородного массива. Он подразделяется на три зоны: верхневымский регион, средневымские говоры и переходная зона.

Верхневымские говоры, распространенные в населенных пунктах Шошечкого, Турьинского, Ветьинского и Синдорского сельсоветов, составляют совершенно особую в коми диалектологии грамматическую специфику, выражающуюся в сохранении многих архаических черт (4, 5, 10, 13, 14 г, д, е, ж, 16 б) и выработке новых языковых явлений (1, 2, 8, 11, 12, 14 б, в, 15, 16).

Средневымские говоры, обслуживающие коми население Княжпогостского сельсовета, имеют некоторые фонетико-морфологические отклонения от речевых особенностей верхневымской зоны, объясняемые наславанием отдельных нижневыхгодских диалектных черт на первичную вымскую речевую основу (в явлениях палатализации согласных, деаффри-

катизации, снижение частотности а) падежных форм на *-j's'ež'*, *-ketičkəd*, б) суффиксов словообразования *-aj*, *-as's'a*, *-t'ej*, в) в функционировании лично-притяжательных показателей местоимений, деепричастий).

Переходная зона, включающая в себя кошецкий и частично половницкий говоры, сложившаяся в результате продолжительного взаимодействия двух самостоятельных диалектов — нижевычегодского с вымским, характеризуется наличием грамматических, лексических черт обоих диалектов, причем фонетическая система кошецкого говора более близка к вычегодской, а морфологическая структура находится в стадии выветривания вымских примет, а именно:

а) говор относится к вэ-эловой разновидности, причем на месте долгих гласных выступает сочетание гласной с огубленным;

б) в первом слоге после палатальных согласных или передних гласных на месте вымских позиционных *j*, *ç* функционируют *i*, *e*;

в) утрата падежных форм на *-j's'ež'* и формы аккузатива на *-lj*; отсутствие специфических суффиксов словообразования и компонента футурума *kuc'č'inj*; агглютинирование нижевычегодских показателей лично-притяжательного склонения инфинитива, деепричастий; отсутствие ряда характерных для Выми наречных форм.

19. Дальнейшая судьба вымского диалекта будет определяться волей пользующегося им коренного населения, а также объективными факторами, включающими, с одной стороны, взаимодействие диалекта с коми литературным языком, с другой стороны, дальнейшее развитие двуязычия под влиянием русского языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

I. Историко-этнографическая литература

1. Белицер В.Н. Очерки по этнографии народов коми. М., 1958.
2. Буров Г.М. Вычегодский край. М., 1965.
3. Буров Г.М. Древний Синдор. М., 1967.
4. Воскобойникова Н.П. К истории поселений Яренского уезда конца XVI – начала XVIII вв. // Аграрная история Европейского Севера СССР, вып. III. Вологда, 1970.
5. Гневушев А.М. Акты времени правления царя Василия Шуйского. СПб. 1914.
6. Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под редакцией С.Н. Валка. М.-Л., 1949.
7. Доронин Н.Г. Документы по истории коми // Историко-филологический сборник, вып. 4. Сыктывкар, 1958.
8. Жеребцов Л.Н. Расселение коми в XV–XIX вв. Сыктывкар, 1972.
9. Жеребцов Л.Н. Хозяйство, культура и быт удорских коми в XVIII – начале XIX вв. М., 1972.
10. Жеребцов Л.Н., Лашук Л.П. Старая Вишера // Историко-филологический сборник, вып. 4. Сыктывкар, 1958.
11. Житие Святого Стефана епископа Пермского, написанное Епифанием Премудрым. СПб, 1897.
12. Лашук Л.П. Русское старожильческое население на Выми // Известия Коми филиала Всесоюзного географического общества, вып. 4. Сыктывкар, 1957.
13. Лашук Л.П. Формирование народности коми. М., 1972.
14. Лыткин Г.С. Зырянский край при епископах пермских и зырянский язык. СПб., 1889.
15. Материалы по истории европейского Севера СССР. Северный археографический сборник, вып. 1. Вологда, 1970.
16. Марк К.Ю. Этногенез финно-угорских народов в свете данных антропологии // Всесоюзная конференция по финно-угроведению. Йошкар-Ола, 1969.
17. Микушев А.К. Материалы Вычегодско-Вымской фольклорной экспедиции 1964 г. Архив Коми филиала АН СССР, ф. 1, оп. 11, ед. хр.335.
18. Микушев А.К. Эпические формы коми фольклора. Л., 1973.
19. Миллер Г.М. История Сибири, т. 1. М.–Л., 1937.
20. Очерки по истории Коми АССР. Ч. 1. Сыктывкар. 1955.
21. Переписная книга 1646 г. Яренского уезда П.Граевского и Ф.Протопопова. ЦГАДА, ф. 1209, кн.143.
22. Переписная книга 1687 г. на Выми Яренский городов. ЦГАДА, ф. 1209, кн. 15057.
23. Переписная книга 1710 г. ЦГАДА, ф. 350, кн. 4947.
24. Переписная книга 1719-1720 г. ЦГАДА, ф. 1209, кн. 4948.
25. Переписная книга 1747 г. ЦГАДА, ф. 350, кн. 4949.

26. Пименов В.В. Вепсы. М., 1965.
27. Савельева Э.А. Кичильковский могильник // Материалы по археологии Европейского Северо-Востока, вып. 5. Сыктывкар. 1973.
28. Савельева Э.А. Лузская Пермца. Сыктывкар. 1972.
29. Савельева Э.А. Первый веслянский могильник // Историко-филологический сборник, вып. 8. Сыктывкар, 1963.
30. Савельева Э.А. Пермь Вычегодская. М., 1971.
31. Серебrenников Б.А. Происхождение марийского народа по данным языка // Происхождение марийского народа. Йошкар-Ола. 1967.
32. Сидоров А.С. Памятники древности на реке Вымь // «Коми му», 1924, №№ 7–10.
33. Чебоксаров П.Н. Этногенез коми по данным антропологии // Советская этнография, 1946, № 2.

II. Лингвистическая литература

34. Аванесов Р.И. Очерки русской диалектологии. Ч. 1. М., 1949.
35. Алатырев В.И. «Субъективная деепричастная конструкция» и ее происхождение // Вопросы финно-угорского языкознания, вып. 4. Ижевск, 1967.
36. Балашша И. Венгерский язык. М., 1951.
37. Баталова Р.М. Фонетические особенности оньковского диалекта коми-пермяцкого языка // Историко-филологический сборник, вып. 7. Сыктывкар, 1962.
38. Баталова Р.М. Оньковский диалект коми-пермяцкого языка. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кудымкар, 1962.
39. Баталова Р.М. Оньковский диалект коми-пермяцкого языка. Дис. ... канд. филол. наук. М., 1962.
40. Бараксанов Г.Г. Некоторые вопросы исторической диалектологии коми языка // Коми филология. Сыктывкар, 1972. (Тр. Института языка, литературы и истории Коми филиала АН СССР; Вып. 2).
41. Бараксанов Г.Г. Формирование языковых норм коми литературного языка. Сыктывкар, 1964.
42. Берецки Г.Г. Финно-угорские элементы в лексике марийского языка. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1957.
43. Бубрих Д.В. Грамматика литературного коми языка. Л., 1949.
44. Бубрих Д.В. Еще о сингармонизме гласных в мордовских языках // Известия НИИ МК. Т. 1. Саранск, 1935.
45. Бубрих Д.В. Историческая морфология финского языка. М.–Л., 1955.
46. Бушмакин С.К. Фонетические и морфологические особенности средневычегодских говоров удмуртского языка. Дис. ... филол. наук. Ижевск–Москва, 1971.
47. Виноградов В.В. Русский язык. М., 1972.
48. Галкин И.С. Историческая грамматика марийского языка. Морфология. Ч. 2. Йошкар-Ола, 1966.
49. Галкин И.С. К вопросу о пермской топонимике на территории Марийской АССР // Всесоюзная конференция по финно-угроведению. Тезисы докладов и сообщений на XI конференции по финно-угроведению. Сыктывкар, 1965.

50. Грамматика современного удмуртского языка. Ижевск, 1962.
51. Грузов Л.П. Видоизменение фонем марийского языка // Труды Мар НИИ языка, литературы и истории, вып. X. Йошкар-Ола, 1957.
52. Грузов Л.П. Следы финно-угорских аффрикат в диалектах марийского языка // Советское финно-угроведение. 1965. № 4.
53. Гуляев Е.С. К вопросу о прибалтийско-финских заимствованиях в коми языке // Вопросы советского финно-угроведения. Тезисы докладов и сообщений на XV конференции по финно-угроведению. Петрозаводск, 1974.
54. Гуляев Е.С. Происхождение падежей с элементом -сь в коми языке // Историко-филологический сборник, вып. 5. Сыктывкар, 1960.
55. Гуляев Е.С. СЪ-овые падежи в коми языке. Дис. ... канд. филол. наук. Тарту, 1962.
56. Жилина Т.И. О говоре села Слудка // Историко-филологический сборник, вып. 3. Сыктывкар, 1956.
57. Жилина Т.И., Бараксанов Г.Г. Присыктывкарский диалект и коми литературный язык. М., 1971.
58. Жинкин Н.М. Механизмы речи. М., 1958.
59. Зырянская грамматика, изданная от главного правления училищ. Сочинение А. Флерова. СПб., 1813.
60. Игушев Е.А. Экспериментальные данные по долготе гласных ижемского диалекта // Советское финно-угроведение. 1972. № 1.
61. Игушев Е.А. Русские заимствования в ижемском диалекте коми языка. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тарту, 1973.
62. Игушев Е.А. Русские заимствования в ижемском диалекте коми языка. Дис. ... канд. филол. наук. Сыктывкар, 1972.
63. Кельмаков В.К. Кукморский диалект удмуртского языка. Дис. ... канд. филол. наук. М., 1969.
64. Кельмаков В.К. Опыт классификации удмуртских диалектов по составу гласных // Совещание по общим вопросам диалектологии и истории языка. Тезисы докладов сообщений. М., 1973.
65. Керг Г.М. Саамский язык. Л., 1971.
66. Кипрушева А.И. Виды глагола в коми языке. Дис. ... канд. филол. наук. Б.г.б.м.
67. Коведяева Е.П. Проблемы акцентуации марийского языка. М., 1970.
68. Коми-пермяцкий язык / Под редакцией В.И. Лыткина. Кудымкар, 1962.
69. Кузнецова З.И. Язык письменности коми памятников XVIII в. // Историко-филологический сборник, вып. 4. Сыктывкар, 1958.
70. Кузнецова З.И. Язык письменных коми памятников XVIII в. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Йошкар-Ола, 1968.
71. Кузнецова З.И. Язык письменных коми памятников XVIII в. Дис. ... канд. филол. наук. Йошкар-Ола, 1967.
72. Куратов И.А. Грамматика зырянского языка // Лингвистические работы. Ч.2, Сыктывкар, 1939.
73. Лыткин В.И. Вепско-карельские заимствования в коми-зырянских диалектах // Сборник статей. Академику В.В. Виноградову к его 60-летию. М., 1956.

74. Лыткин В.И. Диалектологическая хрестоматия по пермским языкам. М., 1955.
75. Лыткин В.И. Древнепермский язык и историческая грамматика комийского и удмуртского языков. Дис. ... д-ра филол. наук. М., 1946.
76. Лыткин В.И. Древнепермский язык. М., 1952.
77. Лыткин В.И. Историческая грамматика коми языка. Сыктывкар, 1957.
78. Лыткин В.И. Исторический вокализм пермских языков. М., 1964.
79. Лыткин В.И. Коми-язьвинский диалект. М., 1961.
80. Лыткин В.И. Краткий обзор диалектов коми языка // Записки Общества изучения Коми края, вып.5. Сыктывкар, 1930.
81. Лыткин В.И. Материалы по русско-финским заимствованиям // Проблемы современной филологии. М., 1965.
82. Лыткин В.И. Несколько слов о вокализме ижемского диалекта // Советское финно-угроведение. 1970. № 4.
83. Лыткин В.И. Об огласовках некоторых deverбальных словообразовательных суффиксов глагола финно-угорских языков // Вопросы финно-угроведения, вып. 5. Йошкар-Ола, 1970.
84. Лыткин В.И. Фонетика северновеликорусских говоров и заимствования из русского языка в комийский // Материалы и исследования по русской диалектологии. Т. 2. М.–Л., 1949.
85. Лыткин В.И., Гуляев Е.С. Краткий этимологический словарь коми языка. М., 1970.
86. Лыткин В.И., Майтинская К.Е. Рецензия на «Историческую морфологию пермских языков». М., 1963 // Известия АН СССР, Серия литературы и языка, т. 24, вып. 2, 1965.
87. Майтинская К.Е. Будущее время в финно-угорских языках // Советское финно-угроведение. 1973. № 2.
88. Майтинская К.Е. Венгерский язык. М., 1955.
89. Майтинская К.Е. К вопросу о генетической связи финно-угорских уральских указательных и личных местоимений // Советское финно-угроведение. 1969. № 4.
90. Майтинская К.Е. Местоимения и универсалии // Универсалии и типологические исследования. М., 1974.
91. Майтинская К.Е. Образование форм настоящего времени в финно-угорских языках // Вопросы советского финно-угроведения. Тезисы докладов и сообщений на XV конференции по финно-угроведению. Петрозаводск, 1974.
92. Михеева М.С. Система согласных фонем в говоре с. Серегова Железнодорожного района Коми АССР // Ученые записки Коми государственного педагогического института, вып. 8. Сыктывкар, 1960.
93. Насибуллин Р.Ш. Закамские говоры удмуртского языка. Дис. ... канд. филол. наук. Тарту, 1973.
94. Образцы коми-зырянской речи / Под редакцией Д.А. Тимушева. Сыктывкар, 1971.
95. Основы финно-угорского языкознания. М., 1974.
96. Перевощиков П.Н. Деепричастия и деепричастные обороты. Ижевск, 1959.

97. Подорова А.И. Частицы в коми языке. Дис. ... канд. филол. наук. М., 1954.
98. Ромбандеева Е.И. Мансийский (вогульский) язык. М., 1978.
99. Русская диалектология / Под редакцией П.С. Кузнецова. М., 1973.
100. Савваитов П.И. Грамматика зырянского языка. СПб., 1850.
101. Сайнахова А.И. Простые серийные послелогои мансийского языка // Проблемы лингвистического анализа. М., 1966.
102. Сахарова М.А. Имя прилагательное в коми языке. Дис. ... канд. филол. наук. Сыктывкар, 1958.
103. Сахарова М.А., Сельков Н.Н. Ижемский диалект коми языка. Архив Коми филиала АН СССР, ф. 5, оп. 2, ед. хр. 90.
104. Серебренников Б.А. Вероятностные обоснования в компаративистике. М., 1974.
105. Серебренников Б.А. Волго-Окская топонимика на территории Европейской части СССР // Вопросы языкознания. 1955. № 6.
106. Серебренников Б.А. Ещё раз о замене шипящих свистящими в языке бе-сермян // Советское финно-угроведение. 1972. № 1.
107. Серебренников Б.А. Историческая морфология пермских языков. М., 1963.
108. Серебренников Б.А. Категория времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской групп. М., 1960.
109. Серебренников Б.А. К проблеме происхождения суффиксов многократного действия в финно-угорских языках // Советское финно-угроведение. 1966. № 3.
110. Серебренников Б.А. Об относительной самостоятельности развития системы языка. М., 1968.
111. Серебренников Б.А. Общие вопросы теории артикля и проблема семантики употребления артикля в древнегреческом языке. Дис. канд. филол. наук. Б.г.б.м.
112. Серебренников Б.А. Основные линии развития падежной и глагольной систем в уральских языках. М., 1964.
113. Сидоров А.С. Некоторые особенности синтаксического строя северного (ижемского) диалекта коми языка // Лингвистический сборник, вып. 2. Сыктывкар, 1952.
114. Сидоров А.С. Порядок слов в предложении коми языка. Сыктывкар, 1953.
115. Современный коми язык / Под редакцией В.И. Лыткина. Сыктывкар, 1955.
116. Сорвачева В.А. Краткий грамматический справочник по коми-зырянским диалектам // Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов. Сыктывкар, 1961.
117. Сорвачева В.А. Нижневычегодский диалект. Архив Коми филиала АН СССР, ф. 1, оп. 11, ед.хр.328.
118. Сорвачева В.А., Сахарова М.А., Гуляев Е.С. Верхневычегодский диалект коми языка. Сыктывкар, 1966.
119. Тараканов И.В. Фонетические особенности бавлинского диалекта удмуртского языка. Дис. ... канд. филол. наук. Тарту, 1958.

120. Тепляшина Т.И. Из наблюдений над фонетическими особенностями пошминского диалекта удмуртского языка // Труды МарНИИ, вып. XV. Йошкар-Ола, 1961.
121. Тепляшина Т.И. Исторические изменения пермских языков — признаки диалектического членения // Советское финно-угроведение. М., 1973.
122. Тепляшина Т.И. Язык бесермян. М., 1970.
123. Терентьев В.А. О долготе гласных и согласных в ижемском диалекте коми-зырянского языка // Советское финно-угроведение. 1970. № 4.
124. Терешкин Н.И. Очерки диалектов хантыйского языка, ч. 1. М.-Л., 1961.
125. Трубецкой П.С. Основы фонологии. Перевод с немецкого. М., 1960.
126. Туркин А.И. К вепско-карельским заимствованиям в коми-зырянских диалектах // Вопросы финно-угроведения, вып. V, Йошкар-Ола, 1970.
127. Туркин А.И. Топонимия нижней Вычегды. Дис. ... канд. филол. наук. М., 1972.
128. Фролова Т.И. Именные категории верхневымских говоров северного диалекта коми языка // Лингвистический сборник, вып. 2, Сыктывкар, 1952.
129. Фролова Т.И. Именные категории верхневымских говоров северного диалекта коми языка. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Сыктывкар, 1951.
130. Фролова Т.И. Именные категории верхневымских говоров северного диалекта коми языка. Дис. ... канд. филол. наук. Сыктывкар, 1950.
131. Фролова Т.И. Материалы диалектологической экспедиции в Железнодорожный район, чч. 1, 2, 3. Архив Коми филиала АН СССР, ф. 1, оп. 11, ед. хр. 118, 119, 120.
132. Хакулинен Л. Развитие и структура финского языка, ч. 1. М., 1953.
133. Шерба Л.В. Русские гласные в качественном и количественном отношении // Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.
134. Ariste P. Mõningaid märkmeid komi keele foneetika alail // Emakeele Seltsi Aastaraamat, V, Tallinn, 1959, s. 253-256.
135. Bárczi.G. Anyanyelvünk magyarsáda // Nyelvtudományi Közlemények, XXXI, Budapest, 1956.
136. Itkonen E. Spuren der Quantitätskorrelation der Vokale im Syrjänischen // Journal de la Société Finno-ougrienne. Helsinki, 1971.
137. Fokos-Fuchs D. Uráli és altaji össehasonlító szintaktikai tanulmányok // Nyelvtudományi Közlemények, XIII, Budapest, 1951.
138. Fokos-Fuchs D. Syrjänisches Wörterbuch, Bd. 1-2, Budapest, 1959.
139. Fokos-Fuchs D. Volksdichtung der Komi (Syrjänen), Budapest, 1951.
140. Lagercrantz E. Strukturtypen und Gestaltwechsel im Lappischen // Mémoires de la Société Finno-ougrienne, VII. Helsinki, 1927.
141. Mark K. Zur Herkunft der Finnisch-ugrischen Völker vom Standpunkt der Anthropologie // Sowjetische finnisch-ugrische Sprachwissenschaft, Tallinn, 1970, 3.
142. Szinyei Y. Finnisch-ugrische Sprachwissenschaft, Leipzig, 1922.
143. Syrjänisch-deutsche Wörterbuch nebst einem deutschen Wortjakisch-deutschen im Anhang und einem deutschen Register von P.J.Wiedemann, Petersburg, 1880.

144. Syrjänischer Wortschatz nebst Hauptzügen der Formenlehre aufgezeichnet von J. Wichmann, bearbeitet und herausgegeben von T.E. Uotila, Helsinki, 1942.
145. Toivonen Y. Zur geschichte der finnisch-ugrischen inlautenden affrikaten // Finnisch-ugrische Forschungen, XIX, Helsingfors, 1928.
146. Rédei K. Die syrjänischen Lehnwörter im Wogulischen. Budapest, 1970.
147. Rédei K. Die Postpositionen im Syrjänischen unter Berücksichtigung des Wotjakischen. Budapest, 1962.
148. Wiedemann F. Über die früheren Sitte der tschudischen Völker und ihre Sprachverwandschaft mit den Völkern Mittel-hochasiens. Reval, 1838.
149. Wichmann Y. Zur geschichte der finnisch-ugrischen anlautenden affrikaten // Finnisch-ugrische Forschungen. Helsingfors, XI, 1911.
150. Uotila T. Zur Geschichte des Konsonantismus in den permischen Sprachen // Mémoires de la Société Finno-ougrienne. Helsinki, LXV, 1933.

СОКРАЩЕНИЯ

Условные сокращения диалектов и говоров:

- вв. – верхневычегодский диалект
 вс. – верхнесыольский диалект
 вым. – вымский диалект
 иж. – ижемский диалект
 лл. – лузско-летский диалект
 нв. – нижневычегодский диалект
 скр. – присыктывкарский диалект
 сс. – среднесыольский диалект
 печ. – печорский диалект
 уд. – удорский диалект
 весл. – говор дер. Весляна
 княж. – говор с. Княжпогост (коми название – Виз)
 кон. – говор дер. Кони
 кош. – говор дер. Кошки (Коськ)
 кырк. – говор дер. Кыркоч (Кыркөтш)
 лял. – говор дер. Ляли (Ляй)
 онеж. – говор с. Онежье (Турья ыб)
 отл. – говор дер. Отла (Тыла)
 пол. – говор дер. Половники
 рак. – говор дер. Раковицы (Рак)
 синд. – говор дер. Синдор
 тур. – говор с. Турья
 шош. – говор с. Шошка (Сьоська)

Приложение 1

Таблица 1

ДИНАМИКА ДВИЖЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ НА ВЫИМИ В XVII-XVIII ВВ.

1606		1646		1678		1720 (I ревизия)		1747 (II ревизия)		На 1 янв. 1974 г.	
Название погостов и тяготеющих к ним деревень и починок	Кол-во дворов	Название деревень и починок	Кол-во дворов	Название деревень и починок	Кол-во дворов	Название погостов, деревень и починок	Кол-во дворов	Название погостов, деревень и починок	Кол-во дворов	Соврем. название населенных пунктов	Кол-во хозяйств
погост Веселой	21	пог. Веселой	8	пог. Веселой	8	пог. Веселой	18	пог. Веселый	20	д. Веслянка	20
погост Вбиокони:		погост Вбиокони		д. Норовская, что был пог. Вбиокони	5	д. Еулин	5	д. Койская	41	д. Евдино	10
д. Норовская	3	д. Норовская	1								
д. Киревская	1	д. Киревская	1								
д. Емельяновская	1	д. Емельяновская	1								
д. Жеребовская	2	д. Жеребова	2	д. Жеребовская	3						
д. Шишкина	9	д. Шишкина	1	д. Шишкина	1						
посад Турья:	77	посад Турья	32	посад Турья	37	погост Турья	25	погост Турья	97	с. Турья	195
погост Вашерг	7	погост Вашерг	4	д. Вашерг	2	д. Вашерг	3	д. Вашерг	16	д. Луд	22
погост Онежье:	12	погост Онежье	8	погост Онежье	11	погост Онежки	10	погост Онежье	51	с. Онежье	80
д. Соломенская	2	д. Соломенская	2	д. Соломенская	2						
д. Федьковская	8	д. Федьковская	1	д. Федьковская	4						
д. Норовская	1	д. Норовская	1								
д. Чиповская	4	д. Чиповская	2	д. Чиповская	1						
погост Отла:											
д. Труфановская	10	д. Труфановская	5	д. Труфановская (был погост Отла)	6	дер. Отла	6	д. Отла	4	д. Отла	11
д. Веневская	2	д. Веневская	1								
д. Корняковская	4	д. Корняковская	1	д. Корняковская	1						
д. Озевская	1	д. Озевская	1								
д. Мылжеевская	5	д. Мылжеевская	4	д. Мылжеевская	3						
погост Шошка:											
д. Романовская	4	д. Романовская	4	д. Романовская (был погост Шошка)	4	д. Шошка	8	д. Шошка	23	с. Шошка	157
д. Харитоновская	4	д. Харитоновская	4								

ЛИЧНОЕ И ЛИЧНО-ПРИТЯЖАТЕЛЬНОЕ СКЛОНЕНИЕ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ ДИАЛЕКТА

	перех.	вым.	перех.	вым.	перех.	вым.	перех.	вым.	перех.	вым.	перех.	вым.
Nominativ	-	-	-e, -e	-e	-id, -jd	-jd	-is, -js	-js	-njm	-njd	-njs	-njs
Adessiv	-len	-len	-elen	-elen	-idlen	-jden	-islen	-jslen	-njmlen	-njden	-njslen	-njslen
Ablativ	-ljs'	-ljs'	-eljs'	-eljs'	-idljs'	-jdljs'	-isljs'	-jsljs'	-njmljs'	-njdljs'	-njsljs'	-njsljs'
Allativ	-lj	-lj	-elj	-elj	-idlj	-jdlj	-islj	-jslj	-njmlj	-njdlj	-njslj	-njslj
Akkusativ	-es -es (-lj)	-es (-lj)	-es	-es	-te	-te	-se	-se	-njmes	-njde	-njsе	-njsе
Instrumental	-en	-en	-nam	-nam	-nad -	-nad -	-nas	-nas	-nanjm	-nanjd	-nanjs	-nanjs
Komitativ	-ked	-ked	-eked	-eked	-idked	-jdked	-isked	-jsked	-njmked	-njdked	-njsked	-njsked
Abessiv	-teg	-teg	-eteg	-eteg	-idteg	-jdtteg	-istteg	-jstteg	-njmtteg	-njdtteg	-njsteg	-njsteg
Inessiv	-jn	-jn	-am	-am	-ad	-ad	-as	-as	-anjm	-anjid	-anjs	-anjs

Окончание табл. 2

Elativ	-is' -js'	-js'	-s'im	-s'jm	-s'id	-s'jd	-s'is	-s'js	-s'injm	-s'jnm	-s'injd	-s'jnd	-s'imjs	-s'jnjs
Illativ	-e, -e	-e	-am	-am	-ad	-ad	-as	-as	-amjm	-amjd	-amjd	-amjd	-amjs	-amjs
Approksimativ	-lan'	-lan'	-lan'e -lan'im	-lan'e -lan'jm	-lan'id -idlan'	-lan'id -jdlan'	-lan'is -islan'	-lan'js -jslan'	-lan'hjm -njmlan'	-lan'hjd -njdlan'	-lan'hjd -njdlan'	-lan'hjd -njdlan'	-lan'hjs -njslan'	-lan'hjs -njslan'
Egressiv	-s'am' -is'ež'	-s'am' -js'ež'	-s'am'e -es'am'	-s'am'e -es'am'	-s'am'id -ids'am'	-s'am'id -jds'am'	s'am'is is'am'	-s'am'js -js'am'	-s'am'hjm -njms'am'	-s'am'hjd -njds'am'	-s'am'hjd -njds'am'	-s'am'hjd -njds'am'	-s'am'hjs -njss'am'	-s'am'hjs -njss'am'
Prolativ	-ed -ed -ti	-ed -ti	-ede -edjm	-ede -edjm	-edjd -edjd	-edjd -tid	-edjs -edjs	-edjs -tjs	-edhjm -tinjm	-edhjd -tinjd	-edhjd -tinjd	-edhjd -tinjd	-edhjs -tinjs	-edhjs -tinjs
Terminativ	-ež' -ež'	-ež' -ež'	-ež'e -ež'e	-ež'e -ež'jm	-ež'id -ež'id	-ež'id -ež'id	-ež'is -ež'is	-ež'js -ež'js	-ež'hjm -ež'hjm	-ež'hjd -ež'hjd	-ež'hjd -ež'hjd	-ež'hjd -ež'hjd	-ež'hjs -ež'hjs	-ež'hjs -ež'hjs
Konsektiv	-la	-la	-ela -ela	-ela -ela	-idla -idla	-idla -idla	-isla -jsla	-jsla -jsla	-njmla -njmla	-njmla -njmla	-njmla -njmla	-njmla -njmla	-njsla -njsla	-njsla -njsla

СКЛОНЕНИЕ ЛИЧНЫХ МЕСТОИМЕННИЙ

	<i>me</i>	<i>te</i>	<i>sija</i>	<i>mi</i>	<i>ti</i>	<i>naja</i>
Nominativ						
Adessiv	<i>menam</i>	<i>tenad, tead</i>	<i>s jen</i>	<i>mijan</i>	<i>tijan</i>	<i>naljen</i>
Ablativ	<i>mens'ijn</i>	<i>tens'jd</i>	<i>s js'</i>	<i>mijans'ijnjn</i>	<i>tijans'ijnjd</i>	<i>naljs'</i>
Allativ	<i>minjn, men</i>	<i>tenjd, ten</i>	<i>s j </i>	<i>mijan</i>	<i>tijan</i>	<i>naljal, nalj</i>
Akkusativ	<i>menq, menglj</i>	<i>tenq, tenglj</i>	<i>sije, sijelj</i>	<i>mijannjme</i> <i>mijandq</i>	<i>tijannjde</i> <i>tijandq</i>	<i>naje</i>
Instrumental	<i>men</i>	<i>ten</i>	<i>s en</i>	<i>mjen</i>	<i>tjen</i>	<i>naen</i>
Komitativ	<i>mekd</i>	<i>tekd</i>	<i>s ked</i>	<i>mikqd, mijaskqd</i>	<i>tikqd, tijaskqd</i>	<i>nakqd</i>
Abessiv	<i>meteg</i>	<i>teqg</i>	<i>s jeg</i>	<i>mitqg, mijastqg</i>	<i>titqg</i>	<i>natqg</i>
Inessiv	<i>mejn</i>	<i>tejn</i>	<i>s jn</i>	<i>mi ordjn</i>	<i>ti ordjn</i>	<i>najn</i>
Elativ	<i>mejs'</i>	<i>tejs'</i>	<i>s js'</i>	<i>mij's'</i>	<i>tij's'</i>	<i>naj's'</i>
Illativ				<i>mi orde</i>	<i>ti orde</i>	<i>na orde</i>
Approksimativ	<i>me v je, melan'</i>	<i>te v je, telan'</i>	<i>s j v je, s jan'</i>	<i>mi dinq</i>	<i>ti dinq</i>	<i>na dinq</i>
Egressiv	<i>mes'an'</i>	<i>tes'an'</i>	<i>s s'an'</i>	<i>mis'an'</i>	<i>tis'an'</i>	<i>nas'an'</i>
Prolativ	<i>meq, meti</i>	<i>teq, teti</i>	<i>s ed, s ji</i>			
Terminativ	<i>meq'</i>	<i>teq'</i>	<i>s eq'</i>	<i>miej', mijasq'</i>	<i>tiej', tijasq'</i>	<i>naeq'</i>
Konsekutiv	<i>mela</i>	<i>tela</i>	<i>s la</i>	<i>mila, mijasla</i>	<i>tila, tijasla</i>	<i>nala</i>

СКЛОНЕНИЕ ПРИТЯЖАТЕЛЬНОГО МЕСТОИМЕНЕНИЯ В ВЫМСКИХ ГОВОРАХ

Nominativ	<i>ač'jm, ač'im</i>	<i>ač'jd, ač'id</i>	<i>ač'js, ač'is</i>	<i>as'njm</i>	<i>as'njd</i>	<i>as'njs</i>
Adessiv	<i>aslam</i>	<i>aslad</i>	<i>aslas</i>	<i>aslanjm</i>	<i>aslanjd</i>	<i>aslanjs</i>
Ablativ	<i>as's'jm, as's'im</i>	<i>as's'jd, as's'id</i>	<i>as's'js, as's'is</i>	<i>as's'jnjm, as's'injm</i>	<i>as's'jnjd, as's'injd</i>	<i>as's'jnjs, as's'injs</i>
Allativ	<i>asljm</i>	<i>asljd</i>	<i>asljs</i>	<i>asljnjm</i>	<i>asljnjd</i>	<i>asljnjs</i>
Akkuzativ	<i>ač'jmeš, ač'imgeš</i>	<i>as'te</i>	<i>as's'e</i>	<i>as'njme</i>	<i>as'njde</i>	<i>as'njs'e</i>
Instrumental	<i>ač'jmən, ač'imən</i>	<i>asnad</i>	<i>asnas</i>	<i>asnanjm</i>	<i>asnanjd</i>	<i>asnanjs</i>
Komitativ	<i>asketiškəd, askəd</i>	<i>asketiškəd, askədjd</i>	<i>asketiškəd, askədjš</i>	<i>asketinjkəd, askədnjm</i>	<i>asketinjkəd, askədnjd</i>	<i>asketinjkəd, askədnjs</i>
Abessiv	<i>astegg</i>	<i>asteggjd</i>	<i>asteggjs</i>	<i>asteggnjm</i>	<i>asteggnjd</i>	<i>asteggnjs</i>
Inessiv						
Elativ	<i>as's'jm, as's'im</i>	<i>as's'jd, as's'id</i>	<i>as's'js, as's'is</i>	<i>as's'jnjm, as's'injm</i>	<i>as's'jnjd, as's'injd</i>	<i>as's'jnjs, as's'injs</i>
Illativ						
Approksimativ	<i>aslan'e</i>	<i>aslan'jd</i>	<i>aslan'js</i>	<i>aslan'njm</i>	<i>aslan'njd</i>	<i>aslan'njs</i>
Egressiv	<i>as's'an'e</i>	<i>as's'an'jd</i>	<i>as's'an'js</i>	<i>as's'an'njm</i>	<i>as's'an'njd</i>	<i>as's'an'njs</i>
Prolativ						
Terminativ	<i>as'ež'e</i>	<i>as'ež'jd</i>	<i>as'ež'js</i>	<i>as'njmež'</i>	<i>as'njdež'</i>	<i>as'njs'ež'</i>
Konsekutiv	<i>asla</i>	<i>aslajd</i>	<i>aslajs</i>	<i>as'njmila</i>	<i>as'njalla</i>	<i>as'njsila</i>

ТЕКСТЫ

1. Kaz'tjlenjas

Me voč'se l'oka oli. Me tomjs'an' peti rēbitnj, me rēbiti bjdlajn. I una č'oja-voka vėlim da i naja vėli buržjks' me nogen ke, a me na tom vėli da pestred'en vetlėdli, jžjžjžik me loi da das kjk arėn me muni vėre užadwnj t'er dorė. No, me Sol'zavodad da bjdlajn rēbiti i pil'ič'č'i una S'er'ogoad. Ses's'a menam korkė l'ok mjkkjd loi da menė strošn'ič'aė medas'isnj. Medalisnj. Me lokti l'ok kez'ain dorė strošn'ič'aė da me setėni primiti bjd l'okse, pemjđjs' pemjđe me rēbiti. Me og i ošjjs', me zew l'oka oli.

Ses's'a das kėkjamjs arėn menė s'etisnj veressaje; das' s'iz'imėn me strešn'ič'ali, das kėkjamjsėn me veessaje muni. Loktisnj kjk koras'. Et'ikjs vaje, mėđjs vaje, vežmas'enj. Me ėt'iis saje og mun; me medjm vėrjs' až'ž'a oškės, a sija medjm og až'ž'i. A mėđjs saje tožė og mun, a menė s'ilaėn s'etėnj.

Bat' menam abu, kulėma n'in. Das n'ol' arėn me bat'is' kol'i. A ses's'a vokjas dorjn me vėli, vokjasjd mejam zew burės' vėlinj. Menė jona naja l'ubitisnj daj i šuėnj, no kot sajas munan. Og es'ke n'ekot sajas mun, no s'ilaėn i s'etėnj

No, munnjė muni. Sua, ėt'i sajas me inė og mun, lučėe n'in šua tač'e. Sija mejam zew bur vėli mortjd. Iz n'in sija menjm peč'iklj. Menam vėli n'ol' d'ever daj kjk aja-njv vėli daj in'ka vėli. Owlim mi zew bura, sėglasėn mi olim. A ses's'a mėdėd vo vjlad peti da vojna vjle menam kez'ain muni da sija pl'enė s'uri da kujim vo sija šagajtis da loktis sija. Kuž'i nejtėmaės', z'bitėmaės' kot tėdė. N'ezdėrėvėn loktis. Č'el'ad'id menam ėt'i iz vėv seki, sijkėd oli me kujim god da ėt'i iz vėv. Sija loktiz da — et'ik č'el'ad' da mėd da kojmeđ loi, s'a mejam sija kuli. Me ėtnam s'a bjtti. Me komjn kvajtėn dėvaė kol'i. Zej s'ėkta me bjtti. Čjktė i bjđėn, samej vėjna pėraad mi olim i bjđėn čjgjali me, č'el'at'tė čjgjadi bjđėn kon'erjasės, č'el'at' s'ert'i mučič'č'i.

Mi ed'inol'ič'nejsė olim da seki vėlinj mužikjas vojna vjlad, mi sabrite karnj ok s'ammė. Ponda karnj da puks'a da pėvej bėrda da bėrda. Ses's'a korkė i zavod'ita sabrite karnj, ses's'a i korkė sabriid artmas. A korkė Erema ol'e, kjz' vit jur mejam vėli karim, ėl'eksan d'ever na vėli. A sija šuė, ėtjir bergėdlan — zerištās, mėđjz' bergėdlan — zerištās. Sija počės dorė puks'is, šuė, no jes'l'i pė ješšė zerman, me pė n'ebesaas kaa da stav s'vjatėjsė pė tošėđjs pjrkėda. A ses'a sije kjnėm vis'em i bos'tis. Da sija katlas'e: vežaj ėtjir, menė pjrkn'it! A me šua mjs'a te tošėđjs pjrkn'itin da tenė mjs'a pjrkėđėnj. Me bos'ti, mjs'a aslam gėgje vėrz'as da kjknanjm ordlam. S'a i gortė leč'č'im.

A korkę leč'č'e jčkaninjs' da šua mjs'a veža-aj, vaj sabrite pa'n. Una mjs'a turunjz da me mjs'a og vermj pannjč. A sija vot ta soda panjštiz da ses'a: n'eveska, ač'id pan daj, me panjšti, te teč' teč', ta ž'i vot, ta pas'ta tež' daj. Jezjd oz ortsownj, oz, mijan kęt'in vokjas vęlinj-a korjaske vęli kęmčę vurnjd es'ke lokčę, da vož'žjk kęz'ainjs' kuli; męd vokjd vojna vjčę us'i daj, n'ekod i ortsaljs'id iz vęv.

A korkę vot mj menjm ortsowlis mjkkęjd, aja njvlgę mužikjs. Oponas'ej S'er'ogowo vetlędčę školač da kęmjs sjlęn i ori ves'is. Šua, attę sapęgjs ori-a samej ljmva da mijnč ponda karnj. Sija i šuis Vas'id, vaj pę šuę bur pilatę, a me pę tet sapęktę s'eta. A ajlęn vęli vaš peredjs' jurčę karęma, no sija sjlęn čakmęma n'in vęli. No me pilatę s'eti. A ses's'a S'er'ogoad vetlis sija ljmva vjlad i vežonę sjlęn njrd i ori. Me bara bęrdnj pondi. čni s'invajd petę, kuž'i me ovli. N'ekod os tęd mens'im olęmsę.

дер. Косък. Старцева Анна Ивановна, 80 лет.

Воспоминания

Я сначала трудно жила. Я с малых лет начала работать, везде побывала. Семья у нас большая, я меньше и слабее всех, хуже одевали, в двенадцать лет уже лес рубила. Работала и на Сользаводе, везде, и на лесопилке в Серегово. Повредила себя и нанялась в батрачки. Наняли меня. Попала к злому хозяину и все невзгоды на себе испытала, с утра до ночи работала. Я уж и не хвалюсь, я очень трудно жила, очень тяжело.

Потом в восемнадцать лет меня выдали замуж; в семнадцать еще батрачила, в восемнадцать вышла замуж. Пришли двое сватов. Один сватает, другой сватает, перебивают друг друга. Я за первого не хочу, пусть я в лесу встречусь с медведем, а с ним не хочу. А за второго тоже не хочу, но меня силой выдают. Отца нет, умер. Четырнадцатилетней без него осталась. Братья приютили, они у меня хорошие были. Любили меня, потом и спросили, за кого я пойду. Не хотела я ни за кого, но силой выдают.

Вышла замуж. Ладно, за первого не пойду, лучше уж за второго. Он у меня хороший человек был. Ни разу не бил. Четыре деверя было и две золовки, и еще свекровь. Жили хорошо, в согласии. На втором году муж ушел на войну, попал в плен и через три года вернулся. Избитый и измученный до невозможности. Большой вернулся. Детей у нас не было до этого, жили три года до этого и не нажили ни одного. А вернулся он с плена, один появился, второй ребенок и третий, потом муж умер. Я одна детей вырастила. В тридцать шесть осталась вдовой. Трудно растила. Голодно,

военное время, я голодала, детей, бедных, морила. Мучалась больше из-за детей.

Тогда единоличниками жили, стога не могли класть, мужики на войне. Начну бывало класть, сяду, наплачусь вдоволь, а потом как-нибудь работаю, доделаю.

Как-то на лугу Ерема Оль, там было двадцать пять копен, стог ставили. Александр-деверь помогал. Он возмущался: положишь сена на стог — дождик брызнет, еще сена добавишь — опять промочит. Сел он возле изгороди, говорит, ну если еще промочит, заберусь в небеса, всех святых потрясу за бороды. У Александра и поясница разболелась. Катается по земле, просит меня потрясти. А я говорю, ты святым грозился, а они тебя за это трясут. Я взялась, боюсь надорваться, тогда обоим конец. Потом домой отправились.

А когда-то деверь возвращается с сенокоса, и я попросила помочь заложить стог. Сена много, а я мол не умею закладывать. Он вот столечко сделал, а потом говорит, клади так же, невестка. Я начал, ты продолжай. Нет, чужие не помогут. У меня братья были, они помогали, обувь чинить ли, еще другое, но один брат рано умер, второй погиб на войне, помощников не стало.

А когда-то услугу сделал муж золовки. Сын Афанасий ходил в школу, в Серегово, и обувь совершенно износил. Как раз в распутицу это было, что тут будешь делать? Вот он и говорит, Василий-то, давай хорошую пилу, я отдам сапоги. А сапоги были старые, кожа заплесневела. Пилу отдала, сын неделю походил в распутицу, и сапоги снова развалились. Опять у нас беда. Сейчас обидно, как мы жили. Ведь никто не знает про нашу жизнь.

2. *Nj'olgm*

*iljn — iljn meɗlapeljn
ʒ'ol'in'ʒ'ik t'erka sulale.
Seni vijim tom deɗa,
tom deɗaleɗ mič'a njv.
Tuša sɨleɗ ʒ'el'in'ʒ'ik,
kɨsta sɨleɗ veɗsn'in'ʒ'ik,
č'užem sɨleɗ gegreɗsin'ik, -
lois sɨlj starik saje munnj.*

*Starik vala oz lez'lj ...
Karnan pu njv kvat'itis,*

vajsla sija leč'č'is,
milgjs voč'č'a s'uri.
Berdisnj da berdisnj,
bjcca č'jšjan ketčdisnj,
šeri kos'alisnj, nĵlj z'eptas puktis -
kor taja čjšjan sis'mas,
sek mejam s'člčm sis'mas.

A starik kĵzjs'ema...
čpjr sija kuč'iktiz da
stav kujs sĵlčn potlas'is,
mčdjs' kuč'iktiz da kojmcđjs'
i lavič' ulč i č'užjis.

A puks'iz da berdis da berdis da šuč,
tom olčmĵt taja šuč, tom pčrajs
da jejjalčmjs.

дер. Косък. Старцева Анна Ивановна, 80 лет.

Девичья жизнь

Далеко, далеко в заречье
избушка затерялась.
Молодая вдова там живет,
у нее дочь красива в доме.
Невысокая ростом,
как рябинушка тонкая,
лицо ее круглое,
старик у нее досталась.
Старый за водой не пускает,
но коромысло она хватает,
за водой побежала,
милого у реки повстречала.
Наплакались они вволю,
платок весь промочили,
пополам разорвали,
милой ей в карман кладет.
Когда платок сгниет,
мое сердце сгниет.

А старый подслушивал их...
Раз ударил жену —
рубец кровавый остался,
еще ударил ее.

Затем в третий раз
и труп ее под лавку бросил.
Сам на лавку сел,
слезы проливал:
эх, жизнь молодая
да беспутная.

3. *Kuz' mi ollim vazen*

Me vis'towla vašše. ėni ed oļenjd bur. Bjč'č'ama bursę nowļenj da mič'aę pas'tas'enj da. Vazęn mi as nogęnsę mič'aę žę vęli pas'tas'am. Bjđęn aspom karęm. ėni i pupajkaęn užalęnj. Mi vazęn vęli đęrajs' kjam mijķę vurun šęrtęn etija ta ġindam da sija l'okin'ž'ia šęralam da sije vuram vęli, as t'ięn bos'tam da sije vęli nowlam. Vjl'žjk ķę nę, praz'n'ikę mukęđjs nowļenj. Pas'towļenj oz i stjd'ič'činj n'i n'inęm. ėni n'in mij, majbjr ved, majbjr viž'edan da oļenjd. Kodi pupajkaa da kodi pl'uša da, kodi šęlkęveja da kodi bur pal'toa da kodi mij, a č'išjanjd? Vazęn vęli ķęsjnka puktam pestred' đęrajs' da sije ķęsjnkašę vęli nowlam, a ėni ed kuš šęlk da mij da nowļenj da l'ubę viž'edļnję. Mi bjdnogjs owlim da ľęš'it na vęli seki dumajtan ownjse, zev na i ľęš'it kažič'č'e vęli. S'am-man ķę da djšlunjd iz vęv đęratę karnj, sija i pas'a i ķęma i bjđęn. A kodi i ožžjk, sija i rizgi-razgi žjk vęli vetļędlę, bjč'č'ama vojtrjd vęlinj. A kodļęn s'am-lunjs vim da djšlunjs abu, sija jona pas'tas'e i.

Me vot ėt'i nįv kojd vęvljvli, bjttantorjd buržjk l'i mij l'i vęvli, siz'tę polnej kojd vęli. Das kvajt arjn i veressajad i munli. Veressajat pondi munnj, meņę vęli mamę s'etę. Naja pęrs'es' vęlinj, te pę mun. A men vęli n'eokota na es'ķę munnjtę, mjs'a me og mun. Mun pę, mun, te pę pęrs'man da kuč' pę kutan ownjtę.

No mij nę, me seġlas'n'ič'č'i daj muni. No mortjd bur žę vęli, meņę sija bura viž'is, meņę n'ekjti iz kutļj, n'imęn l'okęn is pin'as'lj, mi zev bura olim vek. Mijan vinatę oz ju vęli sija. Oz n'ekęn gul'ajt-vetļj n'i oz tjškas'lj n'in sija. Mamebat'e ortsalę vęli. Naę pjra da peta vęli. Mamejas mijan bur ķęz'ajstvojas vęlinj. N'emšę olisnj da pjz' mešķę bazarjs' iz vajļinj, vek as n'an'nanjs da mijķęnas owlisnj. Trud'ič'č'isnj. Viz'mujd una vęli nalęn. Mjrę bergędisnj da bęřęzdajstę kodjisnj da.

T'at'e vožžjk kuwli sija. Mamę djržjk oliz da siž'i i trud'ič'č'isnj da olisnj daj. Kuli na da sļęn pud vit ķmjnj na n'an'id, s'ujđ kol'li, no sija pravda menjm

žę kol'li, me bjtę najalį ortsowli, menįm sija i kol'lis. Samej nužnej pęrajđ da ve-
jennej pęraę kuwli da men sija ortsęę na įžįd vęli.

ęni na č'el'ad' kaz'tįlęņį, Bęris i Kol' kaz'tįlęņį, s'ojam pę da pondam
velčę'č'inįtę munnį da kuš t'iz'ertę s'ojasņį vęli, kol'kja rįs', kurek kįk kįmįņęs
viž'a da kol'kja rįs'ka va įįvs'id da t'iz'era pua, munnį pę pondam školaę da kįņę-
mat pę bul'-bol'-bul'-bol'. A kuč'kę taj vot olim. Ses'a bos'nįtę d'en'gajđ užalan
da oz vęli s'etņį. Bos'nįtę vojna đįrįiđ ses's'a i magaz'injasad n'ięņm iz lo daj.

A Kol'esę ses'a velędi. Vęli Jemd'ięę vek mędęda velčę'č'iz da. Tricat'
rubl'ej važ d'engaęņ s'eta sija kįk vežoun t'ežę. Tricat' rubl'ej d'en'ga daj kįk
ves' kuz'a treska low pukta. Da t'ilogram mįda jagęd. Sijęņ kįk vežoun mįda
olas. Komįn kilometra vęli loktas sija pođęņ mens'im bara kęrįm nunį da komįn
t'ilometra vęli bęr munas sija velčę'č'aninas, da kuč'kę i kon'er i pomowlis i pe-
dogogič'eskej škola daj armijaę tujli daj. S'a siję i bos'tisņį setįs' armijaįs' i vo-
jennej školaę. Velčę'č'ilis i opicerę, opicerįņ sija burakę užalis kvajt-s'iz'im god
tani, karjas vįlįņ, ses'a pogranič'n'ikę munli. Pogran'ič'n'ikįņ olis mortįs,
užalis. ęni vot č'erepoveč'įņ.

Vot siž'i i owlim. Bur pęrajđ voi, l'okįd kol'ema da sija bjtęk abu owlęma
daj. ęni burįđ voiz daj stavįs bjtęk vek taž'i i owlęma. Vunęma ves'is.

дер. Косык. Старцева Надежда Алексеевна, 81 год.

Как мы жили раньше

Расскажу про старое. Сейчас-то жизнь хороша. Красиво одеваются. Раньше по тем временам мы тоже, бывало, красиво одевались по праздникам. Все домотканое. Сейчас в фуфайках работают. Мы раньше ткали холст, готовили материал, потом шили своими руками, носили. Что поновее, в праздник одевают. И не стыдились. А теперь, посмотри, как изменилась жизнь! Кто в фуфайке, кто в плаще. Кто в шелках, кто в хороших пальто, а платки! Раньше косыночку из домотканого холста носили, а теперь в шелковых ходят, любо посмотреть. Хороша жизнь. Мы по-всякому жили, но тогда не представляли иной жизни, она казалась нам нормальной. С уменьем да без лени человек был обут и одет. Кто не старался, тот бедно жил, всякие люди были. Кто уменьем да стараньем славился, тот добротню одевался.

Я вот одна была у родителей, в достатке жила, рослая и полная была. В шестнадцать лет замуж вышла. Мать меня выдавала. Родители уже старые, выходи, говорят, замуж. А мне неохота, отпираюсь. Но заставляют, старой девой ругают. Ну я согласилась и вышла замуж. Хозяин хороший

был, берег меня, не бил. И не ругался, мы в согласии жили. Он у меня непьющий был. В стороне не шлялся, не буянил. Мои родители нам помогали. Я к ним часто наведывалась. Хозяйство у стариков было добротное. За всю жизнь мешка муки с базара не привозили, все свое было в достатке. Трудились. Усадьба была большая. Новину готовили, пахали.

Отец мой раньше умер. Мать дольше жила, всю жизнь они трудились. После их смерти зерна осталось еще пудов пять (ржи), правда, это мне осталось, потому что я много помогала. Мать умерла в самое трудное, военное время, и нам тот хлеб был большим подспорьем.

Сейчас еще дети вспоминают, Борис и Коля, говорят: отправляемся бывало в школу, а в животе от жидкости — «буль-боль, буль-боль», после жидкого творога с яйцами (я двух куриц держала). По-всякому жили. Денег не было, зарплату не давали. А купить в войну тоже нечего, магазины пустые.

Коля учился дальше, ходил в Усть-Вымь. Давала на дорогу тридцать рублей старыми, на две недели. Тридцать рублей денег да трески с две пяди. Да около килограмма ягод. Две недели надо жить. Потом тридцать километров опять пешком за запасами и снова из дома пешком: как-то ведь закончил, бедняга, педагогическое училище и в армии был. С армии взяли в военную школу. Выучился на офицера. Служил шесть или семь лет в городах, затем в пограничники пошел. Сейчас в Череповце работает. Вот так мы жили.

Сейчас хорошие времена наступили, трудности позади и они забыты уже, сейчас вот хорошо, и кажется, так все и было. Как будто нынче родилась и так и жила. Если вспомнить — помнится все, не вспоминать — как будто ничего старого не было.

4. *Jirkablēn līz'*

Vellēma tatēni korkē Jirkab. Sija vērōllēma vek. Korkē ēt'ik pujs' pondas sīlj vek dozmer s'urnj. ēt'i puē puks'as vek dozmer, sija pujs' lījē; mēd lun voas — bara žē sija pujn dozmer pukalē. I siž'i sija zē una dozmer pondas ēt'i pujs' lījlīnj. I korkē znač'it s'orn'īē voasnj, ēt'ilj da mēdlj vis'tollē, mejam pē sečēm pu vījim, kuč' pē seč'ē'ē voa, vek pē dozmer seni pukalē. Līja i vek vot.

Kotkē i šuas, te pē až'žēmīd as's'it putē. Bīd mortlēn pē šuē vījim pu. Te pē probujtlj, vir kē pē petas, sija pē aslat pujd. I vot sija mort bos'tas ē'er, kerjstas, - d'ejsvīt'el'ņē vir petē. Davaj me tajs' kara līz'. Tēnad vetlēdlīnj s'ēkīž žē-a. I vot sija karas līz', līz' vīlē sūtas i līz' sija ač'īs nuē.

Korkē sija mēdēč'ē'as kījs'inj i s'urē sīlj vera lola. Lolaē sija vētēdas, kaas sija vers' s'iz'īmdas kīmjn. Simdor tīēž' sija munas. Simdor tīēž' munas, setēn

vias sijelj; kvat'ič'čas — n'an'id eča, bęę koll'ema smjn ign'an'tor. I dumjš-tas — a mędęč'č'a šuę. Medęč'č'as sija i rjđgor voas gortę užnajtņj.

Męd lun seč'č'e s'etasņj mijkękarnj, kaasņj, a sļęn leč'č'ema da ęt'ik lјz'pęļis s'urļema, a metra kјz'-komjn daške i męd lјz'pęļis abu-j i s'urļema. Pu jļļiis vęļem, pomel' jļļiis munę. Vot kuž'ikęn sija s'vistajęma lјz'nas.

No vot, mort sija jona pondas vijōņj kęrjaseę. I vot mędęč'č'as ęč'č'id sija vęę, sid'žę jјzјkkoјd sļļj zej lola s'urę. Lolatę sija vias. A rјt' n'in s'orkoјd, a pogodaјs kučęmkę zej l'ok loę — purga petas zej jona. I dumajęt: purtјd abu pus'inј, lučče me taję ul'nas' s'oja jajsę da voda da šoč'č'a. I vot sija s'oјas ul'en. Med lјz' oz voš, n'ekјč'e tęļęn oz tјr, lola ku sija pas'kędas, lola kuę sija vodas, lјz' puktas dinas, šјgјrtas i kinas garč'č'as seč'č'e i unmōs'as mјž' vјlad. Unmōs'as, a etaja pogodaјt kęž'јd vęļi da strazu mјjkękaras, kovajtas sijelј kunad da mortјd seč'č'e i kęž'dę. Es'kę pal'ollaz daj, raz'nјtę oz vermј daj vot i stavјs. Siž'i i kon'erļj kon'eč' volas. Pom.

дер. Половники. Лебедев Василий Степанович, 65 лет.

Лыжи Йиркаба

Жил давным-давно в этих местах Йиркаб. Все в лесу он, на охоте.

И стал он на одном и том же дереве глухарей ловить. Сядет глухарь на то дерево, Йиркаб стреляет. Приходит на следующий день — опять добыча с того дерева в его руках. И таким образом он много пострелял на дереве. Рассказал охотникам про чудо. Сказали ему, что дерево — его личное счастье, у каждого человека есть свое волшебное дерево. Посоветовали Йиркабу ударить топором по дереву: если кровь выступит — сомнений нет. Взял топор, ударил — действительно, кровь. Давай я сделаю лыжи. Зимой они пригодятся. Сказано — сделано. Встал Йиркаб на свои лыжи, а те сами понесли.

Раз встретился в лесу охотник с лосем. В погоне за ним незаметно отделился за семьдесят верст. До озера Синдор дошел. Догнал лося, поверг. Посмотрел — хлеба нет, только кусок от каравая. Решил домой отправиться. Двинулся в путь обратно и к вечеру уже на ужин домой попал.

Люди, побывавшие после него на озере, только изредка видели след то одной, то другой лыжни: Йиркаб с легкостью перелегал через кусты и малые деревья. Йиркаб стал счастливо охотиться на северных оленей.

Однажды в лесу напал он на большого лося. Догнал и убил. Вечер наступил, и погода испортилась совсем. Пурга поднялась. Заночевал Йиркаб и, оказавшись без ножа и огня, поужинал сырой лосятиной. Затем завернулся в кожу, прилег возле лыж и уснул уставший. Мороз ударил, кожа за-

мерзла так, что Йиркаб не смог освободиться и замерз внутри. Так он кончил свой век.

5. *Belgjaslən voləm*

Craždanskej vojna kostiid me n'ol' vo mužikjasteg maməkəd, perjs' maməkəd oli. Mi ordę belgjasjd Rak d'erevn'aad i volisnj. Taja mens'jm vokte kors'isnj gorts'jm da is' s'ur. Mamę tač'č'e N'as'pogostad vokęs vajędis. Morak vęli. Sija rız'vetkaęn voęma, etač'č'e N'as'pogostad das kjk mort vęli voęmags' rız'vetkaęn. S'a mijkę, rjtnas mi ordjn rjt pukōnj mamę lez'lis. A Petra n'ima krasęnjlj čęč vajędlis. S'a rjtę pukalisnj, seki vojnas uz'lisnj, kojkajasjd iz na seki vę, žož vomęn etani mamę vol'salis i uz'isnj.

S'a asjvož' pemdangorū, sek d'ekab mis'eč' al'i mij vęli. N'ikęla gegęrjs volisnj, es'a mamę č'eč'č'ędiz daj vęęn naje nuędalis Jeręsad. No, sija asjvoč'sę-a, rjtnas kak raz belęjd vois, ta kad. Me ok tęd kjnjn mort, me siję ok tęd, og vermj vis'tōnj. Daže vot rızval'aęs' da tačęn strupkaaęs' vęli mi dorjn sulalę. Pil'emet l'i mij l'i. Ses's'a i Simdorot kučęmkę starik kaęma mijan Raks'jd i č'erila. Sija i vis'tollęma, vot Il'l'a Ivanovič' Sokov pę vjnim, rız'vetkaęn pę voęma. Matros pę, matros, ęni pę gortas.

Ses's'a naja belęjasjd sija ritte kę es'kę leč'č'isnj, mijan kjk mort gortanjm ljilisnj daškę, s'urinj, a seni naja vęnjslj šoč'č'ędęmags', jujštęmaęs' Simdorad da uz'ęmaęs', męd vojnas voisnj.

S'a mijkę, tani uz'a vęli, maməkəd žožaž žę uz'a vęli. Kotkę gol'č'č'is. ękurat vojšer vęęma. Gol'č'č'iz daj mamę petis-jtkęptis, iz i juō n'i n'ięm — vos'tiz daj. S'a vos'tiz da ętik mort pjris, a me s'inėms vos'ti. Taja kodi mjs'a? Vos'ti s'inėms, me šębras uljn na vęli, s'a štkjs jirkędę, čukę sija.

Pjriz da tač'č'e pramę me dorę loktiz da mens'jm etaž viz'lis, a me kęsaa vęli, no mij nę? me das vit ara, das kvajtęd vjljn. Loktę pę, loktę, ženšina pę, šuis mortjd. Iz'va jęz sija, komięs' n'ol'nanjs bęrt'i. Ses'a i naja pjrisnj n'ol'ęn, a me pōz'i da č'eč'č'i da estaž'i dręžjtjn kuč'č'i, tač'č'ęž' dęręmtęm, ępęęs.

S'a ętik šuis, in, utka, pōz'j pę, uz', n'ięn et tenę ok karę. Kęni Il'l'a Ivanovič' Sokov? Sokov? Kęn vokjd, kęn vokjd? Mis'a mamę nuędis, N'as'pogostę nuędis. Inaęn pę? Mis'a inaęn.

S'a doza kors'isnj. Mamę tože perjs' n'in vęli, sjljs' jualęnj: no babuška, nuędin pitę, nuędin? Nuędi, nuędi, — mamę šuę. Mijan s'a i lampajd ved iz vę, etan vęli sartasa bięn olamę, sartas jukalam, eta kuz'a sartas kos'tam da tani pel'a bipesjas vęli, etani koka vor, sijęn i ęstjs'am. A me i rjtnas i una sartas jukali, me etač'č'ę vor bokas i puktali, mis'a aski kežlę, č'eč'č'ikkežlę.

Ses'a naja zomę bos'tisnj sartastę kujim-n'ol'ęs, lok pę babuška pę sarajat petalam. Mamę šuę: oj-oj-oj, mijan turun vartęma da ižsas da saraj tjris, mij nę

taja. Bitę čukędannjt ti pijanjasę da mij nę loę? Ok pę, og. Kotkę pę kutlam, kotkę pę kors'js'am. Komięs', komięs'. Es'a bęrt'in petkędisnj, a me dinę ęt'ik mort i koll'č'ę'is. A eta vęli vokjslęn etani etaja ręmpęstanj s iža jżjd potret. No etaja tušaęż'js bj't'ę vomęn viz'z'a plot'eč'. L'entaa šapkaa seni.

Ses's'as' naja petisnj, a mens'jm juas'iz da juas'iz da ęt'i mortjd — inagę akan' inagę? on ed jłędlj, on? No me bj't'ę ž'ęl'a da sija menę jłędlę no. Mis'a og, og. Mamę mis'a č'eč'č'iz da nuędis. S's'a bęrt'in mijke s'orn'itis-s'orn'itis da bęrt'i štjknaš čukędis kjmęsas etač'č'ę. Da-a pę, gortat kę es'kę vęli gęs't'a, sjlj vęli mestajs. Ses'a me kaz'oli-gęgęvovoi: oj taja taj oz bur vjłę kors'nj. Mijęn nę tędan — jęj pęrjz' da č'el'ad' da. Korķę ses's'a sarajs'jd is' s'ur, pjrisnj gęlbęč'ę. Gęlbęč' kartopel' jamaęs bjđęn bjčlalisnj ves'sę, bjđęn žuglalemaęs' ves'sę. Pjz' pel'sajas seni vęli, bjđlajs' kors'isnj — is' s'ur. Korķę i petisnj kil'č'ę vjłę. A me mamęlj i šua, mamę, taja belęjjas, belęjjas! A mamę šuę, č'ę te, njr ũs'jt tędan on mijkę! Mij te tędan? A mjs'a pogonaęs', pogonaęs'! Krasnejjd ed gęrd pas'a!

Ses'a mi siži mama-njla borgim, borgim, s'orn'itim, ses's'a i bara pjřęnj. Ignollis n'in mamę, bara pjřęnj-jirkęč'č'ęnj. Oj-øj, bara pjřęnj l'i mij n'in? mužik abu, n'ekod mužikjd abu viž'ęlj. Mež'ž'ęl'a vok vęli da mijan Vjatkajn vęli, a taa Vas' vok vęli da Il'l'a vokę da graždanskej vojna vjlad vęlinj. Abu gortanjm n'ekodj s.

No, naja es'a pjrisnj. Esija d'evoč'kajs pę pas'tas'as da katas, nuędas pę. Dęmsę vis'tōnj. Ses'a me mamęlj s', pas' vęli vuređęma, me ž'ol'in'ž'i tušaa da me siję pas'tali. Og na vęli mun, mis'a me og, voj, voj da pemjd. Noko pę katan on! N'ekod ed abu mužskejjd da piščal'nas esti jirkn'itis, tęč'č'is ved mestajs. Kjs' nę vejnenę jęskęt pjks'an? Me pas'tas'i, nuędi.

Oj doza bur mortlj ses's'a naja viisnj; siję pjšjedisnj, tuj vjlad ljłęmaęs'. I bednota komit'etę puktjlisnj, no sečęm šveč' vęli Rakas, doza bur tom mort vęli, gętjra, a č'el'ad'js iz na vę, tękętę gętras'ęma vęli. No goza jęzjs ves'js žal'tenę vęli, ęd kučęm.

Ses's'a i siję kjč'č'ęč'kę katędisnj esč'ę Tebjs' gorulę, tjdale, ljłęmaęs'. Bjč'č'ama olęmjđ vęli žę n'in daj. Ses's'a i leč'č'iganjs na Rakpasjs' kęč' kijjs' mortlj, Raks'jž žę vęli Mikajłę, doza ram bur mord da bos'tęmaęs' da tuj kolasas bjčlalisnj, das' s'iz'im rana vęli. Štjknas bjčlalemaęs'. Oz n'imęn vis'tō da. Sečęm ram vęli, jęstę oz n'in vęli solō, sečęm bur mort vęli. Njla-pija kol'i da babajs. Męđ asjlas kors'isnj da ljm uljs' s'uri, ljm guę tal'alemaęs'.

A mejam d'ad' vęli stęřęzaz da sjljs' pę vek jualęnj, mij pę kučęm olemjz da mij pę, vaj pę vis'tō. A sija šuę, me pę kjk vežōn kęč' kija vęli da ig pę vę d'erevn'aad da mij nę pę me vis'tolla? Ses'a sija rat'n'ikę vetliz da saldackej šapkaa, šen'el'js' pas' vuređęma, taja pę krasnej. Bos'tasnę da s'a kon'ęřęs vir naprasnej s' bjčlalanj. Rak d'erevn'aę. Simdors'js viž'ęlj pramo leč'č'asnę daj.

Ses's'a na vot mij. Etaja d'es'ackej vĕli, Konon' Van'ika. Orĕĕ'a kerkaanjm. Mi ordjn ke juas'is, mamĕ ves'sĕ vis'tõlis kuž' vĕli, sija jej perj's'jd daj pōz'im. A Konon' Van'ika jĕdĕlĕma. Ina-ĕ ne pe krasnejjs? Konon' Van'ikajd vis'talĕma, me ed bur vojtrĕ ok tĕd, a ž'on' rota pe seni sulalĕ. Sija na jĕdĕljnjĕ kužĕma. Ses'a naja bert'in pōz'asnĭ da s'a ber Simdorat pišjasnj. Tatjs' t'el'epon stolb orõtasnĭ Kn'ašpogos's'jd. Ses's'a Simdorežjĭd ber bergeĕĕ'asnĭ da pišjasnj Vizad vĕlĕm kešjenĭ loknj.

Ses'a tekĕt'ĕ i jugdĭnj kuĕĕ'is. A sija kodljs' mužikte pišjedisnj, sija s'el'sĕvetad vĕlĕm vetlaz daj vajĕdalas krasnejjastĕ, oz-ĕ pe kuĕ'ke vermĭnj vĕtĕdnĭ Simdor tuj vĭlas da ežmõnj mužiksĕ. A kjs' ne ežmalan?

Mijan volisnj ses's'a Il'la vokan. Das kĭk mort. Kĭmjn pe vĕli, kĭmjn beĕjjs? Me šua me ok tĕd. Mamĕ pe keņi, mamĕ? Mis'a meš ljs'tĕ; mamĕ iz až'ž'jĭl ses'a. Vĕlĕn volisnj, vĕlĕn vajĕdollisnj Rakas Kn'ašpogos's'js. Bert'i ses'a vis'talisnj t'el'eponĕ pe orotĕmaĕs'. Taĕĕ'ĕ ĕni s'uram das kĭk mortĭd. Kotke vis'talĕma zĕ pe una, vetĭmjn kĭmjn mort pe beĕjĭd. Ses'a es'ke naja kon'ĕrjasĭd das' i vĕtĕĕ'ĕ'jnĭ vĕli da bert'i iz vĕtĕĕ'ĕ'jnĭ ses's'a pišjisnj daj Jemdinĕž' pōz'isnj da. Tani n'ekod abu krasnejĭd-a, das kĭk mortnad ed on vojuit. Ses'a bert'i taj Jarenskej karĕž' pišjĕmaĕz' da sj mjta i až'ž'jĭlim voknjmeš, seni i us'i. Siž'i i volisnj beĕjĭd.

Mejam dum vĭlam us'i. ĕt'ilĕn mamĭs pe vĕlĕm loktĕ da stoj-stoj sĭlj gorzĕnj, a mamĭs pe pel'tĕm vĕlĕma da liĕmaĕs' mamĕ. Men kĭkjs' gorĕdisnj da ig sut, a kojmeđjs'sĕ gorĕdisnj da sũti. Me ke ig sut, menĕ es'ke seki lijisnj. Verz'ĕm vĕlajt taĕĕ'ĕ mijkekaris, kružitisnj, kik vĕ kolasad menĕ bos'tisnj da pišĕal' vomĭd etaĕĕ'ĕ volis. S'a pōz'ĭ da pōz'ĭ, mjĭ ne ĕ'el'ad' đrĭji on pōz'ĭ, o gospod'i pomiluj...

Es'a i ĕt'iš šuĕ — pōz'is pe pōz'is. Šua es'ke da n'imĕn og vermĭ šunj, kĭ og vermĭ šunj. I n'ekuž' og vermĭ da bert'i đrĭ mjs't'i sulĕdisnj da seni dopros'itisnj menĕ, te pe kĭĕ'ĕ vĕli munan? A me šua mjs'a kuĕĕmke taj krasnejjas da naje nuĕdi. Ses's'a naja skĕrmisnj da skĕrmisnj — kuĕĕm krasnej? keņi pe krasnejjs? Me jejĭd ig i tĕd beĕjĭjastĕ, šus'is, mjĭ ne ĕ'el'ad'ĭd? Ses'a međjs šuĕ, taja pe pōz'is, d'evoĕ'ka pe vĕlĕma, mi pe ž'eps'js'in nad'eĕĕ'im. Te krasnej pe bĭt't'ĕ kuz' pas'a da. No mun pe gortĕ, tĕkĕt'ĕ pe gĕs't'a kuroktĕ ik pe vejĭõ mjntĭnj.

Ses'a mĭjan Rakad sũĕdisnj kontrol' i turunla kanĭ n'i međlapĕĕ vuznj oz lez'nĭ. Kolĕ Kn'ašpogostad volĭnj i propusk bos'nĭ. Propustĕg vĕli n'ekĭĕ'ĕ oz lez'nĭ d'erevn'as'ĭd dažĕ šag. Ses'a seĕĕ'ĕ sũĕdisnj ju dor rĕĕ'as saldatjasĭj.

Ses'a naja vojnad mukĕd đrĭji vĕlĕs'tad vetĕdĕnj da ra-as lĭjasnj, a me pōz'ĕmvĭs'ĭd vĕli ešĕn peĕlajtĭn uz'lam mamĕkĕd da zĭrĕda da jureĕ kuž' kam-munĕ jirkas. Mamĕ vek kutĕ, Anna, Anna, kĭĕ'ĕ pišjan?

Daškĕ mis'eĕ' me vek pōz'ĭ...

дер. Удор. Суровцева Анна Ивановна, 70 лет.

Встреча с белогвардейцами

Во время гражданской войны я жила со своей старой матерью без мужчин. К нам и приходили белые в Раковицы. Моего брата искали дома, да не нашли. Мать успела отвезти в Княжпогост. Моряк он был. В разведке находился, двенадцать человек их было красных в Княжпогосте. Вечером мать разрешила дома посиделки. Брат привел с собой друга Петра, красноармейца. Вечером посидели, переночевали, коек тогда еще не было, мать постелила на полу, так и спали.

Утром на рассвете, тогда декабрь, кажется, был, около Николы дня они были, мать разбудила их и отвезла на лошади в Княжпогост. Это утром, а вечером как раз белые пришли. Я не знаю, сколько их было, не могу сказать. На розвальнях все и с такой трубой, около нас стояли. Пулемет что ли.

Оказывается, на озеро Синдор один из наших стариков отправлялся за рыбой. Он и сказал белым, вот мол, Илья Иванович Соков матрос, находится в разведке. Если бы белые в тот же вечер отправились в Раковицы, застали бы обоих у нас. А они лошадям дали отдых, сами выпили и переночевали в Синдоре. Приехали только на следующий день.

Мы с мамой спали на полу. Кто-то постучался. Ровно полночь. Мать вышла, ничего не спросила, открыла. Один человек зашел, я глаза закрыла. Кто это, думаю? Лежу под одеялом, а тот штыком щупает везде. Прямо ко мне подошел и мои волосы потрогал, а я с косами была, пятнадцать лет мне, шестнадцатый. — Идите, — кричит, — женщина здесь! Ижемские те, все четверо коми. Зашли четверо, а я испугалась и вот так дрожать начала. В одном коротком платье.

Затем один сказал: не бойся, утка, спи, ничего с тобой не сделаем. Где Илья Иванович Соков? Где брат? Говорю, мама в Княжпогост отвезла. Правда? — спрашивают. Правда, говорю. Затем искали долго. У старой матери спрашивают, отвезла ли сына. Отвезла, отвезла, отвечает.

У нас ведь лампы еще не было, керосина не было, жили тогда при лучине, расщепляли полено, лучину жгли над корытом в специальной держалке. Я вечером лучины много заготовила, положила возле корыта на утро. Они взяли три-четыре лучины, сходим, говорят, бабушка, до сарая. Мать: — ой-ой-ой, там у меня сено, солома, за что же это такое? А если искра попадет? Нет, говорит, один подержит лучину, остальные поищем. Все ведь коми.

Вышли, один около меня остался. А на стене висел портрет брата, размером с зеркало. В полосатом, флотец. В шапке с лентой. Все вышли, а этот все расспрашивал, правда отвезли? Не обманываешь? Принимает

меня за малолетнюю. Говорю, мать отправила. Еще поговорил, потом штыком проткнул портрет: да-а, был бы он дома, нашли бы ему место. Я поняла — недобрые это люди. А откуда нам знать, глупой старушке да малолетке?

В сарае не нашли, пошли в голбец. Картофельную яму всю прокололи штыком. Пообломали все. Кадки с мукой там были, там искали, не нашли. Вышли на крыльцо. А я матери говорю: мама, это белые, белые. А мать: помолчи, да что ты понимаешь? Я говорю, они с погонами, с ремнями и погонами. Красные ведь в красных шубах.

Болтаем мы с матерью, ругаемся, а они снова заходят. Мать уже закрывалась, а они опять стучатся. Ой, опять заходят? В доме кроме нас никого нет, отца нет, младший брат в Вятке, старшие Василий и Илья на Гражданской войне. Никого дома.

Они зашли. Пусть, говорят, эта девочка оденется и поведет нас. Дом показать. Надела мамину шубу, я маленькая была. Отказалась было, темно на улице. Ну-ка, собирайся! — и винтовкой стукнули. Как с военным спорить? Я оделась, повела.

Ой, такого хорошего человека они убили после этого, увели его и расстреляли. В комитет бедноты его избрали, ну такой мастер — швец был в Раковицах, очень хороший молодой человек был, женатый, а детей еще не было, недавно женат. Люди сильно жалели его, ведь какой! Его увезли до пригорка Тебьсь, расстреляли. Все пришлось пережить. На обратном пути из Раковиц белые встретили нашего охотника, Михаила. Очень смирный был, закололи и его штыками, семнадцать ран было. Прямо закололи штыками. Он (Михаил) ничего не сказал им, а его допрашивали. Такой добрый был, никогда доносы не делал. Остались дети, сын и дочь, и жена. На следующий день искали и нашли под снегом, в яму его затоптали.

А мой дядя был сторожем, рассказывал, что его белые спрашивали про жизнь да про людей. А Михаил отвечал, что две недели за зайцами охотился, не был в деревне и ничего не знает. Сам где-то он в ратниках был, на нем солдатская шапка, шуба из шинели, так его признали за шпиона красных. И ни за что погубили.

Потом вот что еще. У нас десятский был Кононь Ваниха, в соседнем доме. Если бы белые у нас спрашивали, мать бы всю правду сказала, все как есть, старая она глупая. Кононь Ваниха обманула, сказав, что в Княжпогосте целая рота красных. Она сумела обмануть. Белые испугались и обратно в Синдор удрали. У нас телефонный столб повалили. Испугались они и ушли, а намеревались идти на Княжпогост.

Потом начало светать. А жена преда, оказывается, съездила в сельсовет (Княжпогост) и привезла красных, может, удастся догнать по дороге и

отбить мужа. Ну куда там? Потом прибыли из Княжпогоста Илья и его товарищи. Двенадцать человек. Спрашивали: сколько было белых? Сколько? Я говорю, не знаю. Где мать? — корову доит. Илья мать так и не видел, они на лошади были, из Княжпогоста. Им сказали про обрыв телефонного провода. Вот пропадем мы здесь, в окружении? Кто-то еще сообщил, что белых очень много, около пятидесяти человек. Наши готовы были пуститься в погоню, но испугались и ушли из деревни в Усть-Вымь. Мало их было, с двенадцатью не повоюешь. Потом они до Яренска дошли и столько и видели брата, там погиб. Так и побывали белогвардейцы у нас.

Вспомнила один случай. У одного мать шла по улице, белые кричат ей — стой! стой! — а женщина глухая была, и ее застрелили. Мне два раза крикнули, я не остановилась, в третий раз только остановилась. Если бы я это не сделала, подстрелили бы тогда. Окружили меня верховые, повели между лошадьми, дуло винтовки на меня направляли. Я так дрожала, перепугалась, ну как не испугаться тут малолетней, о господи! Потом один и говорит, испугалась мол. Хочу я что-то сказать, но не могу, язык не слушается. Слова не могу сказать, долго держали, расспрашивали, куда шла. А я говорю, какие-то красные пришли и их проводила. А те (конвоиры) расшвирители, какие красные?! Где красные?! Я с перепугу не разобралась и сболтнула, маленькая дура. Потом другой и говорит, она мол это с перепугу, она малолетняя, а мы думали — подглядываешь. Мы приняли за красного в этой длинной шубе. Иди домой, чуть-чуть, дружок, курок не пустили.

У нас в Раковицах установили контроль, не отпускали ни за сеном, ни на тот берег. Надо было в Княжпогосте пропуск взять. А без него из деревни не разрешали белые отлучаться ни на шаг. Солдаты там стояли на круче возле реки. Иногда ночью пройдут по деревне и — трах! — выстрелят, а я перепуганная на полати (я там с матерью спала) стукалась головой об потолок. Мать еле удерживала: Анна, Анна, куда ты? Может, месяц я всё дрожала.

ТОПОНИМИЯ БАССЕЙНА р. ВЫМЬ

Avil nįrd — луг на р. Чуб
Aјka s'ert — луг (Весляна)
An šor — ручей (Княжпогост)
An šor geга — поскотина (Княжпогост)
An jol' — приток р. Весляны
An jol' din — луг (Весляна)
An'uša — часть с. Шошка
Asj' vož — приток р. Кедва
Ač'im — приток р. Вымь
Ač'im dor — пойма в устье р. Ачим

Bad' vož — приток р. Комысь
Bad' jol' — приток р. Шомвуква
Bad' ū viž' — луг (Евдино)
Baž šor jī — луг (Раковицы)
Bakalda — луг (Турья)
Belaz'omka — луг (Половники)
Bes gu šor dor — луг (Кыркеч)
Via izja jol' — приток р. Ворыква
Vež ju — приток р. Вымь
Vež ju dor — пойма в устье р. Божью
Vež šor — ручей (Половники)
Braga šor — ручей (Княжпогост)
Buriš' šor — ручей (Раконицы)
Bijk lasta — луг (Кони)
Budra — часть д. Синдор

Va viž' — луг (Кыркеч)
Vad kež — луг (Весляна)
Važ kegeš — поскотина (Княжпогост)
Val'di — название местности по р. Евва
Val'di viž' — пойма в верховьях Выми
Val'di kerka din — местность в верховьях р. Вымь
Van'ukō — луг (Кони)
Va n'ur jol' — приток р. Пожер
Vartana — луг по р. Пожер
Varjš lasta — луг по р. Пожер
Vas'eš viem viž' — луг (Турья)
Vas'eš viem kečas — луг (Кони)
Vas'eš viem šor — ручей (Кони)

Ved' ju — приток р. Ропча
 Veža ju — приток р. Вымь; приток р. Коин
 Veža vol' šor — ручей (Половники)
 Vejkon'i — часть д. Кони
 Vej rom — часть с. Княжпогост
 Vē rom — часть д. Отла
 Vekn'eš viž' — луг (Отла)
 Vesjva — приток р. Вымь Весляна
 Ves'kjd izja — пороги на р. Чуб
 Ves'kjd izja viž' — луг (Отла)
 Ves'l'ana — с. Весляна
 Ves'l'anka jol' — приток р. Весляна
 Ves'l'anka jol' dor — пойма устья руч. Веслянка
 Ves'tas viž' — луг (Половники)
 Vet' ju — пос. Ветью
 Vet'tuška — приток р. Вымь
 Vet' ju jĭ — местность в верховьях р. Ветьюшка
 Vet' ju meḍpē — луг (Ветью)
 Viž' bež — луг (Княжпогост)
 Viž' jur — луг (Княжпогост)
 Viž'eḡ šor — луг по р. Пожег
 Viž' rom — луг (Половники)
 Viz — с. Княжпогост
 Viz tuj vĭ — поскотина (Раковицы)
 Viraj viž' — луг (Весляна)
 Vis — приток р. Весляна
 Vič'ko šor — ручей в Княжпогосте, Турье, Весляне
 Vož' rom — приток р. Вымь
 Vōž'an dor — пойма по р. Вымь (верховье)
 Vož' din — пойма по р. Чуб
 Voj vož — приток рр. Кылтовка, Пожег, Кедва, Ропча, Ямщиков-Седмес
 Vojt bež šor — ручей (Княжпогост)
 Vomleš jir — местность по р. Евва
 Veḡ vož — приток р. Кылтовка
 Veleş' — часть д. Синдор
 Veleş' saj — участок леса (Кони)
 Veḡ ū lasta — поскотина (Половники)
 Veḡjk va — приток р. Вымь
 Veḡjk va sož'mes — озеро в верховьях Выми
 Vuktojol' — приток р. Обдыр
 Vurnalan šor dor — луг (Раковицы)
 Vij gad' — пойма в верховьях р. Вымь
 Viļis bar jol' — приток р. Евва
 Viļis viž' ju — приток р. Вымь

Vijls jęg — поскотина (Раковицы)
Vijls kos' — пороги по р. Евва
Vijls č'isva tijas — озера на р. Чисва
Vijl' viž' — луг (Турья)
Vijl' mu — поскотина (Раковицы)
Vijl' mu vī — поскотина (Половицы)

Gab ęl'eš kos' — пороги на р. Чуб
Gaz dor ožž'jkež rom — пойма по р. Пожег
Gaz ju — приток р. Вымь
Gaz ju viž' — луг (Шошка)
Glaz' ju — приток р. Весляна
Gogara — островок (оз. Синдор)
Gort ves' — поскотина (Кыркеч)
Gort šęg — часть с. Онежье
Geга šor — ручей (Кошки)
Geрд jol' — приток р. Евва; приток р. Вымь
Geрд vož'vī — устье руч. Красная Евва
Geге — поскотина (Турья)
Griš miš tј — озеро на р. Ворыква
Griš en' njrd — пойма по р. Чуб
Guč'ert — д. Луг
Guč'ert vož rom — луг (Турья)
Gjrn'ič'a geр — пойма в верховьях р. Вымь

Dav vј — луг (Княжпогост)
Dias'ora — луг (Весляна)
Di kolas — пережат на р. Чуб
Din jol' — приток р. Идзас
Dimjan vojт — луг (Весляна)
Dod' ju — ручей (Кони)
Dod' ju dor — устье руч. Додью
Doriš viž' — луг (Весляна)
Dę n'ur — болото (Весляна)
Deгакęта — луг (Княжпогост)
Deга kijan — луг (Весляна)
Duda viž' — луг (Кыркоч)
Durn'ič'a viž' — луг (Шошка)
Dјm šor — приток р. Вымь (верховье)
D'ak kos' — пороги на р. Чуб
D'erevn'a viž' — луг (Турья)

žužјd viž' — луг (Весляна)
žјnja — приток р. Вымь (верховье)

ž'oj mu gor ū — луг (Весляна)
ž'ol'a ju — приток р. Евва
ž'ol'a gaz ju dor — луг (Кыркоч)
ž'ol'a ɟšəna viž' — луг (Евдино)
ž'ol'a šor — ручей (Керкоч)
ž'el'a jol' — ручей (Весляна); приток р. Пожег
ž'el'a jol' dor — пойма устья руч. Дзоля ель
ž'el'a mj̄k viž' — пойма по р. Пожег
ž'el'a oška šor — приток руч. Войвож
ž'el'a požeg — приток р. Пожег
ž'el'a j̄b ū — пойма по р. Пожег
ž'ug viž' — луг (Турья)

Žeblud (Žebrud) — пойма по р. Пожег
Žebrud jol' — приток р. Пожег
Žigan ord — д. Жигановка

Zada — приток р. Вымь
Zada dor — луг (Половники)
Zal'ež — перекат на р. Чуб
Zlęba — д. Злоба
Zlęba jag — участок леса (Злоба)
Zlęba keręs — участок леса, бор (Злоба)
Zęlęta vad — озеро в верховьях р. Вымь
Zudja viž' — луг (Княжпогост)

Iva viž' — луг (Половники)
Ig van' n'ur — болото (Турья)
Izja lasta — поскотина (Половники)
Iz kara viž' — луг (Отла); пойма по р. Пожег
Iž'as ju — притоки рр. Евва, Чуб
Iž'as ju dor — пойма устья р. Идзас
Iž'as ju ɟḡir — болото на р. Чуб
Iž'pijan — луг по р. Пожег
Izęs' viž' ū — поскотина (Весляна)
Izęs' kerka dor — поскотина (Турья)
Il'kin šor — приток р. Чуб
Il'a viž' — луг (Половники)
In'ka viž' — луг (Отла)
Iskra — ручей (Турья)
Ir ju — приток р. Пожег

Jag din — поскотина (Киркоч)
Jag j̄j̄ — часть с. Весляна

Jag veskjđ — приток р. Ир
 Jag kęřęb kęčas — луг (Кони)
 Jag rom — д. Верхняя Отла
 Jag šor — ручей (Кошки)
 Jag šęř — часть д. Кони
 Jag ū — участок леса (Половники, Шошка)
 Ја ју — приток р. Вымь; приток р. Шомвуква
 Јак s't'er ord — луг (Весляна)
 Јамšikō sodmes — приток р. Вымь
 Јар gor ū — луг (Половники)
 Јар jī — бор (Раковицы)
 Јар kereš — бор (Кыркоч)
 Јар kerka dor — урочище по р. Чуб
 Јар kos't'a — урочище по р. Пожег
 Јеžjđ va — приток р. Коин
 Јеž'jđ doskadog — луг (Кыркоч)
 Јел'ка viž' — луг (Кыркоч)
 Јем va — р. Вымь
 Јемva ol' — приток р. Кылтовка
 Јен kereš n'ug — болото (Кони)
 Јерема ol' — луг (Кошки)
 Јерем kerka dor — луг (Пожег)
 Јіг ју — приток р. Пожег
 Јогор ріјан nјrd — пойма по р. Чуб
 Јок јol' — приток р. Чуб
 Јок јol' jegjг — болото по р. Чуб
 Јок јol' dor viž' — луг (Отла)
 Јокša tј — озеро (Весляна)
 Јol'din lasta — поскотина (Турья)
 Јol'din — пойма по р. Пожег
 Јol'dor — приток р. Вымь
 Јol' neřeš — луг на р. Пожег
 Јos'er — приток р. Весляна
 Јos' kos' — пороги на р. Вымь
 Јō va — приток р. Вымь
 Јō đin — д. Евдино
 Јō d'in jag — бор (Евдино)
 Јē šor — приток р. Чуб
 Јеleķō viž' — луг (Княжпогост)
 Јеřeš — часть с. Княжпогост
 Јеřeš kereš
 Јеř šor dor — луг (Отла)
 Јеř pel'eš tuј — название дороги (Турья)
 Јер pel'eš tuј n'ug — болото (Турья)

Kaako — луг (Синдор)
 Kama šor — ручей (Кыркоч)
 Kamisa jol' — ручей (Турья)
 Kan'ava t̃j — озеро (Весляна)
 Kan' ord — местность по р. Пожег
 Kara j̃j — покотина (Отла)
 Kara šor — названия ручьев Княжпогост, Отла, Весляна
 Kara šor dor — луг (Весляна)
 Kar vož' — луг (Шошка)
 Kar vož' l̃jaṽj̃ — покотина (Шошка)
 Karla vas' tuj — название дороги (Турья)
 Kar šor — ручей (Турья)
 Kar šor dor viž' — луг (Турья)
 Kar ū šor — ручей (Отла)
 Kar ū viž' — луг (Половники)
 Kas's'an kedva — приток р. Кедва
 Katajevka — д. Катаевка
 Kat̃jd j̃er — луг (Кыркоч)
 Kat̃jd rom — часть с. Онежье
 Kvajtura — луг (Кыркоч)
 Kvajt č'un' vož' ṽj̃ — перекал на р. Чуб
 Kedva — приток р. Вымь
 Kerka č'al' — приток р. Комысь
 Ker̃eš — часть дд. Весляна, Кошки, Кыркоч
 Ker̃eš gor̃u — покотина (Весляна, Кошки, Кыркоч)
 Ker̃eš ped̃em jol' — приток р. Пожег
 Keč'nan rom — ручей (Весляна)
 Kil'im viž' — луг (Половники)
 Kozja viž' — луг (Турья)
 Kozl̃bka, kozl̃ord — часть с. Онежье
 Koz ū — луг (Отла)
 Koin — приток р. Вымь
 Kõj vom̃jn — местность по р. Вымь (верховье)
 Kõj vom̃jn bež — местность в верховье р. Вымь
 Kokal' di — местность по р. Евва
 Kok rom — часть с. Шошка
 Kom̃j's' — приток р. Вымь
 Koñ ker̃eš — покотина (Княжпогост)
 Kon'ī — д. Кони
 Kon'ī jol' — ручей (Кони)
 Kon'ī međlape — луг (Кони)
 Kogosa viž' — луг (Весляна)
 Kor j̃j̃ — луг (Половники)

Koroč'ka — луг (Кошки)
 Kos' vož' — приток р. Чуб
 Kos' ju — приток р. Вымь
 Kos' gorū — местность по р. Евва
 Kos' ordeš — луг по р. Пожег
 Kos' kerka dor — луг по р. Евва
 Kor pom jol' — приток р. Вымь (верховье)
 Keβīla jir — местность по р. Чуб
 Keβīla šor dor — луг (Половники)
 Kež — бор (Весляна)
 Kežerem — пойма по р. Пожег
 Kež pom šor — приток р. Чуб
 Kež'īd šor — ручей (Кыркеч)
 Keč' ordeš — луг (Княжпогост)
 Kresta viž' — луг (Кошки)
 Kresta lasta — поскотина (Половники)
 Krasnej tī — озеро в верховье Еввы
 Krivul'a — пережат на р. Чуб
 Kua viž' — д. Куавицы
 Kua viž' — поскотина (Кони, Кыркоч)
 Kuzola viž' — луг (Половники)
 Kuz' lud — луг (Кони)
 Kukan' šor — ручей (Кыркоч)
 Kul'īga — луг (Кыркоч)
 Kuma šor — ручей (Шошка)
 Kus ju — приток р. Вымь
 Kušn'ik — пойма по р. Пожег
 Kuštjs' ord — д. Куштысевка
 Kuč'ka jol' — приток р. Ропча
 Kuč'men'ō tuj — название дороги (Турья)
 Kūž' din — д. Кыздзино
 Kūk vož'sas jol' — приток р. Пожег
 Kūk jol' kolas — луг (Раковицы)
 Kūltōka (vīlīs k.-ulīs k.) — притоки р. Вымь
 Kūn'a šor — ручей (Раковицы)
 Kūn'a šor dor — пойма устья Кыня шор
 Kūn'a šor kūtīd — луг (Раковицы)
 Kūn' viž' — луг (Весляна)
 Kūn' viž' šor — ручей (Весляна)
 Kūn' viž' šor katīd — луг (Кони)
 Kūrkēč — д. Кыркоч
 Kūg ū — часть с. Весляна
 Kūčīl' kos' — пороги по р. Пожег
 Kūč'ert tuj dor — луг (Раковицы)

Kiřina jag — участок леса (Турья)
Kiřijov — озеро в верховьях р. Евва
Kiřid va nird — луг (Княжпогост)
Kiřid jer — покотина (Кыркоч)
Kiřid lasta — покотина (Раковицы)
Kiřid šor — ручей (Княжпогост)

Lab lud — покотина (Синдор)
Lagir dor — луг (Кошки)
Lap viž' — луг (Турья)
Lapin jer — покотина (Кошки)
Lar mu šor — ручей (Кошки)
Lasta jur — луг (Кыркоч)
Lasta keręs — покотина (Раковицы)
Lav ūtas, La ūtas — пойма по р. Пожег
Lap viž' — луг по р. Пожег
Ležnęga viž' — луг (Весляна)
Lokč'im — приток р. Тобысь; приток р. Иосер
Lõru pin'a jegir — болото на р. Чуб
Lepta viž' — луг (Княжпогост)
Ludęm n'ur — болото (Весляна)
Luka an' van' ves' — луг (Кони)
Luka an' van' međlarę — луг (Кони)
Lun vož — притоки рр. Чуб, Пожег, Кони, Шомвуква, Пытыр, Ямщиков-Сод-

мес

Lja šor din — покотина (Отла)
L'aj — д. Ляли
L'aj međor — д. Ляли (Заречье)
L'ev kerka dor — луг по р. Пожег
L'ęm ju — приток р. Евва
L'ok vera vož — приток р. Пытыр
L'ok jol' dor — покотина (Отла)
L'ok n'as't'i — луг (Турья)
L'ok tј dor — приток р. Вымь
L'ok t'es ju — приток р. Вымь
L'ok šor — ручей (Княжпогост)
L'ok č'ę — приток р. Евва
L'ubi vož — приток р. Кедва
L'un viž' — луг (Турья)
L'un' kež rom — луг по р. Пожег

Madmas — приток р. Шомвуква
Mažpi — покотина (Княжпогост)
Majegb viž' — луг (Кыркоч)

Makama šor — ручей (Шошка)
Malaja č'isva — приток р. Чисва
Mark ord — луг (Отла)
Mark šor dor — луг (Отла)
Markin neḡeṣ — поскотина (Шошки)
Марпа viž' — луг (Весляна)
Mež s'ura — пос. Мещура
Meždon lasta — поскотина (Кыркоч)
Medbeḡ viž' — луг (Половники)
Mel'n'ik kerka dor — луг (Турья)
Mel'n'ič'a jol' — приток р. Пожег
Mel'n'ič'a šor — ручей (Кыркоч)
Mes'ju — приток р. Чинья-Ворык
Mit'it paš viž' — луг на р. Комысь
Mič'a ju — приток р. Чисва
Mič'a viž' — луг (Кыркоч, Весляна)
Mič'a lasta šor dor — луг (Турья)
Moja viž' — луг (р. Пожег)
Moј keṭma — луг (р. Пожег)
Mon' šor — ручей (Кошки)
Mos'a jag — бор (Весляна)
Meḡdlapē — часть д. Отла (заречье)
Meḡdor ožžik kež rom — луг (р. Пожег)
Medor l'un' kež — луг (р. Пожег)
Meḡd jб — луг (Раковицы)
Meṣ viž' — луг (Половники)
Meṣ don — луг (Половники)
Mu gor ū — поскотина (Кыркоч)
Mur ju — приток р. Чуб
Mur ju dor — луг (р. Журью)
Mus — р. Вымь; приток р. Чуб
Mus meḡdor — часть д. Половники
Mjka ol' — местность на р. Чуб

Nasta pia — луг (р. Евва)
Norta neḡvina — поскотина (Княжпогост)
Nort saj din — поскотина (Княжпогост)
Neḡvina — поскотина (Отла)
Neḡeṣ — поскотина (Турья)
N'arkjd bad' — луг (р. Евва)
N'areḡd šor — ручей (Кыркоч)
N'an' keḡša — поскотина (Шошка)
N'ekrasō veskjd — приток р. Пожег
N'erdsa viž' — луг (Шошка, Синдор)
N'eped ord — луг (Кони)

N'erón viž' — луг (р. Евва)
N'emjn — приток р. Чисва
N'ia ū — пойма по р. Пожег; пойма в Верховье р. Вымь
N'ia ju — приток р.
N'irimvj — ручей (Турья)
N'ijež' — приток р. Евва
N'iv ju — приток р. Ронча; приток р. Евва
N'irim viž' — луг (Половники)
N'on'eg viž' — луг (Кыркоч); пойма устья р. Пожег
N'ulač' — приток р. Вымь

Obdjr — приток р. Евва
Odak — луг в верховье р. Вымь
Oda katjd — луг (р. Комысь)
Odžjk kež rom — луг (Турья)
Oljm — приток р. Вымь
Oljm dor — пойма устья р. Олым
Omjn — приток р. Пожег
Opara — приток р. Кылтовка
Ors ju — приток р. Пожег
Ors ju dor — луг (р. Орсью)
Oš jol' — ручей (д. Луг)
Oška viž' — луг (Половники)
Oš meš — местность в верховьях р. Вымь

eł'ek viž' — луг (Половники)
eł'ek laped — поскотина (Половники)
eł'ek s't'er peškeť'ina — луг (Кыркоч)
enušō njrd — пойма по р. Чуб
en'ik kol'a viž' — луг (Половники)
ers'a kež — луг (Отла)
eš viž' — луг (Отла, Кони)
eška viž' — луг (Турья)
ešena viž' — пойма в верховьях р. Вымь
ešena jol' — приток р. Пожег
ešmeš kos' — пороги в верховьях р. Вымь
eš'ip keręš — поскотина (Княжпогост)
eš'ip tuj dor — поскотина (Отла)

Rajtu — луг (Весляна)
Pakta šor — приток р. Вымь
Pakta šor katjd — луг (Кыркоч)
Pakjn kež rom — луг (р. Пожег)
Palkin šor — ручей (Отла)

Pan'č vĭ — часть д. Половники
 Paraon viž' — луг (Княжпогост)
 Paraon keręs — поскотина (Княжпогост)
 Pas rom — луг (Кыркоч)
 Pas rom šor — ручей (Кыркоч)
 Pas'kjd kar ū — поскотина (Княжпогост)
 Paš van' viž' — пойма по р. Чуб
 Paun — луг (р. Евва)
 Pev ju — приток р. Чуб
 Pegjš — д. Пегыш
 Pegjš jol' — приток р. Евва
 Ped' jol' — приток р. Чуб
 Pejsjn — приток р. Вымь
 Pejsjn dor — пойма устья р. Нейсми
 Perna kječ — луг (Кыркеч)
 Pesok šor — ручей (Княжпогост)
 Petkoja — часть с. Шошка
 Peč'era kež — местность в верховье р. Вымь
 Peč'era stan — луг (верховье р. Вымь)
 Peč'era kež šer — луг (верховье р. Вымь)
 Pikir jol' — приток р. Евва
 Pil' nĭrd — луг (р. Пожег)
 Pil' pĭjan — луг (Шошка)
 Pinka viž' — луг (р. Пожег)
 Pĭru vož'vĭ — пережат (верховье р. Вымь)
 Pĭru nĭrd — луг (Отла)
 Podmorĭna viž' — луг (р. Пожег)
 Podog mu — поскотина (Половники)
 Požeg — приток р. Вымь
 Požęta šor — ручей (Отла)
 Pok ju — приток р. Вымь
 Polon'ik — д. Половники
 Polon'ik viž' — луг (Половники)
 Pom ras — приток г. Вымь
 Pop jęr — луг (Кошки)
 Popjus'ka — луг (Весляна)
 Pop kar ū — поскотина (Княжпогост)
 Pop kerka dor — луг (р. Пожег)
 Pop an kerka dor — луг (р. Пожег)
 Popon jol' — приток р. Пожег
 Porka — луг (р. Чуб)
 Por nĭrd — луг (р. Пожег)
 Posa šor — ручей (Раковицы)
 Peĭla jol' — приток р. Чуб

Peľatka — луг (Весляна)
Peľeš viž' — луг (Шошка)
Peľ'itōka — д. Политовка
Peřem jag — бор (Раковицы)
Peř mu geř — луг (верховье р. Вымь)
Peřkeť'ina — луг (Кыркоч)
Priluk — луг (Турья)
Prisad — ручей (Весляна)
Prisad viž' — луг (Весляна)
Purjs' — приток р. Весляна
Pjvva — приток р. Ворыква
Pjv va — приток р. Ворыква
Pjvs'an ju — приток р. Евва
Pjťir ju — приток р. Евва

Ras ū viž' — луг (верховье р. Вымь)
Ras ū geř — луг (верховье р. Вымь)
Ras viž' — луг (Отла)
Ras vomjñ — луг (Отла)
Rekteř viž' — луг (Половники)
Roščaa viž' — луг (Весляна)
Roč' viž' — луг (Киркоч)
Roč' kar ū — луг (Княжпогост)
Roč' šor — ручей (Шошка)
Ropč'a — приток р. Весляна
Red'a nįrd — луг (р. Чуб)
Rud'n'ikovej ruč'ej — приток р. Кони
Ruč'a č'oj ū — местность по р. Пожег
Ruč' jol' — приток р. Вымь
Rjñša — луг (р. Пожег)
Rjś'ked, rjś'kedva — приток р. Кедва
Rjťj vož — приток р. Кылтовка

Sandjř van' — луг (р. Евва)
San'č'uga — луг (Весляна)
Samodurovo — озеро (р. Евва)
Sar vož — приток р. Чуб
Sar ju — приток р. Вымь
Svod neřeš — покотина (Турья)
Sebjñ — приток р. Пожег
Setęra kos' — пережат на р. Вымь
Simva — приток оз. Синдор
Sim vom — устье р. Симва
Sim dor — д. Синдор

Sim kečas — луг (Пожег)
Sodmeš veřikva — приток р. Ворыква
Sod nečas — луг (р. Пожег)
Sok nečina — поскотина (Кыркоч)
Sok šor — ручей (Кыркоч)
Sondeš — луг (Княжпогост)
Sondis — поскотина (Весляна)
Sord jol' — ручей (Княжпогост)
Sord ju — приток р. Чуб
Sord ju dor — устье р. Сердюю
Sotas šor — ручей (Кошки)
Sotem viž' — луг (р. Пожег)
Sož'mes — ручей и луг в верховье Выми
Stap ord — луг (Кони)
Budeř požeма mu — поскотина (Половники)
Stavl'i — луг (верховье р. Вымь)
S'virle — местность в верховье р. Вымь
S'empeč' sor dor — луг (Княжпогост)
S'ira jol' — местность по р. Пожег
S'ira kež — луг (Кошки)
S'oj mu — бор (Отла)
S'orkn'ia viž' — луг (Отла)
S'ed ju — притоки рр. Вымь, Евва, Чисва
S'ed mırja kečas — бор (Кыркоч)
S'ed n'ajta — луг (Кошки)
S'eņa viž' — луг (Евдино)
S'eņa šor — ручей (верховье р. Вымь)
S'ed tj — озеро (р. Евва)
S'ed šor — ручей (Шошка)
S'ert viž' — луг (Кони, Шошка)
S'eš'ka jag — бор (р. Ворыква)
S't'ep van' kerka dor — луг (Отла)
S'ulas — приток р. Кони

Taga vojт — луг (Половники)
Talazdor l'un' kež rom — луг (р. Пожег)
Tarkama — луг (верховье р. Вымь)
Tobjs' — приток р. Иосер
Toda šor dor — луг (Половники)
Toj ju — притоки рр. Вымь, Шомвуква
Tēj'em — приток р. Пожег
Tēj'em vom dor — пойма устья
Teļesa — луг (р. Пожег)
Teš'õ l'un' kež rom — луг (р. Пожег)

Tręš nįrd — луг (р. Чуб)
Trunda šor — ручей (Кыркеч)
Tunęg — луг (Весляна)
Turja — с. Турья
Turja įb — с. Онежье
Turun kerka nįrd — луг (р. Пожег)
Tįa viž' — ручей (Княжпогост)
Tįviska — луг (р. Чуб)
Tįviska dor — луг (Турья)
Tįkela — луг (р. Пожег)
Tįkela keęiš — луг (верх. Вымь)
Tįkela dor — луг (р. Пожег)
Tįkela jur — луг (р. Пожег)
Tįla — часть с. Шошка
Tįla jol' — притоки рр. Пожег, Кылтовка
Tįla jol' din — устье р. Тылаэль
T'es ju — ручей (верх. Вымь)
T'es ju dor — устье реки Тесью

Čak jol' — приток р. Ворыква
Čak lasta — поскотина (Турья)
Čupa viž' — луг (Отла)
Čupta kos' — пороги на р. Вымь

Ugjum — приток р. Вис
Udor — часть с. Княжпогост
Udor katįd — часть с. Княжпогост
Udorko — ручей (Отла)
Ulįs bar jol' — ручей (р. Евва)
Ulįs bež ju dor — приток р. Вымь
Ulįs val'di — луг (верх. Вымь)
Ulįs viž' ju — приток р. Вымь
Ulįs kos' — пороги на р. Евва
Ulįs č'isva tįjas — озера (р. Чисва)
Ūdor — часть с. Шошка

Šaniš geę dor — пойма (верх. Вымь)
Šarkaа viž' — луг (Отла)
Švan jol' — приток р. Пожег
Šomvukva — приток р. Вымь
Šor vož' — приток р.
Šor jag tųj — название дороги (Турья)
Šor jį — луг (Кыркеч)
Šor meędor — часть с. Весляна

Šormes — приток р. Евва
Šoška — с. Шошка
Šerko viž' — луг (Отла)
Šer kos' — пороги на р. Вынь
Šer tujvī — поскотина (Кыркеч)
Šer tija — треть с. Отла
Šuger — приток р. Вынь
Ščanęs jol' — ручей (верх. Вынь)
Ščepen'ika šog — приток р. Чуб

Č'ad vojт — луг (Отла)
Č'ajęs — ручей и луг (верх. Вынь)
Č'ara šog — ручей (Отла)
Č'asa dor — часть д. Политовка
Č'erman — озеро (р. Евва)
Č'il'im nįrd — луг (р. Пожег)
Č'in'n'a vęřk — приток р. Ропча
Č'isva — приток р. Вынь
Č'isva tјjas — озера (р. Чисва)
Č'ov — приток р. Вынь
Č'od — озеро (Кони)
Č'od viž' — луг (Кони)
Č'oj viž' — луг (Кони)
Č'omja viž' — ручей (Княжпогост)
Č'omja šog — пос. Чомьяшор
Č'omkosa jol' — приток р. Кедва
Č'omkosta vet'ju dor — луг (Коми)
Č'omkos žįnja n'ur — болото (Коми)
Č'ornaja — приток р. Весляна
Č'ub — приток р. Вынь
Č'ub ves' — луг (Отла)
Č'ub vom dor — устье р. Чуб
Č'ub kįřtd — луг (Отла)
Č'ukč'i nįrd — луг (р. Чуб)
Č'uš jol' — приток р. Малый Пожег
Č'ę dor — луг на р. Чов
Č'ę ju — приток р. Евва

įb ju — ручей (Турья)
įb jol' — ручей (Турья)
įb įj — часть с. Шошка, с. Весляна
įb įj viz' — луг (Турья, Весляна, Евдин)
įb įj šog — ручей (Кошки, Шошка)
įb n'ur — болото (Шошка)

ĭbɛ dɪn — луг (Кони)
ĭb tɯj — название дороги (Турья)
ĭb šor — ручей (Отла)
ĭb ū jol' — приток р. Пожег
ĭž gida šor — ручей (Кыркоч)
ĭžĭd viž' — луг (Княжпогост, Турья, Евдино, Весляна)
ĭžĭd izja šor — ручей (Кыркоч)
ĭžĭd kɪn' viž' — луг (Кони)
ĭžĭd jɛr — поскотина (Кони)
ĭžĭd mɪk viž' — луг (р. Пожег)
ĭžĭd šor — приток р. Чуб
ĭžĭd šor dor — луг (Кошки, Княжпогост)
ĭžĭd oška šor — приток р. Войвож
ĭžĭd ĭb ū — луг (р. Пожег)

Eb kɛž — местность в верховье р. Вымь
Eža kolás — луг (Кони)

Издание монографии стало возможным благодаря усердию Геннадия Степановича Габова, друга со студенческих времён В.А. Ляшева.

Попытка публикации работы предпринималась ещё в 1992 г., но в силу непростой ситуации в стране, была отложена на перспективу. Спустя 21 год, при поддержке админист-

рации Княжпогостского района Республики Коми монография публикуется.

Габов Геннадий Степанович, коми-зырянин, уроженец дер. Удор Княжпогостского района Республики Коми. В 1953 г. закончил седьмой класс Серёговской школы. С 1956 по 1959 гг. проходил армейскую службу в группе советских войск в Германии. Позже закончил вечернюю школу в пос. Железнодорожный, а в 1971 г. — Коми государственный педагогический институт по специальности история. После завершения учёбы в вузе работал в национальном музее Республики Коми, затем — филиале Академии наук. С 1973 г. руководил Сысольской районной кинесетью, позднее заведовал отделом радиоинформации газеты «Маяк Сысолы».

С 1989 по 2010 гг. был предпринимателем в г. Емва. 11 лет в газете «Княжпогостские вести» вёл колонку «Новости от Габова» на самые злободневные темы.

В настоящее время является солистом ансамбля «Аддзисьлёмьяс» ЦНК г. Емва. Жизненное кредо Геннадия Степановича: «Пою везде: и в поездах, и в подъездах, на сцене, и по телефону».

Монография

**ФОНЕТИКО-МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВЫМСКОГО
ДИАЛЕКТА КОМИ ЯЗЫКА**

ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ ЛЯШЕВ

Технический редактор — *Н. Вахнин*

Подписано в печать 29.08.2014.

Формат 60x84 ¹/₁₆. Бумага офсетная.

Гарнитура «Times New Roman». Печать офсетная.

Усл. печ. л. 10,23. Тираж 100.

Заказ № 2882

Отпечатано в ООО «Кировская областная типография»
с дискет заказчика в полном соответствии с качеством предоставленных материалов
610004, г. Киров, ул. Ленина, 2